

М. КАРАТЕЕВ — ВОЗВРАЩЕНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ВЕНЕЦΙΑНКАМ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

М. КАРАТЕЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Исторический роман из эпохи борьбы Польско-Литовского государства с Тевтонским Орденом.
(Начало 15 столетия)

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТАНАИС»**

Париж 1967 г.

Все права переизданий, переводов и кинематографических постановок закреплены за автором.

— O —

Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation réservés par l'auteur.

— O —

Copyright by the autor.

Обложка работы гр. В. В. Уварова.

Схемы работы В. Н. Николаева

Тираж 1100 экз.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА», изд. 1958 г.

Исторический роман из жизни русских удельных княжеств первой половины 14 столетия. — Распродан.

«КАРАЧ-МУРЗА» (Тверь против Москвы), изд. 1962 г.

Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского за объединение Руси.

«БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ», изд. 1963 г.

Исторический роман из эпохи борьбы князя Дмитрия Донского с татарами. — В распоряжении автора имеется весьма ограниченное количество экземпляров.

«ЖЕЛЁЗНЫЙ ХРОМЕЦ», изд. 1966 г.

Исторический роман из эпохи завоеваний Тимура.

«ПАРАГВАЙСКАЯ НАДЕЖДА». Печаталось в газете «Русский в Аргентине» в 1937-1938 гг.

Эпопея поселения русских колонистов нашего времени в Парагвае.

«РОССИЯ В УРУГВАЕ». Печаталось в той же газете в 1939-1940 гг.

Очерк по истории русских сектантов-колонистов в Уругвае.

«НА РУДНИКАХ БОЛИВИИ». Печаталось в той же газете в 1940 г.

Бытовые очерки.

— О —

Готовится к печати:

«ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО», — сборник исторических очерков.

(«Норманская болезнь в русской истории», «Род Рюрика», «Битва на Калке», «Галицкая Русь и король Даниил Романович», «Александр Невский», «Участники Куликовской битвы», «Первый самодержец всея Руси», «Борис Годунов», «Мальтийские рыцари», «От дубины до водородной бомбы» и др.)

Адрес автора:

Dr. M. Karateeff (Михаил Дмитриевич)
Balneario Atlàntida
R. O. del Uruguay, S. America

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опубликование исторической хроники «Русь и Орда», ныне законченной М. Д. Каратеевым, является настолько значительным событием в русской литературе, что оно, вне всякого сомнения, привлечет к себе внимание компетентных критиков — литературоведов и историков, — которые дадут этому обширному труду всестороннюю и справедливую оценку.

Я же, зная автора почти со дня его рождения и находясь с ним в постоянном контакте, прежде всего хочу сказать несколько слов о нем самом.

Михаил Дмитриевич (отцу которого, профессору Д. В. Каратееву и его роду была возвращена фамилия предков — князей Карачевских), родился в феврале 1904 года, кадетом-добровольцем принимал участие в гражданской войне и в 1921 году, по эвакуации в Югославию, окончил там кадетский корпус, уже тогда обнаружив исключительные способности. По особому разрешению педагогического совета, выдержав экстерном экзамен из пятого класса прямо в седьмой, он окончил корпус первым и притом на круглые 12 баллов, что при строгости оценок в военно-учебных заведениях было большой редкостью (В Петровском-Полтавском кадетском корпусе, где учился М. Каратеев, за восемьдесят лет это был пятый случай). После этого он также блестяще окончил Сергиевское Артиллерийское Училище, эвакуированное в Болгарию, с производством в офицеры по конной артиллерии, а позже получил высшее образование в Бельгии, которое дало ему диплом инженера химика, а два года спустя, после защиты диссертации, — степень доктора химических наук.

Эту специальность, очутившись в эмиграции, М. Каратеев вынужден был избрать из чисто практических соображений. Но с юношеских лет его любимой наукой была история, которой он продолжал увлекаться всю жизнь, с годами накопив в этой области обширные познания и постепенно составив себе по историческим вопросам библиотеку, которая в русском зарубежье является, вероятно, единственной. Достаточно указать, что в ней имеется свыше сорока одних только русских летописей и сотни трудов средневековых историков и хронистов, — арабских, персидских, византийских, венецианских, польских, чешских, германских, армянских, грузинских и пр. И это, в сочетании с громадной эрудицией автора, позволяет ему давать замечательно точное и разностороннее описание событий и уснащать свои книги такими интересными и редкими историческими деталями, которых рядовой читатель не мог бы найти нигде, ибо они известны только узким специалистам-историкам и совершенно отсутствуют в общедоступной русской литературе. Стоит лишь просмотреть приложенный к этой книге список источников и пособий, которыми пользовался автор в работе над своей исторической эпопеей «Русь и Орда», чтобы понять, какой колоссальный труд он проделал и насколько добросовестно относился к своему творчеству.

Думается, что М. Каратеев, как исторический романист, представляет собой явление в своем роде единственное и случайное, порожденное лишь обстоятельствами эмигрантской жизни: в родной стране и в нормальной обстановке, он, при своих склонностях и познаниях, скорее всего посвятил бы себя чисто академической деятельности и едва ли стал бы писать романы. Но в эмиграции это оказалось для него единственной возможностью сделать что-то на любимом им историческом поприще. И в силу этой аномалии, русская художественная литература обогатилась писателем большой ценности, на книгах которого, без сомнения, будут воспитываться в подлинно национальном духе многие поколения русских людей.

Достаточно прочесть любое произведение М. Каратеева, чтобы убедиться в том, что историк в нем явно преобладает над романистом. По существу, у него особый жанр: как справедливо отметили некоторые критики, это скорее романизованная история, чем исторический роман и в этой области его не с кем сравнивать в русской литературе. Все приводимые им исторические события, данные и факты, вплоть до мелочей, безусловно верны, хронология их выдержана точно, а само повествование изобилует деталями, мыслями и выводами, которые обнаруживают не только глубокие познания и писательскую честность автора, но и его самостоятельную исследовательскую работу. И вместе с тем все это облечено в такую интересную и увлекательную форму, что, начав читать любую книгу М. Каратеева, трудно выпустить ее из рук, не дочитав до последней страницы. Однако, от других писателей исторического жанра, которые обычно старались приспособить русскую историю только как фон для выдуманной ими фабулы, Каратеев выгодно отличается тем, что он подчиняет свою фабулу действительности и показывает историю в ее последовательном развитии и в совокупности с историей соседних стран — западных и восточных (последнее особенно важно, ибо несмотря на тесные связи в прошлом, мы о них почти ничего не знаем), что дает читателю возможность охватить историческую картину в целом, а события в их взаимодействии.

С качествами знающего историка, одаренного необыкновенной интуицией в отношении нашего далекого прошлого, Каратеев совмещает крупный литературный талант. Стиль его чеканен, описания природы и древних городов и весей преисполнены художественного мастерства, язык, в меру окрашенный под старину, безупречен. «Это тот подлинный, благородный в своей простоте и четкости бессмертный русский язык, — как отмечалось в одной из рецензий, — который переживет и переборет все нездоровые уклоны современности и которому не страшна конкуренция всяческих модернизмов». Герои романов Каратеева, — князья, ханы, бояре,

воины, русские женщины и простые люди, — это не надуманные ходульные персонажи и не бледные тени прошлого, а подлинно живые люди, воскрешенные мастерством автора, — читатель видит их перед собой, как наяву, живет их жизнью и незаметно для себя целиком переносится в их эпоху, становясь как бы свидетелем и соучастником описываемых событий.

О М. Д. Каратееве следует сказать особо, как о художнике слова — баталисте и, в то же время, как о военном историке. Им подробно, с приложением схем, описаны все крупные сражения (числом свыше двенадцати) за целое столетие, которое охватывает историческая эпопея «Русь и Орда». И сделано это с подлинным художественным мастерством и с глубоким знанием таких деталей, которые безусловно обогащают нашу военно-историческую науку и дают возможность по-новому осмыслить многие из этих сражений, ибо автор изучил их не только по русским, но и по восточным документам эпохи, нам почти неизвестным. Как человек, окончивший Академию Генерального Штаба и, кроме того, Археологический институт, то есть компетентный и в военном деле и в вопросах древности, я могу судить об этом с достаточным знанием дела.

Особенно удалось Каратееву описание Куликовской битвы в романе «Богатыри проснулись». Тут он разворачивает перед нами поистине грандиозную батальную картину, где безупречно выдержан общий стиль и филигранно отработана каждая деталь, каждая фраза. По силе изобразительности и воздействия на читателя, это шедевр, равного которому, пожалуй, нет в русской литературе подобного рода.

Превосходно описана им и Грюнвальдская эпопея (война с Тевтонским Орденом), о которой читатель прочтет в этой книге. Тут невольно напрашивается сопоставление М. Каратеева с Г. Сенкевичем, замечательно описавшим Грюнвальдскую битву в своем романе «Меченосцы». Его описание считается классическим. Но Каратеев с честью выдерживает это трудное и почетное сравнение, ибо он освещает те же события не менее кра-

сочно, но под несколько иным углом зрения: в то время как Сенкевич обращал главное внимание на романтику и героическую поэзию битвы, патриотическому пафосу отдавая предпочтение перед объективным изложением событий и о многом умалчивая, — Каратеев и тут строго историчен. И это тем лучше заметно и тем более ценно, что он описал всю эту эпопею по польским источникам, которыми пользовался и Сенкевич.

В творчестве Каратеева следует отметить и следующее: полное отсутствие какой-либо сословной тенденции и великодержавного шовинизма. У него с равной любовью и объективностью выявлено участие всех слоев населения в строительстве Отчизны и в ее защите от бесчисленных врагов, внешних и внутренних. Но даже и в отношении этих врагов он старается быть справедливым и беспристрастным, изображая их не одними лишь темными красками. Так, мы находим симпатичные черты в нарисованных им портретах врагов Москвы — князя Михаила Тверского и Ольгерда Литовского; не замалчивает он ни воинской доблести и рыцарского духа тевтонов, ни положительных качеств поработителей Руси — татар. И не даром читатели татары пишут, что он является первым русским писателем, который описал их народ правдиво и честно, тогда как до него в русской литературе татар изображали только как бесчеловечно-жестоких грабителей и поганых варваров.

И, в заключение, в книгах Каратеева стоит особо подчеркнуть их исторический оптимизм, порождаемую ими веру в жизненные силы русского народа. Дочитав до конца эту замечательную пятитомную эпопею, читатель как бы обновляется духом и знает: народ с таким прошлым не может погибнуть и никто не в состоянии отнять у него великого будущего.

А. М. Юзефович

ОТ АВТОРА

Настоящей книгой заканчивается пятитомная историческая эпопея, которой я дал общее название «РУСЬ И ОРДА». Она повествует об эпохе очень скудно освещенной в нашей литературе и охватывает целое столетие истории Руси и смежных с нею государств, в их политическом и бытовом взаимодействии, — ибо только такой подход к прошлому обеспечивает правильное его понимание.

Вероятно, некоторые на меня посетуют за то, что на протяжении всего этого долгого повествования, историк во мне явно преобладал над романистом. На это отвечаю, что я и не стремился к тому, чтобы развлечь читателей описанием каких-либо надуманно-захватывающих авантур, а ставил себе целью — в интересной и по возможности увлекательной форме дать им побольше подлинно исторических сведений, особенно таких, которые трудно отыскать в общедоступных источниках.

Исходя из этого я, может быть, слишком много внимания уделил бывшим татарским улусам и среднеазиатским странам — Хорезму и Мавераннахру. Но не следует забывать, что эти страны и населяющие их народы давно вошли в состав нашей общей Российской семьи, а мы и до сих пор знаем о них позорно мало, и часто не имеем никакого представления о тех исторических связях, которые издавна сближали нас с Востоком.

О прошлом наших западных соседей мы знаем немного больше, но все же далеко не достаточно, если вспомнить, что история Литвы и Польши на протяжении веков сливается с историей южных и западных русских княжеств. Теперь же, когда Восточная Пруссия стала частью России, законный интерес приобретает для нас и история Тевтонского Ордена.

Вот почему в своем повествовании я часто «нарушал границы» всех этих стран и переносил действие из одной в другую.

Итак, труд, которому я отдал двенадцать лет жизни, наконец, закончен. Он тепло встречен теми зарубежными читателями, которые еще в полной мере остались русскими людьми. Но широкого признания и распространения в наши дни он получить, конечно, не может, ибо идеологически не отвечает требованиям ни одной из двух основных политических сил, которые ныне господствуют в мире.

В работе у меня был один критерий: я подходил к прошлому и к его оценке с позиции просто русского человека, любящего свою страну и старающегося представить ее историю в правдивом освещении. И если сегодня к известности и к материальному успеху нужно идти иными путями, — я рад и тому, что мне удалось своими силами издать написанное, хотя бы ничтожным тиражом, и тем спасти его для будущего. Верю, что придет время, когда мои книги обратятся в общепризнанное пособие к познанию нашего прошлого.

И тем разноплеменным россиянам, которых они укрепят в любви к нашей общей Отчизне и в уважении к ее славным строителям, — великим и малым, — я посвящаю этот труд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КАРАЧЕЕВКА

ГЛАВА 1.

«Король Владислав вручил Витовту кормило правления литовскими и русскими землями, ибо знал, что князь Витовт был мужем большого и гибкого ума и что нельзя было найти никого более способного править Литвой.»

Ян Длугош,
польский историк 15 в.

В конце мая 1405 года Карач-мурза, с десятком нукеров и слуг, без всяких приключений прибыл в город Вильну, где в ту пору находился Витовт, заканчивая свои приготовления к походу на Псков.

Возраст не притупил любознательности Карач-мурзы и, поднимаясь по крутой дороге на Замковую гору, — вершину которой как бы каменной короной венчал княжеский замок, — он то и дело придерживал коня, чтобы оглянуть этот интересный город, так непохожий на все другие, виденные им.

Здесь, среди непроходимых лесов, на слиянии рек Вилии и Вилейки, еще в пятом или шестом веке возникло поселение одного из древних охотничьих племен Литвы. Лет триста спустя, это первобытное поселение уже порядочно разрослось и было окружено земляным валом и рвом, а в тринадцатом столетии превратилось в хорошо укрепленный городок, который князь Гедимин, — дед Витовта, — сделал своей столицей, построив здесь этот замок.

Теперь это был довольно крупный город, среди обильной зелени просторно раскинувшийся в широкой котловине, окруженной невысокими холмами. Большой частью его строения были деревянными, но немало виделось и каменных, в том числе Нижний замок, стоявший почти у самого берега реки, здание ратуши и десятка полтора храмов, — католических и православных. Последних было больше, но Карач-мурза еще не знал, что добрая их половина, сохраняя свой прежний наружный облик, уже была обращена в костелы. Лишь позже он узнал и то, что Вильне, по примеру всех больших городов Польши, недавно было даровано так называемое магдебургское право, в силу которого она была изъята из веденья княжских воевод и судей, и получила самоуправление в лице выборного градоначальника — войта, двенадцати советников городской рады и семи лавиков, — пожизненно избиравшихся присяжных, которые вместе с войтом вершили суд над горожанами.¹⁾

Верхний замок, где проживал Витовт, не отличался архитектурными совершенствами, но производил впечатление неприступной крепости. Это было приземистое каменное строение с массивными восьмигранными башнями и мощными стенами. С одной стороны он был надежно защищен отвесной кручей горы, а с другой довольно узким, но глубоким рвом. Переехав его по подъемному мосту, который, видимо, давно уже не поднимался, ибо в прорезах стены, сквозь которые были пропущены его цепи, целыми гроздьями лепились гнезда ласточек, Карач-мурза, никем не остановленный, миновал сводчатые ворота и очутился на широком внутреннем дворе замка. Глядя отсюда, стены его казались невысокими; через каждые десять-двенадцать шагов на них стояли неуклюжие бомбарды²⁾ на прочных дубо-

¹⁾ Постепенно магдебургское право было распространено и на все другие крупные города Литвы, Малой и Белой Руси.

²⁾ Бомбардами назывались первые, незадолго до того появившиеся пушки. На Руси их называли тюфяками, заимствовав этот термин у татар.

вых козлах, а рядом высились пирамиды грубо обтесанных каменных ядер.

Высмотрев среди находившихся во дворе людей одного, одетого побогаче, Карач-мурза приблизился к нему, назвал себя и попросил доложить о нем великому князю.

Витовт не заставил Карач-мурзу ожидать долго. Татарская Орда и события, там происходящие, играли важную роль в его политике, ибо он издавна стремился поставить воинскую силу Орды на службу своим интересам, а заодно хотел рассчитаться с Эдигеем за свое поражение на Ворскле. В силу этого, он с особым вниманием следил за всеми обстоятельствами внутренней борьбы между ханами, чтобы знать — когда и какому из них стоит оказать поддержку. Всего две недели тому назад до него дошли слухи о смерти Тимура и Тохтамыша, — это коренным образом меняло всю политическую обстановку в татарских улусах и в Средней Азии, — но подробности еще не были ему известны, а кто же мог знать их лучше, чем Карач-мурза?

— Рад тебя видеть, царевич, — сказал он, поднявшись навстречу вошедшему гостю и пожимая ему руку. — И ежели есть правда в тех слухах, которые до меня ныне дошли, я догадываюсь, почему ты здесь.

— Воистину обижен Аллахом тот, кто может сомневаться в твоей мудрости, князь, — ответил Карач-мурза. — Но в Орде за последнее время случилось много важных событий, и я не знаю, о каком из них успели дойти до тебя вести либо слухи.

— Прошел у нас слух о смерти Тимура, но не минуло и седмицы, как стали уже говорить, что умер хан Тохтамыш, будто убитый Идикеем. И доселева я толком не знаю, о ком из них молва лжет, ибо сумнительно, чтобы сразу умерли оба.

— На этот раз молва не солгала, князь: Аллах призвал к себе их обоих.

— Доподлинно ли тебе о том известно?

— Да, князь. Я покинул ставку Тимур-бека, в От-

раре, за пять дней до его смерти и приехал в Чингиз-Туру через три дня после того, как там похоронили хана Тохтамышша.

— Стало быть, никто не знает лучше тебя о том, что произошло. Садись же и рассказывай, как все случилось.

Карач-мурза, изредка прерываемый вопросами Витовта, в общих чертах поведал ему о всех событиях, разыгравшихся в Орде после того, как он был отправлен Тохтамышшем к Тимуру, умолчав пока лишь о своих личных делах.

— А скажи мне, — спросил Витовт, выслушав его рассказ, — таким ли хворым казался Хромой, когда ты его покидал, что можно было ждать столь скорой его смерти?

— Нет, князь, глядя на него я такого не ждал. Недуг его был тяжел, но эдак внезапно от него не умирают.

— А не случилось ли, что его отравили?

— Могло быть и так. Я сам об этом подумал.

— Наверно с тем особо и поспешили только потому, что он обещал свою помощь хану Тохтамышшу. У Иди-кея, поди, были возле Тимура свои люди.

— В этом трудно сомневаться, князь. Идику умен и коварен. И он знал, что в честном бою не одолеет такого врага.

— И теперь, избавившись от Хромого, он, вестимо, мнит себя полным хозяином в Орде и в окрестных землях?

— Когда я выезжал сюда, он уже выступил с большим войском на Хорезм. Мне говорил человек, ехавший из Сарая-Берке, что там, у хана Шадибека осталось всего пять туменов.

— А Шадибек Иди-кею столь же послушен, как был Кутлук?

— Разное говорят, князь. Я слышал, что у них уже были ссоры.

— Ну, а Тохтамышевичи? Что они мыслят делать теперь, и есть ли за ними какая-либо сила?

— Они имеют четыре тумена войска, но Идику оставил против них, на реке Ирғиз, шесть туменов под начальством царевича Булат-Султана. И когда сам он возвратится из Хорезма, а это будет очень скоро, потому что сыновья и внуки Тимур-бека воюют теперь между собой и не окажут ему сильного сопротивления, он очистит от своих врагов северные улусы и приведет их к покорности, если этого не сможет сделать один Булат-Султан. А потому я посоветовал моим племянникам Джелал ад-Дину и Кериму-Берди бежать оттуда и где-нибудь в безопасном месте подождать, пока ветер счастья подует в их паруса.

— Пускай приезжают ко мне, — сказал Витовт, с минуту подумав. — Я чаю, что такой ветер скорее всего подует в их паруса отсюда.

— Да воздаст тебе Аллах сторицей за милость, которую ты им оказываешь, князь! Я сам хотел просить тебя об этом, но твое великодушие сделало мои слова ненужными.

— Пошли им сказать, чтобы ехали теперь же, не затевая сражений с Булат-Султаном, дабы зря не губить своих людей. Всех воинов, какие у них есть и каких соберут еще, пусть ведут сюда. Я им отведу окраинные свои земли, близ Дикого Поля, — там пастбища такие, что на целую орду достанет. А потом поглядим, как сложатся дела у Идикей, и когда придет час, я помогу сесть в Сарае тому из них, кто мне поклянется в том же, в чем клялся их отец перед битвой на Ворскле.

— Джелал из братьев старшой, и он обещает быть тебе верным и вечным другом, князь.

— Коли так, ему и пособлю. А если этот обманет, другой брат останется в запасе, — усмехнулся Витовт.

— Джелал тебя не обманет, пресветлый князь. Я с ним много говорил и знаю его мысли.

— Ну, стало быть, с этим кончено. А сам-то ты что думаешь делать? Ужели еще не навоевался и не манит тебя покой?

— Манит, князь. И, может быть, я найду его, если ты не забыл тех великодушных слов, которые сказал

мне в Киеве шесть лет тому назад, когда мы пировали в твоём замке.

— Я ничего не забываю, царевич. Помню и то, что ты меня спас от плена в битве с Идикеем и что я у тебя в долгу, хотя и без того рад был бы тебя видеть в числе моих самых знатных подданных.

— Я не заслужил таких милостивых слов, князь.

— Э, что там слова! Ты заслужил большего, и я сейчас тебе докажу, что умею ценить такие заслуги, — промолвил Витовт и задумался. Карач-мурза, — родич татарских ханов и знаток всех тонкостей политической жизни Орды, — мог ему оказать очень полезным. И щедрость по отношению к нему не будет лишней.

— Думаю, что хотел бы ты поселиться на земле отцов своих, в княжестве Карачевском? — спросил он, придя к этому заключению.

— Да, всемилостивый князь, если будет на это твоё соизволение.

— Там, на южных рубежах, по рекам Рыбнице и Неручи, самые подходящие для тебя места и никем не занятые, ибо к ним близко подходит Дикое Поле, и туда часто набегают татары. Ну, а ты с ними поладить сумеешь, так что и тебе там будет привольно, и я от того получу выгоду. Как раз думал ставить там крепостицу, может ты мне её и построишь, коли будет в том надобность. Места хорошие: не один только лес, а есть и степи, так что лошадей и овец сможешь держать, сколько пожелаешь. Земля черная, родит богато, и этим ты тоже не бреди. Смердов там, должно быть, мало или вовсе нету, — боятся татарского полону, — но они сами к тебе придут, коли увидят от тебя надёжную защиту. А по первой поре хорошо бы тебе привести с собою сотен пять татар с семьями, а коли больше, то ещё лучше, места там достанет на всех. Сможешь?

— Смогу, государь.

— Ну, вот и ладно. Побудь здесь моим гостем и отдохни, сколько сам пожелаешь, а затем поезжай с Богом. Я дам тебе письмо к племяннику твоему Ивану Мстиславичу, — все же он там ещё считается князем и будет ему обидно коли посажу тебя на тех землях без

его ведома, — пусть думает, что сам тебе их дал. Я напишу ему, что делается это для защиты его владений от татарских набегов, так он и рад будет. И знаешь что? — добавил Витовт: — ты лучше пока не говори ему, кто ты таков. Ордынский, мол, царевич, приехал служить мне и только. Так спокойней будет вам обоим, а то он еще перепугается и учнет тебе козни строить. Он здоровьем хвор и долго не проживет, а тогда поглядим, может я тебя на его место посажу, коли дело позволит.

— Теперь ты мой повелитель, князь, и я сделаю все, как ты хочешь. А за щедрые милости твои да возвеличит тебя Аллах и да исполнит Он все твои желания!

— Вот, кстати, насчет Аллаха: теперь тебе и всем тем татарам, кои с тобой придут и в моем государстве навечно останутся, надобно будет принять христианскую веру.

— Я к тому готов, государь, и с собою приведу лишь таких людей, которые будут на то согласны тоже.

— И вот еще что тебе скажу: знаю, род твоих отцов православный, и может ты захочешь остаться в их обычае, — в том неволить тебя не стану. Но коли желаешь послушать доброго совета, принял бы ты лучше нашу, католическую веру. От того тебе будет больше пользы, особливо если хочешь быть Карачевским князем после Ивана Мстиславича. Сам я, коли говорить правду, к этим делам равнодушен, — мне все одно, что католик, что православный. Но я не самодержец, надо мною стоит король Владислав, а он ярый католик, и православному человеку от него больших милостей ждать нельзя. Ты над этим подумай!

—Я подумую, князь.

ГЛАВА 2.

«Одно поколение отходит, другое поколение приходит, а земля во-веки пребывает... Кружится на ходу своем ветер и на круги свои возвращается он.»

Екклезиаст.

Святослав Титович, второй из Козельских князей, княживших в Карачеве, умер мало лет спустя после того, как впервые побывал там Карач-мурза. Младшему сыну Юрию еще при жизни своей дал он в удел город Мосальск¹⁾, а старший, Мстислав, наследовал после отца Карачевский стол. Но он прокняжил недолго и умер еще не старым. Единственному его сыну Ивану, когда он вступил на княжение, было немногим за двадцать. Тем же годом женился он на воспитаннице Витовта, Гольшанской княжне Юлиане Ивановне, которой в ту пору было пятнадцать лет. Год спустя родился у них сын Михаил, а тремя годами позже — дочь, нареченная Софьей.

Иван Мстиславич смолоду был здоровьем слаб, но статен и хорош собою. Волосами был он рыжеват, — как и все в его роду, — но у него они красиво вились кудрями и цветом отдавали не на лисий хвост, как у других, а на спелую рожь. Бороду он брил, глаза имел серые, ясные, а лицом был бел и румян, хотя и нездоров был этот румянец.

¹⁾ От этого князя Юрия Святославича пошел род князей Масальских, которые позже разделились на четыре ветви: Клубковых-Масальских, Литвиновых-М., Кольцовых-М. и Рубцевых-М.

В младенчестве был он чистый херувим, и родители в нем души не чаяли. Все, что Ванюша успевал пожелать, давалось ему тотчас, отчего нрав он приобрел трудный, и угодить ему порою бывало мудрено. Все-то он, как тогда говорили, хотничал¹⁾, и то ему не так, и другое не этак и хотенкам его не было конца, а потому с юных лет прозвали его в Карачеве Хотетом, да так эта кличка за ним и осталась. Княжич сперва обижался на такое прозвище, и многим его обида выходила боком, но потом притерпелся и обвык, так что в зрелых годах и сам, случалось, говаривал: «я — князь Хотет Карачевский», либо: «это наше, хотетовское».

При всем том сердце имел он не злое, а спеси ему польские порядки поубавили, ибо вере отцов изменить он не захотел, православным же князьям на Литве теперь приходилось терпеть не мало обид и утеснений. Да и самое княжение таких удельных, как он, ныне стало лишь пустым словом, а многих и вовсе согнали с отчих столов. Его, однако, Витовт оставил и пока был к нему милостив, но, несмотря на это, Иван Мстиславич в душе крепко не любил великого князя: слишком уж был он ласков с княгиней Юлианой Ивановной. И хотя знал Хотет, что ничего худого за этим покуда нет, но видел ясно, что терпит его Витовт только из-за жены, будто сам по себе он не князь древнейшего роду и не законный хозяин этой земли, а пришей собаке хвост. И было ему это обидно и горько.

Но, чтобы не вышло какого худа, все это он старался таить в себе, даже жене не показывал виду, а потому, когда приехал ордынский царевич с письмом от Витовта, князь принял его любезно и, усадив за стол в приемной горнице, тут же начал читать привезенное письмо.

В грамоте Иван Мстиславич был не силен, — обычное письма читал и писал ему сын, проживший два года

¹⁾ Хотничать тогда означало «привередничать»; хотенка — «прихоть». Отсюда Хотет — привередник, человек вздорный, которому трудно угодить.

в Кракове и там кой-чему научившийся, но при татарине звать Михаила он постеснялся и потому читал долго, а Карач-мурза тем временем с любопытством оглядывал помещение, в котором они находились. Он сразу узнал эту горницу по рассказам и описаниям Никиты. Тут, видимо, мало что изменилось с той далекой поры, когда вот на этих самых скамьях сидели бояре Алтухов, Шестак и другие, ожидая выхода его деда, князя Пантелеймона Мстиславича; у стен стоят те же резные дубовые лари, а над дверью налево, в трапезную, висит голова тура с огромными рогами, когда-то убитого его отцом, князем Василием...

Да, вещи и предметы остались те же, и для знающих прошлое в них жива была память тех, кто их создал или когда-то ими пользовался. Но в этих вещах, как и во всем облике города Карачева, уже отчетливо виделись черты тления, чувствовалось, что судьба произнесла над всем этим свой приговор, и время, не торопясь, приводит его в исполнение.

С тех пор, как Карач-мурза здесь побывал, прошло почти сорок лет, и он лучше чем кто-либо мог заметить эту тлетворную работу времени. Старые бревенчатые стены города, прежде служившие надежным оплотом власти и спокойствия его предков, теперь никому не могли внушить ни страха, ни почтения, а скорее вызвали жалость и грусть. Они ушли в землю и стали заметно ниже; никто их больше не обновлял, — многие бревна прогнили и из них сыпалась труха, а местами разрушились и оползли целые городницы¹⁾, так что в город теперь можно было войти не только через ворота, но и через эти проемы в стене. Дома на улицах обветшали и почернели, новых совсем не было видно, а многие из старых стояли пустыми и заброшенными, а то и вовсе обратились в развалины, еле приметные за разросшимися кустами бузины и густым бурьяном.

Текло время, и жизнь шла своими путями, — они

¹⁾ Городница — звено в деревянной крепостной стене, — бревенчатый сруб, наполненный землей.

были по-прежнему широки и бурливы, но судьба, пролагая их, обошла стороной этот древний городок, и от некогда могущественного княжества Карачевского ныне только и остались почерневшие, полуобвалившиеся стены, да вот этот рыжеватый человек с чахотным румянцем на лице, князь по имени, с трудом читающий письмо-приказ своего чужеземного владыки...

Наконец Иван Мстиславич закончил чтение и поднял глаза на Карач-мурзу.

— Ну что же, в добрый час, — промолвил он. — Ты, поди, знаешь о чем мне пишет великий князь. Волю его я должен исполнить, да и нет у меня причин тому препятствовать. Местá там все одно пустые, и коли они заселятся, мне от того будет только польза. Посади там кого русского, — татары его пограбят и людей уведут в полон, ну, а ты для них как-никак свой и тебя они, может, не тронут. Где же ты хочешь, чтобы я тебе землю дал?

— Тех мест я не знаю, князь. Где укажешь, там и сяду.

— Князь Витовт Кейстутевич пишет: по реке Рыбнице, либо по Неручи. Так ведь это сотни верст и везде там пусто. Лучше бы ты сам съездил да поглядел, я тебе дам провожатого. Которое выберешь место, то я за тобою и запишу.

— Хорошо, князь, я поеду. А за ласку твою спаси тебя Бог.

— Меня благодарить не за что, благодари Витовта, — он здесь ныне хозяин. А мне, говорю, от того, что ты там поселишься, кроме пользы ничего не будет.

— Сколько же мне выбрать земли?

— Это сам гляди. Витовт Кейстутевич пишет: дать, сколько тебе будет потребно. После воротись сюда, сделаем опись рубежей, а грамоту от князя Витовта получишь. Когда же думаешь туда поехать? — помолчав спросил Хотет.

— Дня два, либо три дам отдохнуть коням, а там и поеду, князь.

— Добро. А завтра жду тебя на обед. За трапезою еще побеседуем.

— О —

На обеде у князя, кроме членов его семьи, присутствовали трое бояр, из которых один был очень стар, а два других казались ровесниками Ивана Мстиславича. Стол был не изыскан, но обилен, и хозяйка потчевала радушно. Истинным его украшением служила сама княгиня Юлиана Ивановна, которой было уже за тридцать, но казалась она моложе и блистала свежестью и красотой необыкновенной. Прелестны были ее серые глаза с поволокой неги, но особое обаяние всему облику княгини придавали ее пышные, пепельно-русые волосы, которых она не прятала под повойник, как это было принято у русских замужних женщин того времени. Польские обычаи уже сказывались в этих краях.

Приглядевшись к княжне, Карач-мурза увидел, что и она на редкость хороша. Ей еще не было и четырнадцати лет, и она не успела развиться в женщину, но лицом походила на мать, и глаза у них были одинаковые, — впрочем только на первый взгляд: у матери они излучали больше тепла, а у дочери больше света. — «Не одно сердце, наверно, сожгут эти глаза», — невольно подумал Карач-мурза, когда она на него взглянула.

Княжич Михаил, юноша лет семнадцати, тоже лицом был приятен, а ростом высок и строен. В Кракове у польских панов перенял он некоторую тонкость манер, чем выгодно отличался от сидевших за столом карачевских бояр; в разговоре держался скромно, но не робел и за словом в карман не лазил. Карач-мурзе он понравился.

— А ты князя Витовта и прежде знавал, царевич, либо теперь впервой к нему приехал? — спросил Иван Мстиславич, когда уже выпили по две-три чарки и несколько освоились друг с другом.

— Семь тому лет, как мы встретились с ним впер-

вые, — ответил Карач-мурза. — Был я с ханом Тохтамышем у князя Витовта в Киеве и ходил с ним на Ворсклу.

— И в той злосчастной битве участвовал?

— Да, князь.

— Ты не братом ли хану Тохтамышу доводишься, царевич? — спросила вдруг Юлиана Ивановна, до сих пор не принимавшая участия в разговоре.

— Двоюродным братом, княгиня.

— Все равно... Так это, значит, ты князя Витовта вызволил, когда на него татарин аркан накинул! Он нам рассказывал.

— Я был поблизости и перерубил аркан, — скромно ответил Карач-мурза. Княгиня больше ничего не сказала, но ему показалось, что глаза ее отразили признательность.

— Так вот оно что, — протянул Иван Мстиславич. — Теперь я понимаю, почему Витовт Кейстутьевич дает тебе земли, сколько ты сам хочешь. Попади он в полон, ему бы это подороже стоило! Ну, а Орду ты почто покинул, будучи столь высокого ханского роду? Там ты, поди, много большими угодами володел?

— Володел, князь. Но в Орде ныне взял верх мой лютый враг, и я все потерял, а чтобы воевать с ним еще, я уже стар. Вот и приехал сюда на покой.

— Ну, в час добрый! И коли тебя здесь свои же татары не станут тревожить набегами, покой тебе будет. У нас тихо. Удельных князей так поприжали, что уособицы им и на ум не идут.

— Это и лучше, князь.

— Что уособицы вывели, то, вестимо, лучше. А вот, что прижали, в том хорошего мало.

— Так, ведь, если бы не прижали, были бы уособицы.

— Не скажи. Не в ту сторону ныне жмут. Вон при Ольгерде Гедиминовиче уособиц князья тоже не смели заводить, а жили вольно, по старине, — никто их с отчих столов не гнал и в душу к ним с сапогами не лез. А ныне, коли ты вере своей изменить не хочешь, ты уже

человек подлой¹⁾ стати. Король Владислав пишет указ за указом: католикам пожалованья да привилеи, а православным урезки да утеснения. Ну, да что об этом говорить, — спохватился вдруг Хотет, сообразив, что развязал язык при чужом человеке, который может пересказать все Витовту. — Вестимо, не столь уж оно и плохо, только человеку всегда лучшего хочется, такова уж его натура. Ты лучше скажи: семья-то у тебя есть, али бобылем тут станешь жить?

— Есть у меня жена и два сына. Старший имеет в Орде хороший улус и большую семью, он там и останется. А молодой, вместе с матерью, недолго приедет ко мне сюда.

— Только одна у тебя жена, царевич? — с легким лукавством в голосе спросила Юлиана Ивановна.

— Одна, княгиня. Я всегда жил с одной.

— Будто и не по-татарски, — промолвил один из молодых бояр, уже слегка зазмелевший. — Ежели закон и обычай дозволяют, почему не попользоваться?

— Прошу прощения, царевич, — вставил Михаил, очевидно желая замять неловкость: — младшему сыну твоему, что сюда приедет, сколько лет?

— Годами он чуть моложе тебя, княжич, но на вид того не скажешь: росту он твоего, а в плечах будет пошире.

— Слушаю я тебя, слушаю, царевич, — прошамкал старый боярин, до сих пор не произнесший ни одного слова, — и все боле дивлюсь твоей русской речи. Николи не слыхал, чтобы татарин так чисто говорил по-нашему.

— Я многому учился и говорю на разных языках, — ответил Карач-мурза, — а на русском лучше других, ибо часто бывал на Руси и подолгу общался с русскими.

— И все же дивно мне это, — не унимался боярин. — Да и голос твой я, будто, колись слыхал.

— Ну, это тебе, Федор Семенович, от вина примсти-

¹⁾ Слово «подлый» в то время употреблялось в смысле «низший».

лось, — сказал князь. — Ведь ты из Карачева, почитай, во всю жизнь не выезжал, а царевич тут впервые.

— Да, вино у тебя крепкое, Иван Мстиславич, — поднимаясь из-за стола промолвил Карач-мурза. Он решил, что благоразумней будет уйти, пока старик, несомненно помнивший его отца, не слишком воскресил в памяти прошлое. — Пора уж и мне на отдых, притомился в пути изрядно и досе не отошел.

— Побудь с нами еще, царевич, — сказал князь. — Куда тебе спешить? Ну, поедешь на Неручь днем позже, какая в том беда?

— В том беды и впрямь не будет, но вот стар я стал, это беда! Не токмо на бранном поле, но и за веселым столом не тягаться уж мне с молодыми. За привет и за ласку тебе, Иван Мстиславич, спасибо, а тебе, княжинушка, за отменное угощение. Чаю, еще не однажды свидимся.

ГЛАВА 3.

На следующий день, едва рассвело, Карач-мурза, взяв с собою своего старшего нукера Нуха, который верно служил ему уже много лет, выехал из города и направился в Кашаевку.

С той поры, как довелось ему побывать там в молодости, он ничего не слыхал о семье Софоновых, но память о ней хранил крепко. Стариков он не рассчитывал застать в живых, ведь им ныне было бы мало не по сто лет, но кто-либо из сыновей еще мог жить, да и Ирина тоже... Желание узнать о судьбе сестры и заставило его предпринять эту поездку.

«Ее-то в Кашаевке нету, — думал он, приближаясь к усадьбе. — При такой красоте, вестимо, давно вышла замуж снова и живет где-либо своей семьей, коли еще жива. Но тут о ней беспреренно что-нибудь знают.»

Усадьба стояла на месте и в ней даже мало что изменилось, — только дом совсем почернел, да липы возле него так разрослись, что тенью своею закрывали почти полдвора.

— Кто у вас тут хозяин? — въехав во двор, спросил Карач-мурза у стоявшего подле крыльца паренька.

— Как кто? Вестимо, родитель мой Павел Михайлович.

— А тебя самого как звать?

— Меня-то? Мишкой кличут.

— Так вот, Мишка, доведи-ка отцу, что гость приехал, а имя свое сам ему скажу.

Минуты три спустя на крыльцо вышел богатырского сложения мужчина лет под шестьдесят, с сильной проседью в бороде.

— Не узнаешь меня, Павел Михайлович? — спросил Карач-мурза, слезая с коня.

— Будто не признаю, — взглядываясь, ответил хозяин. — Да и не было у меня, кажись, знакомцев татар.

— А боярина Снежина ты помнишь, с которым на сохатого когда-то ходил?

— Мать честная! Да неужто это ты, Иван Васильевич?! — вскричал Софонов, сбегая с крыльца и сжимая Карач-мурзу в объятиях.

— О —

Час спустя они сидели в трапезной, за столом, в кругу семьи Павла Михайловича, и Карач-мурза уже успел поведать о том, почему он очутился в этих краях.

— Ну, вот и ладно, — промолвил Софонов, — будем, значит, почти соседями. Я тот край добро знаю. Ты бери землю по Неручи, там будет получше: место ровное, не столько болот и оврагов, да и смерды кое-какие есть, а на Рыбнице пусто. Да коли будет надобна тебе какая помощь, только скажи! Ведь мы знаем какой ты боярин Снежин, — покойница мать нам открыла твою тайну, взявши с нас клятву, что из семьи нашей сказанное ею не выйдет. Клятву свою мы блюдем, однако теперь зачем тебе таиться? Князь наш ноне ничто, он Витовта боится, как черт креста, и коли ты с Витовтом хорош, так он еще и тебя бояться будет. А ежели тут одному-другому сказать, что ты сын князя покойного, всеми любимого Василея Пантелеевича, каждый почтет за великую радость тебе в чем ни есть пособить!

— Спасибо на добром слове, Павел Михайлович, но помощь мне едва ли снадобится: я приведу с собой много людей из Орды. Что же до истинного имени моего, — особо таить его и вправду нет надобности, но все же по первому времени, доколе тут не обживусь, лучше бы его не знали. Так мне и князь Витовт советовал.

— За нас будь спокоен, Иван Васильевич, отсюда оно не выйдет. Ну, а семья твоя и люди когда подъедут?

— А вот, как получу надел, сразу же и пошлю к ним гонца, чтобы выезжали, — к осени будут здесь. Но ты мне теперь о своих расскажи. Родители твои давно ли преставились?

— Матушка померла тому уже годов двадцать, а отец всего семь лет назад, доживши до девяноста шести. Брат мой, Григорий, скончал свои дни много раньше, — убило его в лесу молоньей. Сестра Елена, — ты ее не знал, это старшая из нас всех, — тоже давно ушла. И ныне остались в живых только я да Ирина.

— А она где? — спросил Карач-мурза. — И кто ее муж?

— Нет, замуж она больше не вышла. Жила здесь, дома, но еще до смерти матери приняла постриг и ныне в Ельце, игуменьей тамошнего Богородицкого монастыря. Ты к ней съезди, то будет для нее большая радость, она тебя часто вспоминала.

— Беспременно съезжу, — не сразу ответил Карач-мурза, — вот только поуправлюсь с делами. Ну, про Алтухова, Семена Никитича, тебя не спрашиваю, вестимо, его давно уже нет. А не слыхал ли ты чего про сына боярского Клиноква, что служил у Брянского князя, а смолоду был дружинником моего отца и звался тогда Лаврушкой?

— Как же, знавал я его. Он, уже будучи воеводой, убит на Куликовом поле, в битве с Мамаем. Пал со славою, спасая самого великого князя Дмитрея Ивановича, и по его воле погребен в Москве, вкупе с другими наибольшими воеводами.

— Хорошая смерть, — промолвил Карач-мурза. — Да, много уже ушло из жизни достойных людей, да блаженствуют они вечно в садах Алла... Божьих. Ну, а ты как живешь и доволен ли своей судьбой?

— Как тебе сказать? Семья у меня дружная, живем ладно, в достатке, а в душе покоя нет, как прежде бывало, — все будто ждешь, что тебя кто-то сзади кистенем по башке ударит. Правят нами чужаки-иноверцы и правят, вестимо, так, чтобы своим, католикам, было лучше, а нам похуже. Жили мы раньше по старине, и свое право каждый знал твердо, а ныне того нет, и ни-

коли не знаешь, что для тебя завтра придумают. Вот, к примеру, шлет король Владислав в наши земли указ: все старые грамоты на владение вотчинами с такого вот дня полной силы уже не имеют и, коли хочешь укрепить свое право навечно, должен получить новую грамоту, с печатью и с подписом самого короля. И дале сказано: король эти грамоты будет давать лишь тем, кто перейдет в католическую веру, а кто не схочет, тому грамота остается прежняя. Тебя с места не гонят, но вотчина уже, будто, не совсем твоя, — коли не угодишь, могут и отнять. Да и продать ее без дозволения короля, либо его наместников, ты не можешь, а если такое дозволение тебе дадут, с продажи большая доля идет в королевскую казну. И другой указ: коли ты православный, дочку свою, либо сродственницу не можешь выдать замуж без согласия властей, а католику можно. Ну, где же такое видано? Того и жди, теперь объявят, что если ты православный, — должен на коне ездить задом наперед, либо просить дозволения попариться в бане! Я еще пожду малость и, коли так дальше пойдет, всех четверых сынов отправлю в Москву, на службу к великому князю Василею Дмитриевичу, туда уже многие отсель поужезжали. А вотчина по смерти моей пусть идет королю под хвост!

— Да, изменились тут времена, — промолвил Карач-мурза. — Едучи в Карачев, повсюду я видел, что народ беднее живет, нежели в первый мой приезд.

— А как ему еще жить? Ведь людей налогами да поборами вовсе задавили. Раньше вольный смерд платил князю подать, а тягловый работал на хозяина три дня в неделю, и это все. А ныне чего только ему не выдумали! Он должен, кроме подати, платить налог от дыма, от плуга, либо от сохи, от прясла¹⁾, от скирда, от помола и от покоса, от убоя скотины и еще невесть от чего, а кто на барщине — работает пять дней в неделю на помещика. Ну, как же народу не бедовать? И потому бе-

¹⁾ Прясло — звено забора или изгороди, от кола до кола. Для взимания налога в Польше это расстояние определялось в среднем как две сажени.

гут смерды кто куда горазд: одни к Москве, а другие на низ, в дикие земли. Э, да что о том говорить! Видно прогневили мы Бога, и послал Он нам все это в науку, чтобы наперед за свою старину и друг за друга стояли покрепче. Мудрые люди давно знали, что так будет, и остерегали народ. Едва умер князь Ольгерд Гедиминович, — Ягайло был еще православным и о женитьбе на польской королевне даже не помышлял, — а наш здешний колдун Ипат уже сказал: скоро править тут будут ляхи, а русский народ пойдет из беды в беду. Так оно и вышло.

— Неужто Ипат дожил до короля Ягайла?

— Али ты знавал его, Иван Васильевич?

— Однажды довелось встретиться.

— Ну, кто хоть раз с ним дело имел, не позабудет. Вещий был старик! Уж не знаю, святым ли он был, либо сам черт в нем сидел. Вот тебе случай с нашей Ириной: эдак год спустя после того, как ты у нас побывал, пошла она как-то в лес, по ягоды, и повстревался ей старичек древний с лукошком, — собирал он травы и коренья. Николи она его прежде не видела, однако поздоровалась, либо спросила что, — уж не помню. Словом, сели они на травку отдохнуть и разговорились. Между прочим, зашла у них речь о Боге и о вере, он ей и говорит: — «Что ты в этом понимать можешь? Только то, чему тебя попы учили, а много ли они сами знают? Я их хаять не хочу, — есть среди них достойные и святой жизни люди, только к Богу они идут круговой дорогой, блуждая в потемках книжных писаний, я же, хотя в церкви смолоду не бывал, шел к Нему прямым путем и потому всех попов опередел». Ну, Ирина, как ты знаешь, за словом в карман не лазила, и тотчас ему в ответ: — писания те писаны святыми пророками и апостолами, а ты говоришь «потемки», и себя выхваляешь зря. А что до попов и чернецов наших, то ведомо всем, — было среди них немало чудотворцев и провидцев великих, коим за чистую веру их и за прямой путь Господь открывал и прошедшее и грядущее. А он, Ипат, значит, ей на это такое: — «в том, что книги те писаны святыми людьми, знавшими Истину, я с тобой спорить не буду.

Да ведь писания их всяк толкует по-своему, вот и получились потемки, среди которых прямой путь отыскать мудрено, потому и нет среди нас единой веры. Отцу же небесному всякий мил, кто идет к нему с чистым сердцем и дар провиденья Он дает тем, кто достоин. Сподобился того и я, а коли тому не веришь, давай испытаем... Вот, к примеру, поп, хотя бы духовник твой, что он о душе твоей знает? — Только то, что ты ему сама откроешь. А я тебя сегодня впервые вижу и ни о чем не спрашиваю, а послушай, что тебе сейчас скажу»... И выложил ей самый тайный случай из ее жизни, о котором ни одна душа знать не могла, да при этом еще все ее думки сокровенные как четки перебрал! О чем доподлинно речь его была, Ирина нам не сказала, но домой прибежала вся белая и с неделю ходила сама не своя, — видно в самую точку колдун попал.

— Ужели жив он еще?

— Нет, помер. Прожил он, как люди считали, мало не сто тридцать лет и смерть принял годов тому с пятнадцать. И знаешь, как умер-то? Видно еще задолго выкопал себе в лесу яму, круглую и тесную, как колодезь, и когда почуял, что подходит конец живота его, залез в ту яму стоймя и сам себя загорнул землей, что округ была навалена, только одну голову оставил торчать снаружи. Так, много дней спустя, люди его и нашли. Голова была уже вовсе сухая, но вот диво: ни одна ворона ее, видать, не клюнула!

Беседа за столом продолжалась еще долго, и лишь на заходе солнца, с трудом преодолев натиск радушных хозяев, которые уговаривали его остаться у них погостить, Карач-мурза возвратился в город, а наутро, со своими слугами и с провожатым князя Ивана Мстиславича, выехал на реку Неручь.

— О —

Проехав несколько десятков верст по трудным, давно не езженным дорогам, а местами — по глухим лес-

ным тропам, либо вовсе по бездорожью, маленький отряд Карач-мурзы заночевал в лесу, у костра и, продолжив путь на следующий день, к полудню был уже на месте.

Оказалось, что истоки Рыбницы и Неручи лежат почти рядом, в каких-нибудь шести-семи верстах друг от друга, на невысокой возвышенности, откуда Неручь течет в Зушу, а Рыбница в Оку.

Вверху по Неручи расстилались широкие черноземные поля, покрытые пышной травой и местами пересеченные оврагами. Изредка тут попадались небольшие болота, дубравы и перелески; ниже по течению эти перелески становились обширнее и встречались все чаще, а верстах в двадцати от истоков сливались уже в сплошной лес, который еще дальше переходил в густой хвойный бор, где несметной ратью высились могучие, прямые сосны, годные на постройки. В Неручь справа и слева впадало много ручьев и мелких речек; все тут покоилось в первобытной тишине и было безлюдно, — за целый день путникам встретились лишь три глухих деревушки, в пять-шесть дворов каждая.

Место Карач-мурзе понравилось, и он решил не искать иного. Снова заночевав в лесу и выбрав удобную для поселения поляну, где до постройки домов надлежало поставить войлочные шатры, которые везли они с собою и пока оставили в Карачеве, через два дня он возвратился в бывшую столицу предков и получил от князя Ивана Мстиславича опись рубежей своего нового владения. Она была немногословна:

«От места восточного реки Неручи, что течет в Зушу, по левому берегу той реки на семь поприщ¹⁾ в ширь и по правому ее берегу также на семь поприщ в ширь, а по длине поприщ на тридцать вниз по той Неручи, до речки безымянной, что в Неручь течет с восхода, а на другом ее берегу три высоких камня.»

¹⁾ Поприще — древне-русская мера длины, близкая к версте.

На следующий день Карач-мурза отправил гонца с этой описью в Вильну, к Витовту, а другого к Юсуфу, в его улус. Сыну он писал, что литовский государь принял его милостиво и дал много земли в княжестве их предков, и далее наказывал отправить к нему ханум Хатедже и Абисана не медля, а с ними тех татар, — числом до пятисот семейств, — которые согласятся принять христианскую веру и за то обрести спокойную и сытую жизнь. Просил также пригнать к нему с тысячу коней и несколько тысяч овец, указав путь окраинами Рязанской земли.

Тот же гонец повез письмо Джелал ад-Дину, с извещением о том, что великий князь Витовт предлагает ему и Кериму-Берди приют и помощь, соглашаясь принять их вместе со всем войском, которое они смогут с собою привести.

Покончив с этими делами, Карач-мурза со своими людьми, взяв с собою шатры и закупив все необходимое на первое время, выехал в свое новое поместье.

ГЛАВА 4.

«Пусть не печалят тебя те, которые устремляются к отходу от истинной веры: ведь они ничем не могут повредить Аллаху, а себя накажут.»

Коран.

Место для будущей усадьбы и для поселка Карач-мурза выбрал верстах в двадцати от истоков Неручи, в начале лесистой части своих владений. Тут была широкая поляна, которую лес охватывал подковой с трех сторон; с четвертой открывался вид на реку, протекавшую в полуверсте отсюда, и на раскинувшиеся за нею поля.

Здесь поставили три привезенные с собой шатра и, едва это было сделано, Карач-мурза послал своих людей в замеченные поблизости деревни, с приказанием всем взрослым мужчинам явиться к нему утром, в ближайшее воскресенье.

Их пришло тридцать семь человек. Столпившись на поляне, они хмуро и удивленно глядели на появившегося из шатра седобородого татарина. Но удивление их еще возросло, когда этот татарин обратился к ним на чистом русском языке и сказал:

— Земля, на которой вы живете, теперь принадлежит мне. Те из вас, которые захотят остаться на старом месте, будут работать на меня два дня в неделю. Я думаю, для вас это будет лучше, чем платить все те налоги, которые вы сейчас платите, потому что тот, кто у меня останется, будет от всех налогов освобожден. Ес-

ли среди вас есть несогласные с этим, они могут уйти, — кругом много свободных земель. Избы уходящих и все, чего они не смогут взять с собой, я куплю для тех, кто придет на их место. Подумайте и потолкуйте между собою, а через полчаса скажете мне ваш ответ. — С этими словами Карач-мурза повернулся и вошел в свой шатер.

Не прошло и двадцати минут, как Нух доложил, что крестьяне просят его выйти к ним.

— Все бы согласны остаться, господин, — промолвил стоявший впереди других пожилой мужик. — Вестимо, эдак как ты сказал, нам будет поллучше. Только вишь ты, какое дело... Уж не знаю как и обсказать-то его, чтобы не прогневить твою милость.

— Говори и ничего не бойся. Я обижаться не стану.

— Ну, ладно, коли так, не обессудь... Не пойдем мы, — кто ты будешь таков и откель взялся? Видим, господин важный, но будто, татарин, может и веры ба-сурманской. А досе нам татары были первые вороги. И боятся люди, что ты не позволишь им молиться по-нашему, а то и погонишь опосля в Орду.

— По роду я не татарин, — улыбнувшись, ответил Карач-мурза, — только лишь прожил долго в Орде. После вы узнаете, кто я, и, думаю, не станете жалеть, что у меня остались. Землю эту мне дал великий князь Витовт Кейстутевич. Здесь поселятся многие татары, но все они примут христианскую веру и будут вам не только добрыми соседями, но и защитою от других татар. А Богу все будем молиться одинаково, как вы и доселе молились. В этом же году поставлю тут христианскую церковь, которую сами вы будете строить в счет барщины, либо по вольному найму. И поп у нас будет свой. Что еще хотите вы знать?

— Да, быдто, более ничего, — ответил старший крестьянин. — Коли так, дело ясное. Останемся все у твоей милости, а там поглядим, — уйти николи не поздно. Как величать-то тебя велишь?

— Зовите Иваном Васильевичем.

— Ну, исполать тебе, батюшка Иван Васильевич, на новосельи!

— Спасибо. Коли буду вами доволен, помогу всякому, у кого явится в том нужда. Другим смердам, кои вблизи живут, при случае говорите: кто захочет перейти ко мне, того приму, дам земли и пособлю, чем надо, а ряд¹⁾ с ними будет такой же, как с вами: два дня барщины на неделе.

— Скажем, батюшка, всем. А что велишь нам-то делать?

— Начинайте рубить и очищать в лесу сосны для построек и свозить бревна на эту поляну. Кто сейчас может работать больше двух дней в неделю, тому на будущее зачту, либо уплачу деньгами, — как кто захочет. А после строить начнем. Есть среди вас добрые плотники?

— Как не быть! С топором да с деревом всякий из нас, почитай, с малолетства породнился.

— Ладно. Завтра пусть старосты придут ко мне, я укажу, где валить деревья. А пока, с Богом!

— О —

Стояло лето, до жатвы оставалось больше месяца. В эту пору крестьяне были почти свободны от своих хозяйственных работ, и потому заготовка бревен пошла споро. Неделю спустя, убедившись в том, что дело наладилось и идет самотеком, Карач-мурза, взявши с собою Нуха, отправился в Елец, до которого от его поместья было около сотни верст.

Дорога почти все время шла полями и была легка, а потому, выехав на рассвете, путники к заходу солнца уже въезжали в город.

Елецкое княжество в ту пору было уделом Рязанского и находилось уже за пределами Польско-Литовского государства, что сразу было заметно по большому благосостоянию сел и деревень, встречавшихся по пути.

¹⁾ Ряд — договор, соглашение.

Несколько десятков лет тому назад, когда на великом княжении в Карачеве сидел отец Карач-мурзы, Василий Пантелеевич, — Елец принадлежал ему. Но в связи с дальнейшими событиями и возвышением Козельских князей, этот город перешел в удел к внуку князя Тита Мстиславича, — Федору Ивановичу, известному своим участием в Куликовской битве. Ему наследовал его старший сын Иван, убитый при захвате Ельца Тимуром, а ныне княжил тут второй его сын, Василий Федорович.

За истекшие десять лет город уже вполне оправился от страшного разгрома, которому подверг его Железный Хромец, и был много больше нынешнего Карачева. Стоял он на левом, возвышенном берегу реки Сосны и был обнесен новыми бревенчатыми стенами, со многими глухими и проездными башнями. На другом берегу реки тоже виднелось немало построек, — там размещались ремесленные слободы.

Богородицкий женский монастырь находился в самом городе, на краю спускавшейся к реке кручи, и тоже был обнесен высокой бревенчатой стеной. Пока Карач-мурза его отыскивал, уже стемнело, а потому он счел более удобным переночевать на постоялом дворе и только утром возвратился сюда.

Встреча с Ириной произошла совсем не так, как рисовало воображение Карач-мурзы. Он был уверен, что она его не узнает и нарочно не сказал своего имени послушнице, которая пошла докладывать игуменье о посетителе. Одежда на нем была на этот раз русская.

Но Ирина узнала его сразу и встретила без всякого удивления, словно давно ждала. Впрочем, радости своей она не старалась скрыть и с первых же слов сумела придать этому свиданию и всему дальнейшему разговору простой, родственный характер, исключавший всякую натянутость. Может быть она, годами ожидая этой встречи, давно была к ней готова и сотни раз продумала, — как себя повести, а может быть это пришло к ней

внезапно, но все как-то сразу стало на свое место, словно после долгой разлуки встретились брат и сестра, с детства близкие друг другу и связанные тесными семейными узами.

Ирине уже минуло шестьдесят пять, волосы ее были белы, но держалась она прямо и бодро, глаза были ясны, а в лице еще угадывалась красота молодости. Карач-мурза был на два года моложе, но то же самое можно было сказать и о нем. В молодых годах они мало походили друг на друга, но теперь, когда время одинаково поработало над ними, в их чертах появилось много сходства и, видя их вместе, никто бы не усомнился в том, что это брат и сестра. Вскоре они, с чувством обоюдной радости, это заметили и сами.

Беседа их затянулась на много часов, ибо каждому нужно было рассказать о себе все, за минувшие долгие годы. Впрочем, Ирина больше слушала, а говорил Карач-мурза, — его жизнь была стократ богаче событиями. Солнце уже клонилось к закату, когда он поднялся, собираясь уходить. Но Ирина его задержала:

— Погоди. О самом важном у нас еще не говорено: веры-то ты и доселева басурманской. Заметила я, что в келию мою вошедши, не помолился ты на святые образа, да и Аллаха в беседе нашей не раз помянул. Так не гоже. Коли воротился ты навечно в землю отцов своих, надобно тебе и веру истинную принять.

— Я хочу это сделать и к тому давно был готов, — ответил Карач-мурза. — Но вот, князь Витовт, когда был я у него в Вильне, мне совет дал креститься у попов-католиков. Они тоже Христа чтут Богом и в чем тут разница я, по-правде, не знаю...

— В чем разница! — горячо перебила Ирина. — Коли говорить о вере и об обрядах, то разницы особой будто и нет, но не в этом суть. Русь испокон веков держится на своем православии, а католики — наши извечные враги. Почему так, — не знаю. Может, потому, что вера наша тихая и благостная, мы ее силою никому не навязываем, а католику жизнь не мила, доколе он всех

не заставил по-своему верить и молиться. И во имя Христа, который заповедывал нам любовь и кротость, льют они реки крови. Нешто не знаешь, что было не столь давно в Прусской земле и на Жмуди?

— Так ведь то немцы.

— А немцы не католики? Ляхи, правда, такого не делают, но не сам ли ты сказывал ныне, как обижают они православных людей в Литовских землях? Неужто хочешь стать им пособником?

— Я и в мыслях того не имел. Думал — одинаковые христиане и те, и эти, только лишь имамы у них разные...

— Имамы? А это кто же еще такие?

— Прости, сестра. Имамы — это у мусульман. Я хотел сказать — главные попы, митрополиты, что ли. Ну и вот, поелику князь Витовт сказал, что иначе король Владислав не вернет мне Карачевский стол...

— Ну, вот видишь! — снова перебила Ирина. — О том я тебе и толкую: всегда у них понуждение, не то, так иное. Либо купить человека в свою веру хотят. Ты, может, не слыхал о том, что сей король Владислав-Ягайло, со своей молодой женой, королевой Ядвигой, недолге после венца объезжали литовские земли, а за ними ехали польские попы, и шел обоз с одеждой. И по деревням и селам бирючи кричали: кто перейдет в католическую веру, тому дадут новые порты и рубаху! Это, вестимо, смердам, а тем, кто повыше — отрез сукна давали, кафтан, либо шубу¹⁾. Ну, а ты еще повыше, — тебя княжением норовят купить. Но по мне лучше чистую совесть и веру отцов сохранить, нежели называться князем и, сидя в том развалившемся Карачеве, быть прикащиком чужого короля! И заметь: даже Хотет вере своей изменить не схотел. Ужели ты хуже его?

— Может быть и хуже, потому что я своей мусульманской вере изменяю, — улыбнулся Карач-мурза. — Но не будем больше говорить об этом: я все понял и приму православную веру.

¹⁾ Исторический факт, о нем оставил свидетельство польский историк Ян Длугош.

— На том да благословит тебя Христос! А когда же окрестишься?

— Не знаю, сестра. Вот, когда поеду в Карачев...

— А чем тебе Елец плох?

— Елец?

— Ну, да. Тут мы тебя, не мешкая и окрестим.

— А разве можно так, сразу?

— Коли еще на день тут останешься, можно. Вестимо, надо бы тебя к тому получше наставить, да верю, что для такого случая Господь мой спех простит, ибо боюсь, — уедешь ты и опять тебя кто либо учнет с толку сбивать.

— Нет, сестра, больше меня никто не собьет. Однако и впрямь откладывать дело нет нужды, да и любо мне будет, что не кто иной, а ты сама меня в веру отцов введешь.

— Ну, введу-то не я, а крестной матерью твоей буду, это для меня великая радость. И отца достойного найдем. Хочешь князя нашего, Василия Федоровича? — спросила Ирина, немного подумав. — Он человек добрый и уже в летах.

— Не надо князя, — сказал Карач-мурза. — Пусть лучше будет совсем не знатный человек, старик какой-нибудь.

— И правда, так лучше, — понимающе взглянув на него, промолвила Ирина: — будто сам народ русский станет твоим восприемником. Есть у нас такой старый дед, за бортями¹⁾ монастырскими смотрит, тут же и живет под стеной обители. Сейчас пошлю за ним и за отцом Герасимом, что у нас требы справляет. Крестик крестильный тоже тебе найду.

— Не надо, сестра, — сказал Карач-мурза. С этими словами он расстегнул ворот кафтана и, сняв с шеи золотую цепочку, на которой висели две кожаные ладанки, начал распарывать одну из них. В ней оказался зашитым золотой крестик.

— Узнаешь? — спросил он, протягивая его Ирине.

¹⁾ Борть — улей, бортник — пасечник.

— Мой крестик! — воскликнула она. — Неужто всю жизнь на себе носил?

— С того самого дня, как получил.

— А почто его в кожу зашил?

— Как бы я, мусульманин, носил его открыто?

— И то правда. А в другой ладанке что?

— Молитва из Корана.

— Сжечь ее теперь надобно.

— Думаю, нехорошо это будет, — помолчав, промолвил Карач-мурза. — В ней нет ничего худого, это святые слова, с которыми и христианин мог бы обратиться к Богу. Лучше я ее закопаю где нибудь в лесу.

— Ну, что ж, закопай, — согласилась Ирина. — А вот погляди на это, — добавила она, доставая из ларца, стоявшего под божницей, золотой перстень с голубым бриллиантом. — Тоже с той самой поры с ним не расставалась. Носить его на пальце мне, по иночеству моему, ныне не подобает, так я его в божнице храню.

— О —

Вскоре пришел отец Герасим и после короткого со-
вещания с игуменьей, попросил Карач-мурзу последо-
вать с ним в церковный притвор, для наставления в
основах православной веры.

Они уже переступили порог кельи и Ирина готови-
лась затворить за ними дверь, когда Карач-мурза,
вспомнив что-то, внезапно остановился.

— А не можно, сестра, вместе со мною еще одного
окрестить? — спросил он.

— Кого это? — удивилась Ирина.

— Нукера моего, Нуха. А то как завтра домой пое-
ду с поганым басурманом? — добавил он, стараясь под
шуткой скрыть овладевшее им волнение.

— Коли так, окрестим и его, — улыбнувшись отве-
тила Ирина. — Зови сюда своего басурмана.

Выйдя за ограду монастыря, где под деревьями
ожидал его Нух с лошадьми, Карач-мурза сказал:

— Нух! Сегодня мы назад не поедem. Ныне я при-
нимаю христианскую веру.

— Да будет благословенно имя Аллааха! — ответил нукер. — Значит такова Его святая воля, оглан.

— Тебе тоже следует это сделать.

— Ты мой начальник и мудрый человек, оглан. И если ты принимаешь христианскую веру и говоришь, что мне тоже нужно принять ее, я готов, пресветлый оглан, ибо знаю, что ты не пожелаешь зла ни себе, ни мне.

— Тогда иди за мной!

Беседа отца Герасима с новообращаемыми длилась почти до полуночи. За этим последовал чин отречения их от Ислама, а после исповедь. Остаток ночи они провели в уединении и молитве, а наутро были крещены, при чем Карач-мурза получил имя Ивана, а Нух — Наума. Затем оба прослушали литургию и были допущены к таинству причастия.

После скромной трапезы, которую игуменья предложила всем участникам этого события, Иван Васильевич сделал щедрое пожертвованье на монастырь, оставил сестре несколько золотых, чтобы потом, как бы от себя, дала их старику крестному, и простившись со всеми, под вечер пустился в обратный путь.

ГЛАВА 5.

«И рече те татарове тако: не срам бо есть нам покоритися, пишут бо наши книги и христианския яко же в грядущие лета соединятся тут все языци и будут во единой хрестьянской вере под русскою державою».

Казанский летописец.

Четыре месяца спустя на Неручь пришел из Орды громадный обоз, с которым прибыли Хатедже и Абисан-мурза, а с ними около пятисот семей ордынцев, среди которых оказалось немало полурусских, рожденных от пленных матерей. Были и чисто русские по крови, которые лишь родились в Орде. Среди таковых находился и старый Ильяс, много лет прослуживший у Карач-мурзы нукером, давно женившийся на татарке и теперь выехавший на Русь вместе с четырьмя сыновьями, из которых трое были уже семейными, и с тринадцатилетней дочерью. Был среди приехавших и внук темника Кинбая — Якуб, сын Рагима, дед и отец которого давно полегли в битвах, а сам он успел дослужиться до сотника. Всего прибыло, считая женщин и детей, около двух тысяч человек, со всем своим скарбом и скотом. Пустынные берега Неручи сразу приняли другой вид и наполнились шумной жизнью.

Всем приехавшим, за исключением трех десятков слуг и сотни нукеров, которых Карач-мурза предполагал поместить в своей усадьбе, он отвел южную, безлесную часть своего поместья, ближе к истокам реки, где были превосходные пастбища. Природным кочевникам не понадобилось много времени на то, чтобы тут обосно-

ваться: не прошло и недели, как жизнь их вполне наладилась и приняла привычные формы.

Поля покрылись отарами овец и косяками лошадей, к небу потянулись дымки костров, а берега реки, опушки роц и прогалины запестрели разноцветными шатрами и кибитками. Лишь много позже, — по мере выявления преимуществ оседлой жизни и русского крестьянского уклада, — эти привычные жилища татар постепенно начали уступать место рубленным деревянным избам.

В самой усадьбе к этому времени было уже сделано многое. За истекшие месяцы на земли Карач-мурзы переселилось еще несколько десятков крестьянских семейств, многие пришли работать по найму и потому в рабочих руках недостатка не было. Ирина прислала двух превосходных мастеров-зодчих, построивших в Ельце новый деревянный кремль, вместо сожженного Тимуром, — под их руководством постройки на берегу Неручи росли быстро и получались красивыми и удобными.

Господский дом, строившийся по плану Карач-мурзы, лишь слегка измененному после совещания с мастерами, стоял на каменном основании, на аршин выступающем из земли, а выше был, как и все другие постройки, бревенчатым. Он занимал по фронту четырнадцать сажень и состоял из средней двухъярусной части и одинаковых, одноэтажных крыльев. Спереди было высокое крыльцо с резными колоннами и перилами, за ними сени, а дальше приемная палата, трапезная, рабочая горница царевича и его опочивальня. Наверху, в тереме, под крутой тесовой крышей — женское царство: светлица и опочивальня хозяйки и девичья; в боковых крыльях — горницы для гостей, хозяйственные каморы, службы и прочее. Помещения были просторны и теплы, окна шире, чем делались обычно на Руси, ставни их и наличники украшались искусной резьбой. К началу зимы средняя часть дома и левое его крыло были полностью закончены.

Позади этого дома, шагах в тридцати, строились помещения для слуг, бани и мыльни, а сзади, у самой опушки леса, конюшни, овины и сараи. По бокам поляны, справа ставились три большие избы, в два сруба каждая, для ближайших помощников Карач-мурзы, которыми оказались сотник Якуб, — начальник нукеров, Ильяс, принявший должность прикащика по хозяйству, и Нух, ставший дворецким. По левому краю поляны строилось длинное здание, состоявшее из десяти сомкнутых вплотную бревенчатых срубов, — для неженатых нукеров, которых Карач-мурза с большим разбором набирал постепенно из молодых ордынцев и из русских крестьянских парней, считая такое смешение обоюдно полезным. Семейным нукерам строились избы поблизости от усадьбы. Держать постоянную вооруженную силу, численностью хотя бы в две сотни, Карач-мурза считал необходимым для охраны своих владений и, просто в целях престижа, тем более что это не могло встретить возражений со стороны Витовта, который поселил их здесь как оплот от возможных нападений со стороны дикой степи.

Поляна, на которой располагались все эти строения, имела больше версты в окружности и была окопана ровом, глубиною в полторы сажени и шириною в две; земля из него выбрасывалась внутрь, образовавши вокруг поляны вал, по гребню которого уже начали ставить стену из толстых, заостренных сверху бревен, высотой сажени в две; изнутри к стене, во всю ее длину крепился деревянный помост, с которого, в случае осады, защитники могли отстреливаться и отбивать приступы. Спереди, у въездных ворот, строили шестигранную бревенчатую башню, в три яруса: нижний для стражи, в среднем поставили пицаль¹⁾, которая через проези в стене могла стрелять во все стороны, а верхний

¹⁾ Пицаль — легкая переносная пушка, прикрепленная к деревянному ложу и стрелявшая небольшими каменными или свинцовыми ядрами или «картечью» из камней и кусочков металла.

служил для наблюдения за окрестностями. Позже, на этой башне был повешен колокол, в который надлежало бить в случае тревоги, пожара или по особому приказанию царевича, когда он хотел созвать всех своих людей; для каждого из этих случаев звон был установлен особый.

На половине пути от ворот к хоромам, на невысоком бугре уже заканчивалась постройкой красивая бревенчатая церковь, могущая вместить несколько сот молящихся. При ней строился и небольшой дом для священника.

В следующем году, когда все это было закончено, усадьба Карач-мурзы превратилась в благоустроенный и солидно укрепленный поселок-крепостицу, с хорошо налаженным полувоенным укладом жизни. Почувствовав в ней известную силу и защиту, вокруг все смелее начал оседать всевозможный пришлый люд, и пустынный дотоле край стал постепенно заселяться.

— О —

Ханум Хатедже, которой уже минуло сорок два года, была довольна и счастлива. С первых дней своего замужества, в течение долгих лет, которые Карач-мурза проводил в постоянных походах и разъездах, она мечтала о том, что когда-нибудь останутся позади все эти войны, опасности и бесконечные перемены мест. Если они не прогневили Аллаха, — думала она, — он даст и ее семье хоть немного спокойной жизни, когда все они будут вместе, в безопасности от всяких врагов, и не надо будет постоянно бояться за судьбу мужа и сына. И вот, такое время, по-видимому, пришло. Хатедже верила, что в этом тихом лесном краю их ждет желанный покой, а потому все ей здесь нравилось, и она была полна деятельности.

Но Абисан настроения матери не разделял. Это был прирожденный воин, и находился он еще в том возрасте, которому свойственно видеть в войне одну роман-

тику, — некий кладезь славы из которого каждый уважающий себя человек должен зачерпнуть елико возможно больше. Настоящую, полноценную жизнь он мыслил только в походах и сражениях, и не понимал, — как мужчина может стремиться к чему-либо другому.

«Отец иное дело, — размышлял он. — Его борода уже давно побелела, и он прославленный воин, о его подвигах знает вся Орда. Но разве я не должен прославиться тоже и всем показать, что достоин называться его сыном?» — и в силу такой настроенности, ему совсем не улыбалась мирная жизнь в этом глухом углу. Но он любил отца, почти благоговел перед ним, слово его было для Абисана законом, а потому он безропотно подчинился и приехал с матерью сюда, хотя ему очень хотелось остаться в Орде, у Джелал ад-Дина, который будет много воевать с Идику и с другими ханами, добиваясь престола. Впрочем, он утешал себя тем, что и здесь не всегда будет спокойно. — «Ведь отец недаром укрепляет свой улус. Русские храбрый народ, они тоже любят воевать и наверное часто станут нападать на нас», — думал он. И совсем повеселел, когда узнал, что Джелал ад-Дин со своими туменами тоже идет в литовские земли и может-быть будет стоять где-то поблизости.

Карач-мурза не преувеличивал, когда сказал княжичу Михаилу, что Абисан выглядит старше своих пятнадцати лет: ему и в самом деле никто не дал бы меньше восемнадцати. Он был высок ростом, широкоплеч, но статен и тонок в талии; сила и ловкость сейчас сочетались в нем гармонично, но было заметно, что с годами сила возьмет верх над всем. Лицо его было не столь красиво, как выразительно, соединяя в себе черты и русских и восточных предков. Так, разрез глаз имел у него еле уловимую азиатскую косинку, но сами глаза были большие, карие, с длинными, как у девушки, ресницами и с тонкими изогнутыми бровями. Если бы кто-нибудь здесь помнил князя Василия Пантелеевича, он сразу сказал бы, что это его глаза; нос у Абисана был

хорошей формы, но с чуть раздутыми, хищными ноздрями и на нем явственно обозначалась характерная тимуровская горбинка.

По характеру Абисан казался уравновешенным, но эта черта была выработана искусственно, натурою же он был страстен, и под внешней оболочкой невозмутимости горел в нем вечный огонь. И он иной раз способен был совершить самый отчаянный и безрассудный поступок, сохраняя при этом полное наружное спокойствие.

Карач-мурза видел эту необузданность, но понимал, откуда она происходит, и строго не судил сына, даже втайне гордился им, находя в нем столь ценившиеся тогда черты воина-рыцаря, которыми и сам он в высокой степени обладал. Но у него эти черты были смягчены и дополнены большим образованием, а Абисан, в силу обстоятельств, не получил почти никакого: он только умел читать и писать по-тюркски, да стараниями отца довольно хорошо владел русской разговорной речью.

— О —

К Рождеству церковь была совершенно закончена и украшена образами, которые Карач-мурза заранее заказал иконописцам ближайших монастырей, а частью получил в дар от князя Хотета. По ходатайству Ирины, рязанский епископ прислал на Неручь священника, отца Паисия, который принял новый приход и освятил церковь во имя святого архангела Михаила.

В скором времени все обитатели Карачеевки, — как местные жители стали называть усадьбу Карач-мурзы, — были крещены в христианскую веру. Имена им давали, — если святой был общий, — переводя их с татарского языка на русский, а если нет, — подбирая по православным святым близкие по созвучию.

Так ханум Хатедже превратилась в Екатерину Юрьевну (отец ее звался Кидырем, — мусульманским именем Георгия Победоносца.), Абисан в Арсеня, жена

Нуха, Фатима, в Феодосию, сын их, Гафиз, в Гавриила; Ильяс стал, конечно, Ильей, его жена, Мариам, — Марией, сын их, Хайдар, — Федором, дочь, Зульма, — Софьей. Сотник Якуб сделался Яковом, его сын, Керим, — Кириллом и т. д. В следующем году были окрещены отцом Паисием и все другие татары, осевшие на Неручи.

Вместе с русскими именами начали постепенно входить в обиход многие русские термины и обычаи. Вместо Аллаха, люди в разговоре старались поминать Христа, нукеров все чаще стали называть дружинниками, а самого Карач-мурзу князем, а не огланом.

Весною следующего года от великого князя Витовта была получена грамота, укрепляющая «за царевичем ордынским Карач-мурзой» земли по реке Неручи, «на которые он, царевич, волен принимать в тягло русских смердов и татар, кои веру христианскую емлют и отдаются под руку литовского государя».

ГЛАВА 6.

«И биша псковичи чолом князю великому Василею Дмитриевичу абы помог бедным псковичам в тошна времени. И князь великий Василей Дмитриевич разверже мир с своим тестемь, с князем Витовтом псковския ради обиды.»

Псковская летопись.

Прошло почти три года. Жизнь на Неручи протекала тихо, без особых событий. Только однажды, — по второму году, в августе, колокол на сторожевой башне Карачеевки ударил тревогу: из дикой степи подходили татары.

Созвав в усадьбу все население русских деревень, находившихся на его земле, и приказавши, на худой случай, приготовиться к осаде, сам Карач-мурза с десятком нукеров, как и он, одетых во все татарское, выехал навстречу приближавшейся орде. Она была невелика, — тысяч семь всадников, хотя этого было вполне достаточно, чтобы ограбить и опустошить всю южную половину Карачевского княжества. Но дело обошлось миром: среди вышедших в набег татар многие хорошо знали Карач-мурзу, а один из начальников даже служил когда-то сотником в его тумене. Поэтому встретили его почтительно и, узнав, что здесь поселились ордынцы, отправились искать удачи в другом месте.

Но, если было тихо и спокойно в этом лесном углу, то во внешнем мире за минувшие три года произошло немало крупных событий.

Весною 1406 года князь Витовт пошел на Псков, из-за которого у него завязалась война с Москвой. Военные действия шли вяло и затянулись на два с лишним года. Великий князь Василий Дмитриевич знал, что единство русских земель не прочно, — ему уже пришлось выдержать длительную борьбу с Нижегородскими князьями и с Великим Новгородом; всегда можно было опасаться враждебных действий со стороны Твери, и потому он воевал осторожно, стараясь не ослаблять своего войска лишними потерями. Витовт тоже не вполне оправился от предыдущих войн, к тому же опасался того, что на стороне Москвы выступит Рязанский великий князь Федор Ольгович¹⁾, который унаследовал от отца его неприязнь к Литве и мог воспользоваться случаем, чтобы снова отбить Смоленск для своего шурина Юрия Святославича, изгнанного оттуда Витовтом. Но хуже всего было то, что большинство его православных подданных явно сочувствовало Москве. Многие русские князья, бояре и служивые люди стали отъезжать из Литвы на службу к великому князю Василию Дмитриевичу, другие перебежали к нему из литовского войска. Летом 1408 года это явление приняло такие размеры, что в сентябре, встретившись с русской ратью на реке Угре, Витовт не рискнул вступить в сражение и предложил Московскому князю вечный мир, навсегда отказавшись от своих притязаний на Псковщину. Василий Дмитриевич это предложение принял, и на том война закончилась.

Бурно развивались события и в татарской Орде. Поход Эдигея на Хорезм увенчался полным успехом: в 1406 году он овладел всей страной, посадил в Ургенче своего наместника и, убедившись в том, что сыновья и внуки Тимура целиком поглощены усобицами, двинул войско на Азербайджан и одновременно осадил город Сьгнак, отобранный Тимуром у Тохтамышша.

Хану Шадибеку, который оставался в Сараях и успел

¹⁾ Старший сын вел. князя Олега Ивановича, умершего в 1402 году, после пятидесятидвухлетнего княжения.

значительно усилить свои собственные позиции, момент показался удобным для попытки сбросить с себя опеку Эдигея, и он отрешил его от должности «эмира эмиров». Эдигей этому указу не подчинился и продолжал военные действия в Азербайджане, рассудив, что не стоит прерывать их из-за Шадибека, силы которого были ничтожны. Но все же в Орде произошел раскол, которым немедленно воспользовался Джелал ад-Дин, внимательно следивший за всеми действиями соперников.

К этому времени он успел собрать на литовских окраинах порядочное войско, с которым весной 1407 года выступил в поход и, без особого труда выгнав Шадибека из Сарая, сел тут на ханство.

Узнав об этом, Эдигей покинул Азербайджан и во главе всего войска двинулся обратно в Орду. Силы его были велики, а потому Джелал ад-Дин счел за лучшее оставить Сарай и ушел в Булгар, где был принят сочувственно и признан великим ханом. Шадибек, кочевавший в Заволжских степях, сейчас же возвратился в свою столицу и стал готовить ее к осаде, ибо Эдигей был уже близко.

Но последний гораздо больше боялся Джелал ад-Дина и потому, по-прежнему не обращая внимания на Шадибека, вторгся в булгарские земли и предал их жестокому опустошению. Джелал ад-Дину удалось бежать в Москву, а Эдигей, расправившись с булгарами, двинулся на Сарай. Шадибек, успевший понять, что ему не справиться с таким противником, ожидать его не стал и с отрядом верных людей бежал в Дербент. Но по пути его настигла погоня. В завязавшейся схватке он был убит, а на ханский престол Эдигей посадил царевича Булат-Султана.

Керим-Берди, между тем, оставался в Литве. Эту первую попытку старшего брата захватить власть в Орде, он считал безнадежной, ибо Витовт, занятый войной с московским князем, не мог оказать ему никакой помощи. Было весьма вероятно, что неосторожный Джелал сложит в этом рискованном походе свою голову, на что втайне и надеялся Керим-Берди. Но, узнав, что

Джелал ад-Дин благополучно ушел в русские земли и хорошо принят великим князем Василием Дмитриевичем, Керим, после бесплодной попытки склонить Витовта на свою сторону, сам отправился в Москву, где ему тоже был оказан ласковый прием.

На Руси братья прожили полтора года. Это дало Эдигею повод выступить против Москвы. Обвинив великого князя Василия Дмитриевича в том, что он дал приют его врагам и, кроме того, более десяти лет не платит Орде дани, осенью 1408 года эмир эмиров вторгся с огромным войском в русские пределы, разграбил Нижний Новгород, Городец, Юрьев, Серпухов, Коломну и многие другие города, а потом осадил Москву.

У него почти не было артиллерии, а потому из под Москвы он послал гонца к Тверскому князю Ивану Михайловичу¹⁾, с приказанием выступить на помощь орде со всем войском и с пушками. Положение князя Ивана было трудным: с Москвой он старался ладить и обострять с нею отношений не хотел, ибо у него шли бесконечные усобицы с братьями и племянниками, и он чувствовал себя на великом княжении не очень прочно. Но послушаться Эдигея — значило обречь свою землю на разорение. Рискуя головой, Тверской князь прикинулся дурачком, не понявшим приказа, хитрил и изворачивался, но помощи Эдигею так и не оказал.

При начале осады, великий князь Василий Дмитриевич успел выехать из Москвы в Кострому, и город защищал князь Владимир Андреевич Серпуховский. Он держался стойко и в течение месяца успешно отбивал все приступы неприятеля.

Тем временем Джелал ад-Дин, стоявший со своими татарами в Мещере, быстро двинулся на Волгу и, внезапно появившись под Сараем, снова захватил его. Бежавший в степи Булат-Султан сейчас же известил о том Эдигея, прося немедленной помощи.

1) Иван Михайлович был старшим сыном великого князя Михаила Александровича Тверского, умершего в 1339 году.

Эмир эмиров к этому времени уже убедился в том, что Москву можно взять только на измор, а времени терять было нельзя и потому он вступил с осажденными в переговоры. Получив с них откуп в размере трех тысяч рублей, он снял осаду и со всем своим войском спешно направился к Сараю. При его приближении Джелал ад-Дин покинул город и вместе со своими туменами ушел в литовские земли. Керим-Берди, бежавший из Москвы при подходе Эдигея, был уже тут, таким образом к концу 1408 года все возвратилось к тому положению, которое существовало три года тому назад.

ГЛАВА 7.

«Не следует преувеличивать вреда, который Русь терпела от татар... Когда иго их ослабло, это были преимущественно мелкие набеги, которые касались только приграничных земель.»

С. Соловьев.

Поздней осенью 1408 года на рубежах Литвы и Дикого Поля стало беспокойно: редкие прежде набеги татар, теперь следовали один за другим.

Эдигей был до крайности озлоблен тем, что Витовт дает прибежище Джелал ад-Дину, который уже дважды захватывал Сарай и лишил его возможности победно закончить поход на Русь, начавшийся так удачно. Затевать из-за этого большую войну с Литвой эмир эмиров сейчас не хотел, ибо внешняя обстановка этому не благоприятствовала: Московский князь только что помирился с Витовтом и теперь легко мог выступить на его стороне, чтобы отплатить Орде за осаду Москвы и за разграбление русских городов. Но мелкие набеги — иное дело: они причинят литовскому князю немало неприятностей и убытков, сам же Эдигей оставался тут в стороне, ибо всегда мог объяснить их самоуправством непокорных ему татарских князьков, которые сочувствуют Джелал ад-Дину и потому кочуют поближе к нему, у рубежей Литвы.

Когда татары разграбили Курск, до которого от Карачеевки не было и ста верст, Иван Васильевич встревожился. Он знал, что этими набегами тайно ру-

ководят люди Эдигея, с которыми поладить добром ему не удастся. Следовало готовиться к вооруженному отпору. На Неручи жило теперь довольно много народу: привлеченные спокойной жизнью, за минувшие годы сюда переселились еще сотни три татарских семейств из Орды; под защиту Карачеевки стеклось немало и русских крестьян, которые запахивали тут уже не одну тысячу десятин.

Произведя перепись этих людей, Карач-мурза подсчитал, что для обороны своих владений и подступов к Карачеву, он может собрать около двух тысяч бойцов. Это было не так уж мало, ибо ордынские отряды, совершавшие набеги, обычно не превышали численностью нескольких тысяч человек. Сообразно этому, старый и опытный воин быстро выработал план действий на случай тревоги.

В дикую степь, верст на сорок от границы своих земель, он выдвинул несколько сторожевых постов, которые при приближении неприятеля должны были сейчас же поджечь сложенные на особых вышках дымные костры, заметные с таких же промежуточных вышек, расставленных по пути к усадьбе, для передачи сигнала тревоги. Такой способ предупреждения об опасности, позволял узнать о ней по крайней мере за сутки до нападения врага и обеспечивал время, необходимое для того, чтобы привести все в боевую готовность: боееспособных собрать в усадьбу для ее защиты, а прочее население, вместе с наиболее ценным скарбом, и стада скота укрыть в дремучей чаще леса, на заранее выбранных полянах и в оврагах, куда заблаговременно перевезли достаточные запасы сена для животных и муки для людей.

Из тех, кто мог принять участие в отражении врага, более двух третей составляли татары, которые имели все необходимое оружие. Но на несколько сот русских крестьян его не хватало. В кузнице Карачеевки спешно выковали десятка четыре мечей и наконечников для копий и стрел, но этого было мало, а железа больше не оставалось. Карач-мурза собирался купить его в бли-

жайшем городе Меченске¹⁾, до которого было не более пятидесяти верст, но потом передумал и решил сделать это в Карачеве, так как заодно он хотел предупредить князя Ивана Мстиславича о надвигающейся опасности и попросить у него помощи оружием. В частности, ему хотелось раздобыть еще две или три пищали, ибо в борьбе с небольшими татарскими ордами, обычно не имевшими огнестрельного оружия, их наличие могло в значительной степени уравновесить силы.

Сам Иван Васильевич оставлять в такое время свое поместье не хотел, а потому, написав письмо князю Хотету, он возложил это поручение на сына, с наказом обернуться побыстрее.

Взяв с собою десяток дружинников и несколько пустых подвод, Арсений немедленно отправился в путь.

¹⁾ Меченск — древнее название города Мценска.

ГЛАВА 8.

«В области верхней Оки правили удельные князья — потомки св. Михаила Черниговского. С половины 14 века они были подчинены Литве, но, пользуясь выгодами пограничного положения, служили «на две стороны», — и Литве, и Москве».

В. Ключевский.

Тоска и обреченность притаились в хоромы князя Ивана Мстиславича. Сидит княгиня Юлиана Ивановна в своей светелке, вышивает шелками и жемчугом бесконечный узор на плащанице, которую готовит она к престольному празднику Свенского монастыря; поглядит ненароком в окно на серую муть осеннего неба, на обнаженные ветви деревьев, усыпанные нахохлившимися воронами, — вспомнит свою веселую юность в Вильне, и уже не жемчугом, а слезами ведет по плащанице узор.

Томясь о неведомом, бродит по темным горницам сероокая княжна Софья; выйдет иной раз в оголенный осенью сад, медленно обойдет все дорожки, будто втайне надеясь встретиться с тем, кого, не зная еще, ожидает ее душа. На диво хороша княжна в свои семнадцать лет, с эдакою красою не здесь бы ей жить. Глянет она на стылое небо и на хмурых ворон, и зайдется ее сердце печалью.

Прикорнув на постели в своей опочивальне, думает князь Хотет невеселую думу. Эх ему во всем незадача! Ни власти настоящей нет, ни радости, ни здоровья. По-

следнее что ни день, то хуже, — кашель извел вконец, всякий вечер лихорадит, а ночами нет сна. Чего только он не спробовал: к святыням разным прикладывался, щедро давал на монастыри, и зелья всякие пил, и растирался барсучьим жиром, смешанным с орлиной кровью, — хоть бы чуть полегчало! По весне купал его знахарь в воде, взятой из семи разных речек, а плат, которым обтер, порезал на семь частей и повесил те куски в саду, на семи различных деревьях, — говорил, как истлеют они, так и хворь пройдет. Давно уж те лохмы сопрели, а у князя, ровно бы в надсмешку, в ту самую пору кашель с кровью пошел...

А тут еще заехал в Карачев князь Витовт Кейстутевич, ворочаясь в Вильну после замирения с Москвой, — по пути, мол, было, а сам крюку верст двести дал. Ну, пошли пиры да растабары, Витовт от Юлианы Ивановны ни на шаг, — она-де ему как дочь родная, с самой колыбели знал, а меж тем глядит на нее как голодный кот на сало, соромно смотреть. И она, видать, тому рада, а что скажешь? — Воспитанница. Да и он тут государь и хозяин, — коли что, так и умереть дома не даст... Эх, побил бы его князь великий Василий Дмитриевич, да отобрал к Москве наши земли, вот было бы ладно! Эка жаль, что нету у меня силы в том ему пособить, — с досадою подумал Хотет и, эдак настроившись, малое время спустя велел позвать к нему княжича Михаила.

Княжич в отчете тоже был словно на перепутье: по всему видно, — родитель на свете не жилец, помрет он, и что тогда будет? Карачевскому княжеству это конец, — Витовт обратит его в литовскую волость, либо в повет, как обратил уже все соседние княжества. Не зря же он, назад тому всего два месяца, дал ему, княжичу Михаилу, совет: ехать в Краков, на службу к королю Владиславу. Стало быть, понимай так, что Карачевским князем тебе все одно не бывать, хоть ты и законный наследник.

Ну а в Кракове чего ему ждать можно? Он там уже

побывал и уразумел воочию, что тому, кто не католик, — будь он хоть трижды князь и семи пядей во лбу, — рыцарского звания не видать и коли дослужишься до стольника, и то почитай за великую удачу. Ему же, потомку святого Михаила Черниговского, покупать милость польского короля ценою вероотступничества, никак не гоже. Ужели же нет ему краше доли и нет иного пути, чем в Краков? Лучше бы в Москву, к своему православному государю, да покуда батюшка жив, о том и думать нельзя: Витовт хоть к нему и милостив, а за такое может со стола согнать, особливо теперь, когда из-за отъезжих князей пришлось ему отказаться от Пскова и искать мира с Москвой...

— Ну, что же ты, — спросил Хотет, когда сын вошел в опочивальню и, перекрестившись на божницу, приблизился к его постели, — надумал ехать в Краков?

— То в твоей воле, батюшка. Коли скажешь ехать, — поеду.

— Неволить тебя не стану. Сам-то ты того хочешь?

— Коли говорить истину, нет у меня к тому охоты, — не сразу ответил Михаил. — Сам знаешь, батюшка, каково там будет: начнут нудить, чтобы шел в католичество, я же верой отцов торговать не стану. Стало быть, едва-ли выйдет мне прок от королевской службы.

— Вот и я тако же мыслю, — оживился Хотет. — И потому иное для тебя надумал: тот вражий Краков для Карачевского князя не место, — ты езжай в Москву, на службу к государю великому Василю Дмитриевичу!

— Это мне больше по сердцу. Я и сам о том думал, да вот, не было бы тебе какого худа от Витовта.

— Какое еще может быть худо, коли он уже накрепко положил по смерти моей княжество наше обратить в литовскую волость? А ежели ждать не схочет и меня теперь же с княжения сгонит, так я и сам в Москву поеду!

— Коли так, я с радостью, батюшка. Уделом нашим мне все равно не володеть, так уж лучше я своему, рус-

скому государю буду служить, нежели тем, кто этот удел у нас отымают. Когда велишь ехать?

— А чего медлить? До Рождества Христова, пожалуйста, пожди, — проведешь с нами святки и поезжай с Богом. Там наших русских князей из-под Литвы уже немало. Всех принял Василей Дмитриевич ласково, поместья богатые им дал и службу, коя каждому по роду его приличествует. Тако же и тебе будет. А королю Ягайле пусть ляхи служат, коли они его сердцу милее.

— Добро, батюшка, буду готовиться. Челяди много ли с собою брать?

— Душ пятьдесят возьми, а то и боле. В Москве на это глядят: коли слуг много, значит муж важный, ему и чести больше. Надобно, чтобы ты стал там высоко. То и по роду тебе пристало, да и своя у меня думка есть: Софье пора искать жениха. И покуда здесь не навязали нам какого литвина, либо ляха, хорошо бы просватать ее на Москве за кого-либо из молодых князей, родичей государя Василя Дмитриевича. Будешь там, — порадей о сестре, в том на тебя крепко уповаю.

— Не сомневайся, батюшка: положу себе это первой заботой.

— О —

Через несколько дней после этого разговора, князь Хотет сидел в своей рабочей горнице, когда вошел дворецкий и доложил:

— Тут, княже, приехал с Неручи сын татарского царевича Карачея, сказывает есть к твоей милости важное дело.

Было холодное утро, Иван Мстиславич славно пригрелся у камина, — принимать посетителя, да еще выходить для этого в нетопленную приемную залу, ему не хотелось. Откуда тут и к какому спеху может сыскаться важное дело? Наверное, гиль какая-нибудь... Он совсем уже собрался ответить, что занят и чтобы приезжий зашел под вечер, но любопытство пересилило, и он сказал:

— Веди его сюда.

Через минуту, пригнувшись в дверях, чтобы не стукнуться головой о притолоку, в горницу вошел широкоплечий и ладный молодец, в синем, подбитом мехом кафтане и при сабле. Перекрестившись на образа, он довольно ловко поклонился князю.

— Будь здоров, — ответил Хотет, оглядывая мощную фигуру вошедшего. — Ты, что, сын неручьского царевича?

— Так, княже. Отец мой Иван Васильевич поклон тебе и почтенному семейству твоему шлет и грамотку велел передать твоей светлости, — ответил посетитель. По-русски он говорил правильно, хотя и с заметным татарским произношением.

— Иван Васильевич? Значит, так родитель твой стал зваться по святом крещении? А тебя же как нарекли?

— Арсением, княже.

— А годов тебе сколько?

— Осемнадцать минуло.

— Ну, молодец ты, Арсений! Сказал бы — богатырем будешь, да ты уже и сейчас богатырь. Эк тебя вымахало в восемнадцать-то лет! Ладно, сказывай, как батюшка твой здравствует и какие там, на Неручи, новости? — помолчав, добавил Хотет.

— Отец, слава Христу, здоров, княже, А на Неручи ныне тревожно: недалече от нас, в Диком Поле, все больше собирается кочевых татар. Что Курск они недавно пограбили, ты, должно быть, знаешь. Ждем мы с часу на час, что и на нас набегут.

— Эко дело! Ужели вы со своими поладить не сумеете?

— Нет, князь: это татары Идику, наши враги.

— Что же мыслите вы делать?

— Коли нападут, будем обороняться. К тому готовимся. — И Арсений коротко, но толково рассказал князю, какие меры ими приняты на случай набега ордынцев..

— Вельми разумно все сладили, — одобрил Хотет. — Сразу видать, что родитель твой бывалый воин. А где же письмо его?

— Вот, княже, — промолвил Арсений, доставая из-за пазухи сложенный вчетверо лист.

— Ну, читай в голос, а я послушаю.

— Коли велишь прочесть, прочту, — просто и без смущения сказал Арсений, — только тоска тебя одолеет, покуда я кончу: в русской грамоте я не горазд.

— Да и я не очень, — улыбнулся Хотет, которому гость все больше нравился. — Ну, ежели так, погоди... — Он хлопнул несколько раз в ладоши и приказал появившемуся слуге позвать княжича Михаила.

Последний не замедлил явиться. Иван Мстиславич познакомил молодых людей, после чего княжич вслух прочел письмо Карач-мурзы. Выслушав его и задав Арсению несколько дополнительных вопросов, Хотет подумал немного и сказал:

— Я бы и рад вам помочь, ибо разумею, что для моей земли вы первый от Орды заслон. Да помочь-то, почитай, нечем. Своей дружины я не держу, — великий князь Витовт Кейстутьевич ныне того не позволяет. Оружие, правда, кое-какое храню в подвалах, так ведь оно нам самим потребно: ежели придут сюда татары, надобно его раздать людям, чтобы обороняли город.

— Ну, Карачев от рубежей далеко, — заметил Михаил. — Не дойти сюда татарам, особливо если на Неручи им хороший отпор будет.

— Может и так, да все надо оберегаться, — промолвил Хотет. — Ну, так и быть, мечей дам вам дюжины две либо три, да столько же копий. Авось сайдаков¹⁾ лишних с десятков найдется. А пицалей у меня у самого токмо две, их отдать никак не могу.

— Батюшка, — снова вставил княжич, — а те шесть, что князь Витовт, проезжая с войны, тут оставил? Может ты запамятовал.

— Так, ведь, то не наши, — сказал Иван Мстиславич, с неудовольствием глянув на сына. Он хорошо помнил про эти пицали, но был скуповат и отдавать их ему не хотелось. — Витовт Кейстутьевич велел их тут по-

¹⁾ Сайдак или саадак — лучный комплект, включавший лук с чехлом и колчан со стрелами.

беречь, чтобы не тащить с собою в Вильну, где они ему вовсе без надобности. Но в случае какой войны он их, вестимо, обратно стребует.

— Тогда и отдадим, долго ли привезти с Неручи? А покуда, чем тут им ржаветь, пусть бы для пользы послужили.

— Ну, а если их татары отымут? Что я тогда Витовту скажу?

— А что он скажет, коли узнает, что мы, пожалевши пицалей, татар в его землю пустили?

— Эк ты скор на язык, Михайло! Тебе, вестимо, ништо, а мне потом ответ держать... Ну, ладно, коли уж нашелся у тебя такой ходатай, бери две пицали, — добавил он, обращаясь к просиявшему Арсению. — Только гляди: берегите их крепко!

— Спаси тебя Христос, княже! — поклонился Арсений. — А за пицали не опасайся. Я скорее голову положу, нежели их врагу отдам, и отец мой тоже. Дозволишь ноне же взять оружие? У меня подводы с собой, сейчас велю запречь.

— Ну, уж и сейчас! Скоро полдник, потрапезуешь с нами, а там за дело. С оружием тебе, Михайло, поручаю: дашь ему все, что я сказал. А пока веди гостя к себе, чай у вас, у молодых, всегда сыщется, на чем поточить ласы.

— Спасибо, княжич!, — сжимая руку Михаила, с чувством сказал Арсений, когда они выпшли из горницы князя. — Кабы не ты, не видать бы нам пицалей и иного оружия. И, коли что снадобится, знай: отныне я тебе друг навеки!

— За ничто благодарись, — ответил Михаил. — Разумею, ведь я, что пицали для вас — это многих животных спасение, а тут они все одно без надобности. Я тебе три дам, а не две. А дружбу твою принимаю с радостью, и сам тебе буду другом.

ГЛАВА 9.

«И тако спасен бысть князь Мстислав небесным покровителем своим, святым Архаггелом Михаилом.»

Из архива князей Карачевских.

Арсений еще не любил, — до сих пор он чуждался женщин. Но едва войдя с Михаилом в трапезную, он увидел здесь княжну Софью, — ему показалось, что все окружающее внезапно ушло куда-то в небытие, и в мире ничего и никого не осталось, кроме него и этой необыкновенной девушки. Он влюбился в нее с первого взгляда, со всею силою своей пылкой натуры.

В первые минуты ему даже изменило его обычное самообладание. Он не мог потом отчетливо вспомнить, как его представляли княгине и княжне, что говорилось при этом и как все очутились за столом. Только тут он несколько овладел собой и испугался: не выдал ли чем-нибудь себя? Но лица окружающих были приветливы и благодушны, — если кто и обратил внимание на эту странную его растерянность, ее приписали простой застенчивости.

К счастью, за столом, кроме княжеской семьи, сидело еще несколько бояр и дворян, у них шел какой-то свой разговор, к Арсению пока никто не обращался, и это дало ему время окончательно прийти в себя. Когда князь, наконец, начал его расспрашивать о том, сколько татар осело на реке Неручи, все ли они приняли православию и как посещают церковь, — он ответил на эти вопросы спокойно и вразумительно.

— А во имя какого святого поставили вы свою церковь? — спросила Юлиана Ивановна.

— Во имя архангела Михаила, княгиня, — сказал Арсений.

— То добро, — заметил Иван Мстиславич. — Должно быть, знали вы, что святой Архангел особо чтится у нас как заступник и покровитель нашей Карачевской земли?

— Знали, князь. Но мы еще больше чтим архангела Михаила потому, что он темник Божьего воинства и покровитель храбрых.

— Темник? — засмеялся Хотет. — Ты что же, мыслишь что небесное воинство устроено на подобие татарской орды?

— Я хотел сказать — воевода, князь, да слово-то не пришло сразу на ум, — смутившись промолвил Арсений. Бросив взгляд на княжну, он заметил, что она, глядя на него с приязнью, весело смеется вместе со всеми. Ее лицо, теперь осветившееся, словно утренней зарею, показалось ему таким ослепительно прекрасным, что он поспешно опустил глаза.

— Воевода, это так, — сказал Иван Мстиславич. — И коли выбрали вы Архангела своим покровителем, он вам беспрерывно против врагов поможет. Вот послушай, что приключилось однажды с родителем моим покойным, с князем Мстиславом Святославичем: зимою как-то поехал он в лес, с двумя своими людьми, брать из берлоги медведя. Берлогу, вестимо, нашли заране, подъехали близко на санях, слезли, обошли ее, подняли медведя и взяли его на рогатины без особой мороки. Ну, стали те двое обдирать тушу, а отцу ждать наскучило, достал он из саней лук и туло¹⁾ со стрелами и пошел побродить по лесу. Невдолге видит, — сидит на суку здоровенный глухарь, но далеко, не достанешь. Наложил он стрелу на тетиву и стал подкрадываться; с глухаря глаз не спускает, под ноги глядеть неколи, ну и прова-

¹⁾ Туло — русское название колчана. Последнее слово татарского происхождения.

лился в другую медвежью берлогу! Как почувал, что под ним зверь зашевелил, выскочил он из ямы, лук обронил, — да и зачем ему лук, когда он на медведя мало не верхом сел! Едва нож успел вытащить, а мишка уже из берлоги вылез, да на него! И на беду не встает на дыбы, чтобы можно было ловко ножом ударить, а налетел как кабан, плечом родителя с ног сбил, одной лапищей наступил на руку, в которой нож был зажат, а другою рванул на груди кафтан и разодрал его до самого пояса. Отец с животом простился, помянул Христа и лежит недвижно, ждет, что зверь его сейчас вторым ударом прикончит. Но тот что-то медлит. Приоткрыл он глаза и видит: медведь морду нагнул и не то разглядывает, не то нюхает образок архангела Михаила, что родитель всегда на себе носил. Потом ступил тихонько в сторону, да и пошел себе в чашу, не сделав отцу никакого жуда. Защитил, стало быть и от зверя святой Архангел!

— Под медведем и мне случилось побывать, — промолвил один из бояр. — Выбил у меня из рук рогатину, да и насел. Пол бока успел ободрать, покуда брат мой меньшей подбежал на помощь.

— Сказывают, коли упал, надобно прикинуться мертвым, — заметила княгиня, — тогда медведь не тронет.

— Ну, это какой медведь! Бывает, что не тронет, а чаще того задерет насмерть и спасибо не скажет человеку, что смирно лежал. Так с Кирюшкой было, с брянским зверовщиком, — сыном однорукого Федьки. Сорок девять медведей убил он на своем веку, пошел добывать пятидесятого и, когда уже наставил на зверя рогатину, посклизнулся и упал носом в снег. Ну, тут уж иного не оставалось, как прикинуться мертвым, — только медведь, видать, не знал того обычая, о коем ты говоришь, княгинюшка, и мигом сделал из него настоящего покойника: расплющил голову, словно пустой орех!

Все пожилые гости наперебой стали вспоминать случаи, с кем либо приключившиеся на охоте, и заспо-

рили о привычках медведей. Это дало возможность молодым, сидевшим вместе, на конце стола, завязать вполголоса свой собственный разговор.

— А тебе случалось ли убивать медведей? — спросил княжич Михаил у Арсения.

— Четырех уже взял. Их там много, в лесах на Неручи.

— И всех в чистую? Ни один тебя не драл?

— С первым помаялся. Не было еще у меня сноровки, — неловко сунул рогатиной, медведь с нее сорвался и на меня! Пришлось топором его бить, счастье, что прихватил с собою. Однако, он мне кафтан изорвать успел и плечо малость поранил. Ну, а других взял хорошо.

— И всех на рогатину? — спросила княжна, внимательно слушавшая их разговор.

— На рогатину, — зардевшись от счастья, ответил Арсений. — Ну, а как же еще?

— А тут сейчас говорили: бьют и ножом.

— Ножом? А вот, я спробую, — сказал Арсений.

— Ой, не надо, я не к тому! — воскликнула княжна.

— Почто не надо? Я люблю так: если что сказал, сделаю беспременно. А тебе, княжна, шкуру пришлю с того медведя, коли будешь милостива принять ее.

— Приму, если рогатиной его убьешь, а не ножом.

— Ты лишь прими, — улыбнулся Арсений, — а чем я медведя бил, о том знать будем только я да он.

— А я доселева одного лишь взял, — с сожалением в голосе промолвил Михаил. — Да и то, коли говорить правду, подсобил мне непрошено мой холоп и тем мне всю радость испортил. Хорошо бы еще пойти нынешней зимой!

— Вместе пойдем! — воскликнул Арсений. — Вот, как снег хороший ляжет, — того уж недолго ждать, — приезжай к нам на Неручь, нешто тут далеко? А я к тому дню велю нашим людям отыскать да заметить в лесу две либо три берлоги. Славно половничаем. Приезжай, княжич, будь ласков!

— Что ж, может и приеду.

— Счастливые вы, что родились мужчинами, —

вздохнула княжна. — Во всем вам простор и воля, а нам — сиди в четырех стенах да гляди, как жизнь стоною течет.

— Али и ты хотела бы на медвежий лов, княжна? — спросил Арсений.

— Вестимо, хотела бы! Пусть бы только поглядеть. Да нешто женщине возможно такое?

— Каждому свое, — засмеялся Михаил: — нам в сердце колоть медведей, а вам медвежатников!

— О —

Наутро следующего дня Арсений с шестью подводами, нагруженными железом и оружием, возвращался в Карачеевку. Ехать было трудно, ибо ночью выпал обильный снег, колеса в нем вязли и скользили, но Арсений был доволен и почти счастлив.

С поручением отца он справился удачно: вез с собою три отличные пицали и запас огневого зелья к ним, а ручного оружия много больше, чем обещал князь Иван Мстиславич. Княжич по дружбе расстарался и тут: дал ему пятьдесят мечей и сабель, сорок копий да двадцать четыре сайдака, а после еще с десятков чеканов¹⁾ прикинул.

Кроме того, половину купленного железа Михаил предложил оставить в Карачеве, с тем, что он велит без промедления отковать из него в городских кузнях сколько выйдет мечей и копий, а когда они будут готовы, — пришлет, либо сам привезет их на Неручь.

Но хотя и радовало все это Арсения, — сейчас мысли его были заняты не столько оружием, как княжной Софьей. Нежный образ ее, волнующий кровь и сердце, неотступно стоял в его памяти, Снегурочкой мерещился под каждой елью, прекрасной полудницей-зимовни-

¹⁾ Чекан — боевой топор.

цей¹⁾ выплывал из-за поворотов дороги, тихим ангелом летел впереди, указывая путь.

«Только полюби, девонька моя желанная, уж тогда никому тебя не уступлю, — думал он. — И не то что на медведя, а на самого шайтана за тебя с ножом пойду!»

¹⁾ Полудница, по народному поверью, одна из разновидностей русалки.

ГЛАВА 10.

«Когда спросили — что хорошо, медведь ответил: увидеть охотника раньше, чем он тебя увидит».

Восточная поговорка.

Три недели спустя, уже перед самым Рождеством, в Карачеевку приехал, в сопровождении нескольких слуг, княжич Михаил и привез с собою сделанное в городе оружие. Его тотчас принялись разгружать и сносить в клетки люди Карач-мурзы.

— А вот тут я тебе особый подарок привез, — указывая на отдельно стоявшие сани, сказал княжич Арсению, который, завидев въезжающего в ворота гостя, первым выбежал к нему навстречу.

— Какой еще нужен мне подарок, коли ты сам приехал! Краше того не выдумаешь!

— А ты все же погляди. — С этими словами Михаил откинул полость, закрывавшую сани. В них лежали тяжелая пицаль, боченок с порохом и мешок с порезанным на мелкие куски свинцом.

— Вот это пицаль! — воскликнул восхищенный Арсений. — Нутро ствола поперек себя в добрый вершок! Где ты такую добыл?

— У брянского воеводы на сокола выменял. Сокол был у меня важный, всем на зависть, только сам я соколиного лова не люблю, и он мне без надобности. А тот воевода лютей соколятник, он не то что пицаль, жеману бы за него отдал. Вот и сладилась.

— Ну, спаси тебя Бог, княжич! Мы ее на башне у

ворот поставим, а ту, что там сейчас стоит, меньшую, возьмем на стену. Теперь как раз по пищали на каждый угол выйдет, oprичь этой.

— Пищаль знатная, — сказал Михаил. — Она у воеводы, словно баба, Акулькой звалась. Можно из нее стрелять круглыми камнями, но, коли отбивать приступ, — лучше резаным свинцом, две жмени, а то и три заложить можно. И что ни дальше — куски свинца шире разлетаются, шагов на двести она тебе человек десять с одного разу положит. А грому сколько! Другие десять со страху помрут.

— Али ты из нее палил уже?

— Там же, в Брянске, попробовал ее и на камень и на свинец, прежде чем сокола отдать. Чуть не подох, бедняга, с перепугу, пока я палил!

— Ну, еще и еще тебе спасибо! Бог даст найду случай отквитаться перед тобою. А сейчас идем в хоромы, — закусим, отдохнешь с пути, а после я тебе тут все покажу.

— А на медведей пойдем?

— Вестимо, пойдем! Три берлоги я уже знаю, а коли надо будет, наши люди еще същут.

— О —

На следующее утро Арсений и княжич Михаил, в легких, не стесняющих движений полушубках, вооруженные рогатинами и длинными, остро отточенными ножами, вышли из ворот усадьбы и почти сразу очутились на опушке леса, откуда по узкой просеке зашагали в его девственную глубину.

Третьим шел с ними крепкий парень, одногодок Арсения, сын Нуха и Фатимы, к которому как-то не пристало его христианское имя — Гаврюшка, и почти все его звали Гафизом. Он нес с собою тяжелый топор, длинный шест с заостренным концом, полуторааршинную доску, с набитыми в нее короткими гвоздями, и какой-то обвязанный ремешком войлочный сверток.

— А что это он несет? — спросил княжич, заинте-

ресовавшийся назначением двух последних предметов.

— Доска с гвоздями, это чтобы медведя на дыбы поднять. Без того он редко встает, — как вылезет из берлоги, так на четырех лапах на тебя и кидается. А коли ты его один взять хочешь, без нашей помощи, надобно, чтобы он в рост поднялся, иначе не сдужишь.

— А сверток зачем?

— Сверток, то для меня. А зачем он, вот погоди маленько, узнаешь, — загадочно ответил Арсений.

Лес, между тем, становился все гуще и темнее. Лиственных деревьев тут уже почти не было, лишь кое-где виднелись белые стволы берез с заиндевевшими, словно белым пухом поросшими ветвями; зато, куда ни глянь, всюду башнями дыбились огромные ели, внизу почти черные, а чем выше, — тем обильнее и краше убранные снегом. Ветви вековых сосен сверху почти перекрывали просеку, поэтому снег на ней лежал неглубокий, идти было легко, и через час охотники уже отделились от усадьбы версты на четыре.

— Тут надобно свернуть, — сказал Арсений, разглядев на одном из древесных стволов сделанную накрест свежую зарубку. — С версту пройдем по чащобе, там и берлога. Только теперь надо идти тихо и поглядывать по сторонам: это место медвежье и можно повстречаться со зверем, который еще не лег.

— Ужели есть такие, что до самого Рождества бродят?

— Есть. Медведица, та лезет в берлогу рано, в половине ноября уже спит. Медведь же, особливо старый, после того еще, бывает, и месяц не ложится. А у иного и так случается; он приготовит логово с осени, но когда пришло ему время залечь, — беспременно обойдет не раз всю окрестность и ежели учует что неладное, — особливо следы человека, — тогда уже в ту берлогу не ляжет. И хорошо коль время ему останется сыскать другую, а бывает, что не успеет, — завалит все снегом, под ним доброй ямы не найдешь, вот он и бродит всю зиму. Тогда он лют и много беды натворить может. Дня за три

до твоего приезда такой шатун проломил ночью стену хлева в одной нашей деревеньке и унес овцу.

— Неужто и на жилье нападают?

— Нападают. А что им делать? Летом медведь наедается желудями, кореньями, ягодами и медом, никакой мелкой тварью не брезгует, случается рыбу словит, — харча ему много, и он всегда сыт. А зимою не то: хочешь не хочешь, а надо кормиться мясом. Потому он и скотину тебе не упустит, а коли случится, нападет и на человека, хотя летом сам от него бежит. Ну, однако, тут надо идти молчком, — добавил Арсений, — уже подходим.

Минут через десять, соблюдая полную тишину, путники вышли на небольшую поляну, поперек которой лежала толстая, видимо, поваленная бурей сосна, обильно присыпанная снегом.

— Тут, — шепотом сказал Арсений, останавливаясь. — Вон, гляди, желтое пятно на снегу, под корнями: это он снизу надышал. Ты его взять хочешь, либо мне брать?

— Давай я возьму, — так же тихо ответил княжич.

— Ладно, мне второй будет. Тогда становись сюда и гляди в оба. Сейчас мы его подыдем.

Михаил встал шагах в пяти от берлоги, утоптал под собою снег для лучшего упора, попробовал хорошо ли вынимается нож и взял на изготовку рогатину. Гафиз тем временем бросил доску с гвоздями меж ним и берлогой, слегка припорошил ее снегом и вооружился шестом.

— Поднимай! — сказал стоявший чуть в стороне Арсений, убедившись, что все в порядке.

Гафиз всунул шест в берлогу и, нащупав там мягкое, ткнул раз и другой. Снег в этом месте заметно стал оседать, из-под него послышались звуки, похожие на хруканье, и почти тотчас из ямы показалась передняя лапа, а за нею голова зверя. Видимо, он был ослеплен ярким светом и потому замер на мгновение, поводя гла-

зами и ушами. Потом, приглядевшись, зарычал грозно, и, разом выскочив наверх, метнулся на стоявшего перед ним человека. Но тут же он наступил на гвозди, взревел благим матом и, поднявшись на задние лапы, замахал передними, чтобы стряхнуть с них приколловшуюся доску.

— Бей! — крикнул Арсений.

Но княжич и сам не зевал. Хладнокровно выждав момент, когда мешавшая ему доска оторвалась от лап медведя, он, подавшись всем туловищем вперед, вонзил ему в грудь рогатину. Ревя и махая лапами, зверь полез на него, но Михаил ловко упер древко рогатины в землю и медведь, навалившись на нее всей тяжестью, вогнал в себя острие по самую поперечину, отделявшую его от древка.

Удар был нанесен метко, задев, очевидно, сердце, ибо зверь почти сразу начал крениться и, сделав еще одно отчаянное усилие добраться до врага, грузно повалился на бок. Плотно засевшая в нем рогатина вырвалась при этом из рук княжича, но увидев, что медведь пытается подняться, и не столько боясь теперь его когтей, как того, что на помощь придет Арсений или Гафиз, стоявший поблизости с топором, — он поспешно выхватил нож, и, подскочив вплотную, всадил его в грудь зверя, рядом с торчавшей рогатиной. Издыхающий медведь в последнем усилии взмахнул лапой над головой охотника, но тот успел отпрянуть, — страшные когти только распорили ему рукав полушубка, по счастью почти не задев руки. Княжич снова занес нож, готовясь нанести второй удар, но сразу увидел, что в этом уже нет надобности: медведь опрокинулся на спину и, несколько раз дернувшись предсмертной дрожью, затих.

— Ну, с почином тебя, княжич! — воскликнул Арсений. — Ловко ты его взял, словно бы прежде только то и делал. Знатный зверюга, — гляди, какие когтища! А он тебя не поранил ли ими?

— Нет, то пустое. Лишь кожа, будто, горит, должно быть царапнул малость, — потирая руку, промолвил

Михаил и добавил: — что с ним теперь делать будем? Тут шкуру снимем, али как?

— Это без нас сделают. Я дома сказал, чтобы малое время спустя по нашим следам вышли люди, подбирать убитых зверей. Пускай тут лежит, а мы покуда к другой берлоге пойдем, — она тут недалече, и версты не будет.

— О —

По пути Арсений вырубил сук толщиною пальца в два и длиною в аршин, очистил его от боковых ветвей и лишь вблизи толстого конца оставил несколько крепких отростков, направленных в разные стороны и чуть назад. Их он подрезал коротко, вершка на два, и концы тщательно заострил, также как и толстый конец самого стержня.

— Это что такое? — спросил княжич.

— Это ежик, — пояснил Арсений. — Ежели его медведю в пасть сунуть, он его, небось, не сразу выплюнет!

— А зачем он, коли есть рогатина?

— Я не с рогатиной, а с ножом на зверя пойду.

— Пропадешь ни за что, — промолвил Михаил. — Так схватиться с медведем можно лишь при нужде, когда иного не осталось. И не раз я слышал от бывалых зверовщиков, что человек из такой схватки редко живым выходит.

— А я все же хочу спробовать.

— Ну, гляди... Да и то сказать, ты сам силен, как медведь.

Вскоре по сделанным на деревьях зарубкам нашли и вторую берлогу. Тут Гафиз развязал сверток, который нес, — в нем оказалась длинная и узкая полоса войлока. Им обмотали левую руку Арсения, в несколько слоев, от кисти до самого плеча, и сверху закрепили ремешком. Затем внимательно огляделись. Место было ровное, на нем слегка притоптали снег и отбросили в сторону лежавшие на земле сучья, которые могли помешать борьбе.

Арсений перекрестился, вытащил нож и стал перед берлогой. В левой руке он держал свой «ежик». Гафиз положил было перед ним доску с гвоздями, но Арсений приказал убрать ее. Он не сомневался в том, что княжич дома будет рассказывать, как происходило дело, и хотел, чтобы Софья знала, что он бился с медведем честно, без всяких хитростей. Коли мишка сам встанет на дыбы, — хорошо, а нет, — управиться с ним будет потруднее, однако Арсений заранее обдумал эту возможность и был к ней подготовлен.

Эта берлога была не в яме, а в узкой, похожей на нору пещерке, у подножья глинистого бугра и потому медведь выскочил оттуда сразу, едва Гафиз проткнул шестом снеговую пробку, закрывавшую вход. Очевидно он уже проснулся, услышав, что кто-то топчется возле его логова, и был готов действовать, если его обнаружат.

Это был матерой зверь, почти в сажень длиной и высотой у загривка более полусажени. Встряхнувшись, словно вылез из воды, он с сердитым урчанием бросился к стоявшему в нескольких шагах охотнику, чуть забирая левым боком, словно еще не решил: напасть или пробежать мимо.

Но Арсений знал медвежьи повадки и сразу понял, что зверь готовится, как бы мимоходом, сбить его с ног косым ударом лапы, после чего, — в зависимости от своего нрава и степени раздражения, — или остановиться, чтобы доконать поверженного врага, или побежать дальше и постараться уйти. Когда расстояние между ними сократилось до полутора шагов, он мгновенно сделал скачек в сторону и вперед, разминувшись с медведем, но прежде чем последний проскочил мимо, с размаху ударил его ножом в бок.

Рана не была смертельной, но она привела зверя в ярость. Заревев на весь лес, он быстро повернулся мордой к противнику, и в тот же миг Арсений сунул ежик в его открытую пасть; не выпуская рукоятку, он продолжал напирать им на попятившегося от боли и неожиданности медведя. Последний замотал головой и поднявшись на задние лапы, пустил в ход передние. Види-

мо, не сообразив, что тем причинит себе лютую боль, а может быть рассчитывая достать до руки врага, — он со всего размаха ударил лапой по рукоятке ежика, шипы которого при этом глубоко вонзились ему в язык и в небо. В ту же секунду, выпустив ежик, теперь прочно засевший в пасти зверя, и, закрывая голову левой, обмотанной войлоком рукой, Арсений по рукоятку всадил нож ему в грудь и сейчас же отпрянул.

Казалось, медведь не обратил на эту новую рану никакого внимания: боль в пасти была сильнее и он, действуя обеими лапами, старался освободиться от засевшего в ней ежика. Арсений подскочил и снова ударил ножом, как ему показалось, хорошо нацелившись в область сердца. Но в тот же миг страшный удар по левой руке, которой он продолжал закрываться, опрокинул его на землю, отбросив на несколько шагов. В этом оказалось его спасение, ибо медведь, избавившись, наконец, от ежика, снова опустил на четыре лапы и кинулся к нему. Но, не добежав шага, ткнулся вдруг головою в снег, захрипев, повалился на бок, и огромная туша его затрепетала в предсмертной агонии. Как после выяснилось, последний удар ножа пришелся ему в самое сердце.

Княжич, бежавший с рогатиной на выручку друга, облегченно вздохнул и перекрестился, увидев, что медведь издыхает, а Арсений приподнялся без особого усилия и, сев по-татарски на снегу, ощупывает свою руку.

— Слава Христу, жив ты! — воскликнул Михаил. — Мне помстилось, что он по голове тебе лапой дал. Ну как, цела рука?

— Будто цела. Пальцы двигаются, и войлок до конца когтями не пропорот, стало быть ни раны, ни перелома нету. А болит изрядно, ровно бы колом по руке хватили.

— Это, брат, похуже, чем колом! Если бы не войлок, он бы тебе руку перешиб, как пить дать. Ты погляди какая лапища-то! Ну, молодец ты, Арсений, эдакое чудовище одним ножом уложил! Кабы своими глазами не видел, не поверил бы.

Арсений поднялся на ноги, и они как следует рассмотрели убитого зверя. Помимо громадной величины, он отличался еще и редкой окраской: не темно-бурой, как почти все здешние медведи, а светло-каштановой, отливающей серым.

«Славный ковер выйдет княжне Софье,» — с удовлетворением подумал Арсений.

Было уже довольно поздно, рука Арсению плохо повиновалась, и друзья, решив, что на сегодня хватит и двух медведей, возвратились в усадьбу. А третьего, на следующий день без каких-либо происшествий взял на рогатину княжич Михаил.

ГЛАВА 11.

Прогостив в Карачеевке четыре дня, на пятый княжич Михаил собирался выехать домой, но неожиданные события этому помешали: в тот самый час, когда он уже приказал своим людям седлать лошадей, со сторожевой башни был замечен сигнал тревоги, оповещающий о том, что из Дикого Поля приближается татарская орда.

Все сейчас же пришло в движение: усадьбу спешно начали готовить к обороне, в деревни и стойбища полетели гонцы с приказом всем боеспособным собираться в укрепленный поселок, а остальным с имуществом и скотом уходить в лес. Княжич и мог бы еще уехать, но не захотел: покинуть усадьбу и друзей в минуту опасности он считал недостойным, да и хотелось ему принять участие в надвигающихся событиях.

В полдень прискакал первый вестник со сторожевой заставы, увидевшей татар. Он рассказал, что еще два дня тому назад из степи подошла небольшая орда и разбила стойбище, не доходя верст шесть до заставы. А сегодня на рассвете, оставив на месте все шатры и кибитки, оттуда выступил и идет к Карачеевке конный отряд, численностью в три с половиной тысячи человек. Заметив это, стражники тотчас подожгли на вышке сигнальный костер и покинули заставу, как им было приказано на такой случай.

— Далеко ли отсюда их становище? — спросил Иван Васильевич.

— Восемь фарсахов будет, пресветлый оглан, — ответил гонец-татарин.

— А дорога трудная?

— Для чужих людей трудная, пресветлый оглан. В оврагах много снегу. Я доскакал быстро потому, что знал хороший путь и по дороге два раза сменил коня. А большой отряд за это время не мог пройти больше трех фарсахов.

Было очевидно, что нападающие подойдут к усадьбе только вечером, а может быть даже утром следующего дня. Это давало время подготовиться ко встрече, а главное — увеличивало безопасность тех, кто спасался в лесу: было тепло и хмуро, временами начинал сеять снежок, — по всем признакам ночью следовало ожидать обильного снегопада, который надежно скроет все следы. А только по ним и можно было обнаружить лесные стоянки.

Часа в два пополудни все мужчины были в сборе. Раздав оружие тем, кто его не имел, Карач-мурза разбил свое ополчение на сотни, назначил сотников и каждому из них указал тот участок стены, который ему надлежало оборонять. При этом выяснилось, что людей для защиты укрепления было больше, чем достаточно, на стенах они бы все равно не поместились, и потому Карач-мурза выделил отряд в пятьсот человек, который под начальством Якуба отправил в лес, для прикрытия тех, кто там прятался, и для нападения на осаждающих с тыла, если в том будет надобность.

В четыре часа дозорные донесли, что татары находятся в пятнадцати верстах от усадьбы, значит их появления можно было ожидать через полтора-два часа. К обороне все уже было готово: пищали заряжены, на стены подняты камни и бревна для сбрасыванья на осаждающих, внизу установлены котлы, в которых начали кипятить смолу и воду. Запасов в усадьбе могло хватить на несколько дней, — этого было достаточно, так как подобные налеты никогда не переходили в длительную осаду.

Некоторое беспокойство внушали Карач-мурзе лю-

ди и стада, находившиеся в лесу. Все ли они успели добраться до надежных укрытий или есть замешкавшиеся? Если татары подойдут засветло и сразу начнут поиски в лесу, по отставшим они могут обнаружить и всех остальных. Подумав, он подозвал к себе Арсения и сказал ему:

— Садись на коня и поезжай в лес. Погляди, что там делается, и узнай, все ли дошли до мест, которые им были указаны. Но возвращайся быстрее: через полтора часа ты уже наверное не сможешь войти в усадьбу.

Приказав своему стремянному Гафизу подать коней, Арсений вместе с ним ускакал в лес, а Карач-мурза еще раз обошел стены и, убедившись, что все в порядке, велел запереть ворота и отправился к себе. Он с рассвета был на ногах и хотел хоть немного отдохнуть перед наступающими событиями и, вероятно, бессонной ночью.

Ему показалось, что он едва успел заснуть, когда послышались тревожные удары колокола на башне. Быстро выйдя из опочивальни, он у самых дверей столкнулся с Хатедже.

— Враги нас окружают, — сказала она, — а Арсений еще не вернулся.

— Ничего, мать, — ответил Карач-мурза, хотя это известие его обеспокоило, — он не маленький и врасплох не попадет. Если, подъезжая, увидит здесь татар, — возвратится в лес, и только.

— Плохо ты знаешь своего сына! Чтобы он сидел в лесу, когда тут будут сражаться!

— Не бойся, он сумеет все сделать, как надо, — на ходу бросил Карач-мурза и вышел во двор, полный вооруженных людей, пересек его и поднялся на сторожевую башню.

Отсюда он увидел большой отряд татар, остановившийся шагах в трехстах от ворот. Несколько всадников, отделившись от него, шагом объезжали вокруг стен усадьбы, внимательно их оглядывая. До них легко можно было достать из лука, но Карач-мурза приказал по-

ка не стрелять, не сомневаясь в том, что ордынцы, прежде чем перейти к действиям, вступят в переговоры. И, кто знает, — может быть удастся поладить миром, как уже однажды случилось.

Действительно, через несколько минут к воротам подъехали два всадника, один из которых на плохом русском языке крикнул стоявшим на стене людям, что желает говорить с хозяином.

— Это я, — по-татарски ответил Карач-мурза, высовываясь из башни. — Что вам нужно?

— Ты татарин? — спросил другой всадник, казавшийся начальником.

— Да. Меня зовут Карач-мурза-оглан. Это моя земля, и живут на ней татары, такие же, как вы.

— Такие татары, как мы, служат великому хану Булат-Султану, да поразит Аллах всех врагов его. А вы служите неверному литовскому князю.

— Мы никому не служим. Живем мирно и ни на кого не нападаем, но если нападают на нас, умеем защищаться. Теперь, когда ты знаешь все это, я еще раз спрашиваю: что вам здесь нужно?

— Нам нужно, чтобы ты приказал отворить ворота. Если ты сам себе не враг и сделаешь это, мы ничего у тебя не будем жечь, никого не убьем и не уведем в плен ни одного татарина. Ты потеряешь только свое имущество. Но если будешь сопротивляться, — потеряешь все. Мы возьмем твою крепость силою, и тогда пощады не будет никому.

— В эти ворота ты сможешь войти только с арканом на шее. Я уже сказал тебе: когда на меня нападают, я умею защищаться.

— Если так, то тебе осталось недолго жить! — крикнул снизу татарин и, повернув коня, поскакал к своему отряду. Его спутник погрозил стоявшим на стене нагайкой и последовал за ним.

Несколько минут спустя, ордынцы спешили и, оставив при лошадях сотни три коноводов, начали приближаться к укреплению, обтекая его с двух сторон. В это самое время Карач-мурза увидел, что с противо-

положной стороны, на опушке леса показались Арсений и Гафиз, которые, очевидно, поняв, что к воротам подъехать уже нельзя, сейчас же опять исчезли за деревьями. Татары их не заметили, и Карач-мурза вздохнул облегченно, но в этот миг из леса снова выскочил Арсений, уже пеший. Держа в руке свернутый аркан, он во всю прыть побегал к задней стене усадьбы, до которой от опушки было шагов полтораста.

Он пробежал половину этого расстояния, когда из-за угла показались татары. Вокруг Арсения засвистали стрелы, но на стрелявших в свою очередь посыпался град стрел со стены. Княжич Михаил, находившийся поблизости, подбежал к угловой пищали, укоротил фитиль до предела и поджег его, а потом уже начал поворачивать дуло в нужном направлении. Едва он успел прицелиться, грянул оглушительный выстрел, и весь угол стены заволочло густым черным дымом. Однако, сквозь него княжич разглядел, что несколько татар упало, а остальные в смятении отхлынули назад. Очевидно наличие в усадьбе огнестрельного оружия было для них полной неожиданностью.

Арсений тем временем добежал до рва, метнул аркан, сразу подхваченный наверху, и через полминуты был уже на стене, среди своих. Спросив, где отец, он пошел на башню.

— Я видел отсюда все, — сказал Карач-мурза, когда Арсений предстал перед ним. — Ты проявил смелость и ловкость, достойные твоего имени. Но тебе не пришлось бы подвергать такой опасности свою жизнь, если бы ты был точен и возвратился в указанное тебе время.

— Прости меня, отец. Возвращаясь, я встретил в чаще несколько русских женщин, которые сбились и не знали куда идти. И я проводил их к другим.

— Что делается там, в лесу?

— Все в порядке, отец. Люди и скот находятся на указанных местах; воины Якуба делают себе и другим шалаши из еловых ветвей, так что ночью никто не останется под открытым небом. Когда совсем стемнеет и

отсюда не будет видно дыма, я позволил зажечь костры, чтобы греться и готовить пищу.

— А что будет делать Гафиз?

— Я ему приказал возвратиться с лошадьми в лес, к отряду Якуба.

— Хорошо. Теперь становись к большой пищали, сейчас она нам понадобится.

Осаждающие тем временем окружили усадьбу и с довольно далекого расстояния принялись бить из луков по бойницам и по стоявшим на стене людям. Карачмурза приказал своим не высовываться из-за укрытий и на стрельбу позволил отвечать только лучшим стрелкам, когда они могли поразить врага наверняка. Попробовали татары также метать зажигательные стрелы, с подвязанной к ним горячей паклей, но очень скоро поняли, что это бесполезно: крыши строений были покрыты толстым слоем снега, а стены укрепления обледелели, — поджечь их таким путем было невозможно.

Наконец, видя, что уже начинает смеркаться, ордынцы перешли к решительным действиям. Против задней и одной из боковых стен они внезапно подняли неистовые крики и до предела усилили стрельбу, делая вид, что сейчас бросятся на приступ. Но, когда по их расчетам, внимание защитников было отвлечено туда, к воротам, прикрываясь щитами, сразу ринулось несколько сот человек, в то время как лучники метко били стрелами по бойницам башни и верхушке стены, едва там кто-нибудь показывался.

Заметив в центре атакующих группу воинов, которые несли на плечах длинное бревно, очевидно намереваясь использовать его как таран, Арсений направил на них дуло «Акульки» и поджег запальный фитиль. Когда расстояние сократилось шагов до ста, грянул выстрел, в воздухе на разные голоса завывли куски рубленого свинца, которыми была заряжена пищаль, и сквозь волны дыма Арсений увидел, что таран лежит на земле, а вокруг него корчится десятка полтора сраженных татар.

Почти сейчас же ударили и обе угловые пищали. Не столько потери, как непривычный гром выстрелов и жуткий вой свинцовых осколков разом погасили порыв шедших на приступ ордынцев. Большая их часть обратилась в бегство и лишь те, которые находились впереди, бросились, наоборот, к воротам и к стенам, сообщив, что именно тут они будут недосыгаемы для пищалей. Но сверху на них полетели камни, бревна и потоки кипящей смолы, что принудило их почти сейчас же отхлынуть, оставив под стенами десятка три убитых.

Бегущего неприятеля со стен провожали насмешливыми криками, свистом и улюлюканьем. Приступ был отражен почти без урона для осажденных, — среди них оказалось только двое убитых и девять раненых.

Оставив на стенах половину бойцов, Карач-мурза позволил другой половине отдыхать, ибо наступала ночь и было очевидно, что татары сегодня приступа не повторят. Часть их, вместе с лошадьми, расположилась станом на открытом месте, в полуверсте от ворот усадьбы, другая часть — сбоку, на опушке леса. И тут и там вскоре запылали многочисленные костры, что весьма облегчало осажденным наблюдение за всеми действиями неприятеля. Но ничего подозрительного заметно не было, — ордынцы, казалось, забыли, зачем сюда пришли, и мирно устраивали свой лагерь.

ГЛАВА 12.

«Если на восточных рынках среди рабов продается татарин или татарка, то цена на них в три раза выше, чем на других рабов, ибо с уверенностью можно сказать, что ни один татарин не обманет и не предаст своего господина.»

Педро Тафур,
испанский путешественник 15 в.

Ночь прошла спокойно. Было довольно тепло и безветренно, снег шел не переставая, — то редкий и мелкий, то вдруг начинал валить крупными хлопьями, на время скрывая все из глаз. Татары, соорудив себе кто шалаши, а кто подобия шатров из войлочных попон и шкур, до рассвета жгли возле них огромные костры. Было видно, что они выставили несколько сторожевых постов между своими стойбищами и усадьбой, но с двух других сторон наблюдения за нею, повидимому, не вели, так как около полуночи никем не замеченные подошли из леса Гафиз и Керим, сын Якуба, забросили аркан на стену и без всякой помехи на нее взобрались.

Они доложили Карач-мурзе, что в лесу все обстоит благополучно и что ордынцам лесных становищ теперь не найти, ибо все следы надежно засыпаны снегом. Потом Керим сказал, что отец прислал его, чтобы узнать, — какие приказания будут ему на завтра, и велел к рассвету возвратиться назад.

— Пусть твой отец выставит двух или трех дозорных в лесу, недалеко от опушки, в таких местах откуда хорошо видна крыша моего дома, — подумав немного,

ответил Карач-мурза. — Если они заметят над нею красное полотнище, это значит, что я готовлюсь к вылазке, а ваш отряд должен подойти лесом как можно ближе к усадьбе, чтобы одновременно ударить на врагов с тыла. Если же я захочу, чтобы вы ночью первыми напали на ордынцев врасплох, — в окне терема, которое обращено к лесу, вы увидите свет. Как только вы нападете, мы сделаем вылазку. Это все.

Утром конные татары, разъезжая на довольно далеком расстоянии вокруг усадьбы, изредка постреливали по бойницам и по людам, показывающимся на стенах, но на приступ не шли. Было видно, что от их становища отделилось несколько небольших отрядов, которые рассыпались в разные стороны, в поисках деревень и стад скота. Два таких отряда вошли по просекам в лес, но вскоре возвратились ни с чем, видимо не рискнув углубляться далеко в чащу.

В то же время на опушке леса, слева от усадьбы, шли деятельные приготовления к приступу: тут несколько сотен татар делали штурмовые лестницы, плели из ветвей чапары¹⁾ и сваливали в огромные кучи вынесенные из леса вязанки валежника. Можно было предполагать, что если и этот приступ будет отбит, ордынцы попытаются поджечь стены укрепления, но это не очень беспокоило защитников, так как зимою огонь распространялся медленно и бороться с ним было не трудно.

К полудню, в разных местах, вдалеке, поднялись к небу темные клубы дыма: это татары жгли покинутые жителями деревни, в которых им ничем не пришлось поживиться.

Только в три часа дня ордынцы пошли на приступ. План их на этот раз был хорошо продуман: поставив перед воротами, на расстоянии полета стрелы, конный отряд в полтысячи человек и, окружив боковые стены

¹⁾ Чапары, по русски «заборала», — деревянные, обычно плетеные щиты-панели, под прикрытием которых осаждающие группами приближались к крепости.

усадьбы лишь жидкой цепочкой лучников, они все силы бросили на штурм задней стены, к которой лес подошел ближе всего.

Прикрываясь каждый десяток отдельной чапарой, падающие медленно, но неуклонно приближались к укреплению, волоча за собою лестницы. В то же время лучники, рассыпавшись по опушке леса, из-за деревьев били по защитникам усадьбы, которые, отражая приступ, уже не могли прятаться за укрытиями.

По приказанию Карач-мурзы, на эту стену были перенесены все пищали, кроме «Акульки», оставленной на башне, у ворот, но на их перезарядку уходило много времени, и они успели дать только по два выстрела до того, как осаждающие, двигая перед собой чапары, добрались к самому рву. Теперь со стороны леса к усадьбе бегом бросилось еще несколько сот ордынцев, каждый из которых нес на себе большую вязанку хвороста, прикрываясь ею от стрел, летевших навстречу. Но со стены им целили по ногам, — десятка три по дороге были сбиты, остальные добежали до рва и сбросили в него свою ношу. В тот же миг сидевшие за чапарами воины подхватили лестницы, и все разом с устрашающими воплями бросились на приступ.

Стрельба сразу стала реже: татарские лучники боялись поразить своих, которые облепили стену и лезли вверх по лестницам и по заброшенным на острия бревен арканам. Били только с близкого расстояния, на выбор и наверняка, но таких стрелков в свою очередь быстро укладывали стрелы защитников.

На протяжении всей стены закипела жаркая рукопашная схватка. В командах и приказах почти не было надобности, — каждый сам видел и понимал, что следует делать. Начальники и подчиненные работали наравне, не щадя себя: одни отпихивали шестами представленные снаружи лестницы, другие сбрасывали камни и бревна на лезущих по ним ордынцев, третьи поливали их горячей смолой и кипятком, четвертые рубили и кололи тех, кому удавалось взобраться на стену.

Вскоре дно рва покрылось трупами атакующих, но

они, закрываясь щитами или накинутыми на головы войлочными попонами, упорно продолжали лезть наверх.

Вот, у самого угла, где княжич Михаил кончал в это время зарядку пиццали, по четырем приставленным рядом лестницам татарам удалось подняться почти до гребня стены. В этом месте они штурмовали особенно яростно, и средств для отражения натиска у защитников почти не оставалось. Были использованы несколько последних камней, снизу успели подать бревно, которое тоже полетело на татар, сметая их с двух крайних лестниц. Но в это время с двух других они, выхватывая на ходу сабли, начали спрыгивать на помост стены.

Первому из них кто-то плеснул в лицо кипятком, и он с воплем рухнул вниз; второму Михаил, — который оставил свою пиццаль и схватился за саблю, — успел раскроить череп. Но в это мгновение третий прыгнул с гребня стены ему на плечи, и оба упали на помост. Выпустив из рук бесполезные теперь сабли, они сцепились клубком, в отчаянной схватке. Татарин был силен, но неповоротлив. Более ловкий княжич вскоре оказался сверху и выкрутив своему противнику руку, спихнул его с помоста во двор.

Когда он подобрал саблю и вскочил на ноги, татар на стене было уже человек двадцать, а по лестницам взбирались все новые. К счастью, ширина помоста не позволяла им всем сразу вступить в рукопашный бой. С той стороны, где находился Михаил, их сдерживали и даже понемногу оттесняли, а снизу, со двора, засыпали градом стрел. Но в другую сторону, — к центру стены, — они медленно продвигались, шаг за шагом овладевая помостом, хотя и платили за это дорогой ценой.

Почти сейчас же княжич увидел Арсения, который, распахивая людей, пробирался туда. В руках у него был кол длиною в добрую сажень, а по пятам за ним следовал Гафиз, вооруженный копьем.

Едва они выбились вперед, положение тут сразу

изменилось. Арсений взмахнул колом, и трое татар, как груши, полетели с помоста на землю. Он снова поднял обеими руками кол, — один из ордынцев, торопясь использовать удобный момент, пригибаясь, метнулся к нему с занесенной саблей, но в ту же секунду Гафиз проткнул его копьем. Соседние бойцы, смекнув, что надо делать, тоже стали следить внимательно, прикрывая Арсения от боковых ударов, а он работал за всех: кол в его богатырских руках поднимался и опускался, каждым ударом повергая двух-трех врагов.

Татары стали подаваться назад, но с другой стороны их тоже яростно теснили воспрянувшие духом защитники укрепления, во главе с княжичем Михаилом. Наконец, последние уцелевшие тут ордынцы, спихивая с лестниц поднимавшихся навстречу людей, скатились в ров. На стене больше не оставалось ни одного неприятеля. Опустевшие лестницы осажденные сейчас же опрокинули, хотя в этом и не было уже особой надобности: приступ был отбит, орда бежала от стен к опушке леса.

В усадьбе сейчас же подобрали убитых и раненых, которых на этот раз оказалось несколько десятков, а затем принялись готовить и поднимать на стены все, что было необходимо для отражения нового приступа, ибо ордынцы могли в любой момент повторить его. Но вскоре стало очевидным, что к этому у них нет особой охоты.

Не прошло и часа, как к воротам приблизился конный татарин, в знак мирных намерений размахивая еловой веткой, и сказал, что хочет говорить с царевичем. Карач-мурза, которому об этом сейчас же доложили, заставил посланца прождать довольно долго, потом поднялся на стену, над воротами.

— Говори, с чем прислан, — промолвил он.

— Наш эмир велел сказать тебе, оглан: если ты дашь ему тысячу рублей¹⁾ откупа, завтра на рассвете

¹⁾ Стоимость рубля того времени была примерно в сто раз выше, чем в начале нынешнего века.

мы уйдем отсюда, не причинив тебе никакого вреда. Но если Аллах обидел тебя, когда раздавал людям благо-разумие, и ты на это не согласишься, тогда знай, на том месте, где сейчас стоит твой городок, весной можно будет сеять ячмень!

— Скажи своему эмиру, что я ничего ему не дам именно потому, что Аллах не обидел меня благо-разумием: я хорошо понимаю, что если вы здесь останетесь еще два или три дня, то весной можно будет сеять ячмень на ваших костях.

— Это твое последнее слово, оглан?

— Да.

Татарин ускакал, а Карач-мурза возвратился к своим делам. Но очень скоро с опушки полетели стрелы, обмазанные смолой и обернутые горячей паклей. Ордынцы метали их в ров, который в нескольких местах был теперь завален кучами сухого валежника. Пакля значительно сокращала дальность полета стрел, — многие из них не долетали, другие во рву втыкались в снег и гасли, но некоторые попадали в цель и валежник вокруг них начинал гореть. Десятки людей, поднявшись на стену, тушили эти очаги огня, забрасывая их снегом и заливая водой, которую подавали им снизу в ведрах. Но все же одна огромная куча хвороста воспламенилась целиком, и осажденным стоило немалых трудов отстоять от огня стену. К счастью, вскоре наступила ночь, десятка два людей под покровом темноты спустились в ров и выбросили из него весь валежник. Татары, не зная этого, еще некоторое время продолжали вслепую посылать в ров зажигательные стрелы, потом прекратили эту бесполезную стрельбу и ушли в свои стойбища.

Но Карач-мурзу все это сильно встревожило. Сегодня удалось справиться с огнем, потому что воздух был совершенно тих, — думал он. — Ну, а если завтра поднимется ветер, и ордынцы повторят свою попытку? А они ее повторят непременно, и тогда пламя сейчас же перекинется на стены... Этого нельзя допустить. Значит, надо действовать решительно сегодня же ночью,

тем более, что сена в лесу совсем мало, и скот начнет дохнуть от бескормицы, если такое положение затянется еще на два или три дня.

Прийдя к этому и все обдумав, Карач-мурза около полуночи собственноручно поставил в тереме, возле окна, свечник с несколькими зажженными свечами, а своим людям приказал готовиться к вылазке.

К двум часам ночи, когда по расчетам можно было ожидать нападения лесного отряда на татарский стан, в усадьбе все было готово к действиям.

С задней стены по веревкам спустились в ров несколько человек, которые приставили снаружи лестницы, брошенные татарами после штурма. По этим лестницам, соблюдая полную тишину, спустились вниз и засели во рву пять сотен воинов, — они должны были броситься на татарский стан, расположенный у опушки леса, как только на него нападут люди Якуба. Другой отряд, численностью около восьмисот человек, — в том числе двести конных, — был поставлен во дворе, перед воротами. Он должен был атаковать татар, стоявших в поле, чтобы не дать им возможности оказать помощь соседям.

В начале третьего из лесу пробрался в усадьбу посланный от Якуба. Последний извещал, что его отряд уже здесь и готов в любую минуту обрушиться на татарский стан, если не будет каких-либо новых распоряжений.

Карач-мурза, выслушав гонца, отправил его обратно, сказавши, что никаких перемен нет и что Якуб может нападать немедленно. Одновременно он велел воинам, стоявшим во дворе, отворить ворота и, не производя никакого шума, выходить наружу. Конному отряду, во главе которого стояли Арсений и княжич Михаил, было приказано, когда начнется битва, постараться отрезать возможно большую часть ордынских лошадей и угнать их подальше от стана.

Вскоре с опушки послышались дикие вопли, топот ног и шум начавшейся свалки. Многие ордынцы, за-

хваченные врасплох, полегли, не успев даже понять, что происходит. Другие, сумев выскочить из шалашей и при свете костров разобравшись, что на них нападают из леса, бросились к своему главному лагерю, стоявшему в поле, при лошадях. Но дорога туда уже оказалась отрезанной: навстречу с грозными криками бежали люди Карач-мурзы, выскочившие из рва.

Началось побоище. Татары, которым показалось, что на выручку к осажденным подошло целое войско, не столько думали о сопротивлении, сколько о том, чтобы под защитой тьмы вырваться из этого пекла. Это удалось сделать многим, ибо преследовать бегущих в полном мраке было невозможно, да никто этого и не хотел.

Почти также развивались события и в другом татарском стане, с тою лишь разницей, что здесь путь к бегству оставался открытым, чем большинство уцелевших поспешило воспользоваться. Но те, чьи лошади стояли на краю стойбища, прибежав сюда, на их месте обнаружили только трупы коноводов, оставленных тут на страже. Отряд Арсения, в поднявшейся кровавой суматохе, без труда отбил этих лошадей и уже гнал их в открытые ворота усадьбы. Часть татар, потерявших коней, была захвачена в плен, остальные бежали пешком или садясь по двое на одну лошадь.

Когда наступил рассвет, неприятельская орда была уже далеко. Бежавшие татары не сомневались в том, что на помощь к осажденным ночью подошло какое-то крупное подкрепление, — может быть войско, посланное князем Витовтом, — а потому теперь ими владело лишь одно желание: поскорее уйти от возможной погони.

В Карачеевке, отслужив благодарственный молебен, начали приводить все в порядок и возвращаться к обычной жизни. Прежде всего подсчитали потери, — их оказалось сравнительно немного: тридцать семь убитых и около сотни раненых. Не очень велик был и материальный ущерб, нанесенный этим набегом: одна дерев-

ня выгорела целиком, в двух других кое-какие строения уцелели; кроме того, татары скормили своим коням несколько стогов сена, стоявших в поле. Но эти имущественные потери с лихвой покрывались взятой добычей: было захвачено более четырехсот лошадей, много оружия и около двухсот пленных. Когда последних согнали во двор усадьбы, Карач-мурза сказал им:

— Вы пришли сюда, чтобы отнять наше имущество и сделать нас своими рабами. Но Аллах рассудил иначе и отдал вас в наши руки. Сейчас соберите ваших убитых и закопайте их, а потом я раздам вас тем русским сабанчи,¹⁾ дома которых вами сожжены. Вы будете у них рабами до тех пор, пока они с вашей помощью не отстроят свои хозяйства. После этого те, кто захотят остаться здесь и жить мирно, как мы живем, получают от меня землю и помощь. Другие могут заплатить или отработать выкуп и уйти.

Кроме этих временных рабов, каждый из пострадавших крестьян получил из добычи по две лошади, — остальные были поделены между семьями убитых, ранеными и особенно нуждавшимися.

Десять лучших коней, из которых три были подлинно великолепными, Арсений отделил для княжича Михаила, несмотря на все протесты последнего. А еще два дня спустя, княжич, очень довольный пережитыми приключениями, сердечно простился с хозяевами и выехал в Карачев. Кроме своих военных трофеев, он увозил с собою и охотничьи: две шкуры собственноручно убитых медведей. С ним же Карач-мурза возвращал все взятое у князя Хотета холодное оружие, ибо теперь в Карачеевке хватало и своего.

¹⁾ Сабанчи — крестьяне.

ГЛАВА 13.

«И в лето 6916 (1408) князь Михайло, сын Карачевского князя Хотета, — Ивана Мстиславича, — выехал из Литвы к Москве, на службу к великому князю Василию Дмитриевичу всея Руссии. И от того князя Михайлы повели свое поколение князья Хотетовские.»

«Родословная книга российских князей и дворян», изд. Н. Новикова, 1787 г.

Миновали рождественские святки. По всей Руси их праздновали широко и шумно, ибо с христианской обрядностью тут тесно переплетались пережитки древнего язычества, которых православная церковь, несмотря на все усилия, не смогла полностью искоренить: народные игрища, хождение ряженных, песни-колядки и гадания, — чем в прежние времена сопровождалось празднованье Зимнего Коляды, приходившееся на то же время года. Но только что обращенные в христианство татары этих обычаев еще не знали, и потому в Карачеевке святки прошли тихо, ознаменовавшись лишь положенными по церковному уставу богослужениями.

Месяц, прошедший со дня отъезда княжича Михаила, показался Арсению необычайно долгим. Всем его существом владела теперь сероокая княжна Софья. С думой о ней он засыпал и просыпался, ею были полны его сердце и голова, а все обычные дела и занятия, прежде его увлекавшие, теперь казались пустыми, при-

годными разве на то, чтобы убить время до нового свидания с нею. Зачем ему это свидание и что он скажет Софье, Арсений и сам не знал, но всеми помыслами рвался в Карачев и давно бы уже поехал туда, если бы представился подходящий повод. Но его не было и поневоле приходилось ждать окончания выделки медвежьей шкуры, которую он обещал подарить княжне. Только через неделю после Крещения шкура была готова и в тот же день, бережно упаковав ее и приторочив к седлу, Арсений отправился в Карачев.

На полпути его захватила метель, но по счастью еще не успев потеряться в поднявшемся вокруг снежном хаосе, он добрался до небольшой лесной деревушки, в которой заночевал и в город приехал только к вечеру следующего дня.

Незатейливые строения Карачева были засыпаны снегом по самые окна, в палисадниках ветви деревьев карежились под гнетом тяжелых наледей, а на улицах не виднелось живой души. Но на княжеском дворе, в противоположность этому, царило необычное оживление. Сбоку, возле бывших помещений дружины, — теперь отведенных частью под дворовую челядь, а частью под амбары, — стояло десятка два санных повозок, в которые князьи холопы укладывали сундуки, ящики, мешки, корзины и свертки, крепко их увязывая и накрывая сверху дерюжными полостями. Видно здесь кого-то готовили в дальний путь, и несколько встревоженный этим Арсений, привязав коня к столбу, вбежал на крыльцо и приказал вышедшему на стук слуге доложить о нем княжичу Михаилу.

— Эко я рад, что ты приехал, — сказал княжич, когда они обменялись первыми приветствиями. — Еще бы три дня и не застал меня в Карачеве.

— Так это тебя собирают в путь? — спросил Арсений. — Куда же ты правишься?

— Еду в Москву, на службу к великому князю Василию Дмитриевичу.

— Что же так вдруг? Нешто тебе тут плохо стало? Княжичу в душе было неловко, что он прежде не

сказал Арсению о своем близком отъезде. Нельзя было оправдываться и тем, что, отпуская в Карачеевку, отец взял с него обещание молчать об этом, ибо опасался дружбы Карач-мурзы с Витовтом. Но лгать ему тоже претило и он сказал:

— Да не так оно и вдруг, — мы с родителем и прежде о том подумывали. Ну, а ныне доподлинно выяснилось, что Витовт меня княжить в Карачеве не оставит, так чего же мне тут ждать? И уж краше идти в службу к своему единоверному государю, нежели к королю-ка-толику.

— Это истина. Коли нет силы удержать свое, надобно искать иной доли. Ну, что ж, помоги тебе Бог! Авось Московский царь даст тебе новый улус.

— Улуса не даст, — улыбнулся княжич, — а в обиде, чай, не оставит, все же от одного корня мы с ним идем. Ну, ладно, о том еще побеседуем, а сейчас я в баню собирался, ныне ведь суббота. Коли хочешь, идем со мною, попаримся, а потом прямо к вечерне. Погоди, что же это я, — спохватился Михаил: — может, ты с дороги сперва закусить хочешь?

— Благодарствую, княжич, есть не хочу, а в баню пойду с превеликой охотой, — в пути наморился и намерз изрядно.

После бани и пару Михаилу пришлось на ум выпить холодного меду, — за чаркой друзья замешкались и пришли в крестовую палату¹⁾ когда служба уже началась. Тут Арсений сразу увидел Софью. Она стояла рядом с матерью впереди и, будто почувствовав его взгляд, обернулась. И хотя сейчас же снова повернула голову к алтарю, закрестившись торопливо, — Арсению показалось, что он успел прочесть в ее глазах не только удивление, но и радость.

Князь Хотет встретил Арсения как своего и после вечерни долго расспрашивал его о делах и событиях в Карачеевке, хваля мужество ее защитников и более всего самого Арсения, которого княжич Михаил, воз-

¹⁾ Крестовая палата — домовая церковь.

вратившись домой, изобразил в своих рассказах чуть ли не главным героем обороны. Арсений смущенно отводил эти похвалы, — слушать о себе такое ему было неловко, но и приятно, ибо во время этого разговора княжна стояла тут же и не пропустила мимо ушей ни одного слова.

— Ну, добро, — сказал наконец Иван Мстиславич, — за трапезой еще побеседуем, а сейчас мне надобно одно дельце закончить, ты же оставайся тут с молодыми, чай не соскучитесь.

«Дельце» Хотета заключалось в том, что он прошел прямо в свою опочивальню и лег на постель. Он чувствовал себя все хуже, и долгое стояние в церкви утомило его.

Вслед за мужем ушла княгиня, и в передней горнице, смежной с крестовой палатой, остались, кроме Арсения, младшие члены семьи да трое дворян, занятых в стороне своим разговором. Софья, видя что оказалась одна среди мужчин, хотела было последовать за матерью, но Арсений, пересилив робость, которая овладевала им в ее присутствии, сказал:

— Погоди, княжна, я привез тебе что-то. Пожди здесь, будь милостива, сейчас принесу! — С этими словами он быстро вышел наружу и, возвратившись минутой спустя, расстелил на полу перед Софьей привезенную шкуру.

Длинношерстная, редкой серо-каштановой окраски шкура была великолепна. При выделке ее сильно растянули, — казалось, она принадлежала зверю небывалой величины. Взглянув на страшные когти и представив себе, как Арсений ножом бился с таким чудовищем, княжна невольно вздрогнула.

— Спасибо, пан Арсений, — наконец промолвила она, применяя обращение, которое уже вошло тут в обычай. — Хотя помнится, говорила тебе, что шкуру приму, коли ты медведя убьешь рогатиной, а ты его ножом убил. Мне Михаил все обсказал. Почто было без нужды со смертью шутить?

— Себя хотел попробовать. Да и какая была бы моему подарку цена, ежели медведь сам бы мне свою шкуру отдал?

Живое воображение Софьи сейчас же представило ей, как огромный медведь, сбросив с себя шкуру словно шубу, с поклоном отдает ее Арсению. Она засмеялась и сказала:

— Чай, столь добрых зверей и в сказках не бывает! Ну, слава Христу, цел ты остался, а вот, задрал бы тебя медведь, — мне каково было бы!

— Ай крепко бы пожалела? — спросил Арсений, которого эти слова переполнили радостью.

— Да ведь грех-то на меня бы лег. Не я ли тебя неосторожным словом навела на такое?

— Стало быть, упустил я случай сделать так, чтобы ты меня, хоть мертвого, до конца дней не забыла. А эдак уеду и вон из памяти!

— А шкура на что? — снова засмеялась княжна. — Я ее в своей светлице велю расстелить, как ступлю на нее, волей-неволей всякий раз тебя вспомню.

— Ну и на том тебе спасибо!

Разговор, в котором принял участие и Михаил, продолжался в таком же духе, пока дворецкий не позвал их к трапезе. Арсению было легко и радостно, робость его прошла, и сам он дивился, — откуда берутся у него слова, то и дело вызывающие искренний смех на устах княжны.

Софья, мало веселья видевшая в отчем доме, заметно оживилась и стала еще прекраснее. Она сознавала, что глубоко задела сердце Арсения, и это было ей по-женски приятно. Да ей и самой все больше нравился этот статный молодец, о силе и отваге которого она уже столько наслышалась от брата.

За столом говорить друг с другом им почти не пришлось, ибо беседу, по обычаю, вели старшие, а молодым оставалось лишь слушать да отвечать на обращенные к ним вопросы. Но в продолжении ужина взгляды их

встречались не раз и порою выражали они больше, чем осмелился бы сказать язык.

— О —

Отъезд княжича Михаила был назначен на утро вторника, и это позволило Арсению задержаться в Карачеве еще на два дня, ибо его желание проводить друга было вполне естественно, да и сам княжич настаивал на этом.

В ночь на воскресенье, засыпая в отведенной ему горнице, Арсений был наверху блаженства. Его наполняла счастьем мысль о том, что он находится под одной крышей с любимой и до самого вторника будет то и дело встречаться с нею и свободно беседовать, как это было сегодня.

Но его ждало жестокое разочарование. На следующий день, едва кончилась обедня, княжна вышла из крестовой палаты вместе с матерью, и Арсений снова увидел ее только за столом, во время полуденной трапезы. Она была задумчива и рассеяна, ни разу ему не улыбнулась и даже старалась не глядеть в его сторону. За ужином Софья не появилась вовсе и на вопрос Михаила — что с сестрой, княгиня коротко ответила, что ей неможется и она легла спать.

Подавленный всем этим Арсений в ту ночь долго не мог заснуть, стараясь чем-либо объяснить себе столь странное поведение Софьи. Накануне она была совсем иной: было ясно видно, что он, Арсений, ей приятен, она так охотно с ним разговаривала и так хорошо ему улыбалась... Почему же сегодня столь крутая перемена? Может быть, он ее чем-нибудь невольно обидел? Но тогда бы она не глядела на него так ласково вчера, за вечерней трапезой, — ведь после того он уже не имел случая с ней говорить, стало быть позже не мог ее обидеть. Так что же с нею приключилось? И что теперь следует делать ему, как держать себя с нею?

Проворочавшись с боку на бок до вторых петухов и не найдя удовлетворительного ответа на мучившие его

вопросы, Арсений, наконец, уснул, мудро решив, что лучше всего посмотреть, как события будут развиваться завтра, и уж тогда действовать в зависимости от обстоятельств.

На другой день княжна хотя и вышла к обеду, вид у нее был явно удрученный, — она почти не поднимала глаз и в продолжении всей трапезы не обронила ни слова. Только когда вставали из-за стола, Арсению удалось перехватить ее взгляд. В нем он прочел такую тоску, что сразу отбросил свои предположения о какой-то обиде или о непостоянстве характера Софьи и понял, что здесь нечто совсем иное. Мысль о том, что завтра он уедет так и не узнав этой тайны, придавала ему смелости и он, едва князь и княгиня вышли из трапезной, почти заступил дорогу княжне и спросил тихо:

— Что ты невесела, княжна? Намедни светила нам, как солнышко, а ныне сердце болит, на тебя глядя. Уж не я ли тому причиной?

— Может и ты, только нет в том твоей вины и тебя попрекнуть мне нечем. А больше ни о чем не спрашивай, — так же тихо ответила Софья и быстро прошла в двери.

Она не могла сказать Арсению, что князь Иван Мстиславич в первый же вечер заметил взгляды, которыми они обменивались и хорошо понял, к чему они ведут. Наутро он вызвал дочь к себе и, сурово отчитав, приказал ей настрого, чтобы она «дурь из головы выбросила» и держалась от Арсения подальше.

— Этот татарин тебе не пара, — в заключение сказал он, — а ежели так, нечего ему и голову крутить! Коли еще что замечу, велю, покуда он здесь, запереть тебя навехру, в светелке.

В этот день Арсений больше не видел Софьи. Наутро княжич Михаил, сопровождаемый множеством челяди и обозом с вещами и снедью, тронулся в дальний путь. С ним уезжал и Арсений, решивший проводить друга до города Козельска. Впрочем, тут кроме по-

буждений дружбы, им руководил и некий тайный расчет: возвращаясь, он должен был снова проезжать через Карачев, и это не только давало ему повод, но почти обязывало посетить князя Ивана Мстиславича и передать ему новости и последний привет от сына. И кто знает, — может быть при этом удастся еще раз увидеть княжну и даже поговорить с нею.

Во время общего прощания, во дворе, он улучил удобную минуту и сказал ей:

— Я всегда буду помнить о тебе, княжна. И если позволишь, чаю еще с тобой видеться.

— Нешто в моей воле это позволить, — еле слышно ответила Софья. Она хотела добавить еще что-то, но, увидев, что к ним направляется Иван Мстиславич, замолкла и отвернулась.

Пять дней спустя, Арсений снова был в Карачеве. Князь Хотет принял его довольно сухо, заночевать, — хотя дело близилось к вечеру, — не предложил, и Арсений, не повидав княжну и ничего о ней не сведав, отправился домой, в Карачеевку.

ГЛАВА 14.

«Значение Москвы не ограничивалось ее хозяйственной и политической ролью: она была крупнейшим центром культуры, книжности и образованности тогдашней России... Московская литература 15-го века была богатой как содержанием, так и образами... В Москве сосредоточивались лучшие художники, зодчие и мастера Руси.»

Академик М. Тихомиров.

Долгие годы княжения Василия Первого¹⁾ были для Руси относительно спокойными, чему способствовали и личные качества его и внешняя обстановка.

В основном он продолжал, — и не без успеха, — политику своих предшественников, которая заключалась в собирании русских земель и в укреплении единодержавной власти, но как правитель не был отмечен чертами гениальности и не унаследовал кипучей энергии и полководческих талантов своего великого отца. Однако он, как и Дмитрий, умел ладить со своими боярами, и они его поддерживали, ибо возвышая своего князя и Москву, — сами возвышались над боярами других княжеств; был миролюбив, домовит, хозяйственно-расчетлив и уравновешен, — иными словами принадлежал к числу тех, ничем особенно не выдающихся русских монархов, деятельность которых оставила не много пищи для историков, но для страны и народа была периодом

¹⁾ Василий Первый княжил с 1389 по 1425 год.

благополучия и отдыха от внешних и внутренних потрясений.

Внешняя политическая обстановка Василию Дмитриевичу благоприятствовала, ибо все основные враги Московской Руси, причинявшие столько хлопот Дмитрию Донскому, были частью ослаблены этим последним, а частью сами переживали теперь трудные времена.

Великие князья Иван Михайлович Тверской и Федор Ольгович Рязанский¹⁾, хотя и сохраняли еще самостоятельность, были поглощены внутренними неурядицами. На своих столах они чувствовали себя не очень крепкими, а потому с Москвой старались ладить и о каком-либо соперничестве с нею не помышляли. Оба они признали себя «младшими братьями» Московского князя и во внешних делах руководствовались его волей.

Литовский государь Витовт, еще недавно мечтавший распространить свою власть на всю Русь, после страшного поражения, которое нанесли ему татары на реке Ворскле, вынужден был отказаться от этих планов и действовать осмотрительно. Его пробный шаг, — попытка подчинить себе Псков, — ознаменовался полной неудачей и, кроме того, наглядно показал, что значительная часть подвластных ему удельных князей явно тяготеет к Москве. В эти годы на ее сторону перешло от Витовта много русских князей: Александр Звенигородский, Федор Новосильский, Семен Перемышльский, Аристарх Мценский, Александр Путивльский, Михаил Карачевский-Хотетовский и некоторые другие, а с ними и черниговский епископ Исаакий. Перебежало к Москве и несколько гедиминовичей: Северский князь Свидригайло, — двоюродный брат Витовта и очень крупная в Литве величина, — князь Александр Нелюб и сыновья Пинского князя Патрикаея Наримунтовича, —

¹⁾ Стоит отметить, что первый из этих князей был женат на сестре Витовта Марии, а второй на сестре Василия Дмитриевича Софье.

Федор Хованский и Юрий Патрикеев¹⁾). Все это заставило Витовта искать мира с Москвой и восстановить добрые отношения со своим зятем, князем Василием Дмитриевичем.

Но самой важной предпосылкой наступившего на Русь затишья было ослабление татарской угрозы. Золотая Орда, получившая грозный урок от Дмитрия Донского, затем разгромленная Тимуром и раздираемая кровавыми смутами, уже не представляла для Русской земли серьезной опасности, и Московский князь мог почти пренебрегать ею. В Орду Василий Дмитриевич не ездил и дани ей не посылал, хотя с народа собирал «татарский выход» исправно, оставляя его в своей собственной казне, что позволяло ему укреплять хозяйственную жизнь страны и ее благосостояние. В Москве теперь находили приют открытые враги золотоордынского временщика Эдигея, начиная с сыновей хана Тохтамыша и кончая опальными татарскими вельможами. В эти годы на Русь выселилось немало представителей ордынской знати, которых московский государь охотно принимал на службу и наделял поместьями.²⁾

Насколько мало Василий Дмитриевич считался с Ордой, видно из сохранившегося письма Эдигея. В нем он писал Московскому князю:

«Послы наши и купцы из Орды к вам приезжают, а вы тех послов и купцов на смех поднимаете. А прежде были вы покорным ханским улусом и страх держали, и пошлины и дань давали и послов ханских чтили, и купцов наших держали без истомы и без обид. И вот, Тимур-Кутлук сел на царство, и ты от тех лет у царя в Орде не бывал, царя еси в очи не видывал, ни князей своих, ни старших бо-

¹⁾ Князь Юрий Патрикеев — родоначальник князей Голицыных и Куракиных, несколько позже женился на дочери великого князя Василия Дмитриевича.

²⁾ В качестве примеров можно указать князя Ибрагима Гази — родоначальника Тимирязевых; Каранди-Кичикбея — родон. Карандеевых; Карамыш-мурзу, родон. Карамышевых; Аббас-Батур-мурзу, — родонач. Леонтьевых и др.

яр, ни меньших, ни иного кого не присыливал, ни сына, ни брата и ни с кем слова не присылал. И потом Шадибек восемь лет царствовал, у того еси та-коже ты не бывал, никого же ни с которым словом не присыливал. И Шадибеково царствие тако же ся минуло, и ныне царь Булат-Султан сел на царство и уже третий год царствует, — тако же еси ни сам не бывал, ни брата, ни боярина не присыливал. А еще слышано нам учинилось таково, что Тохтамышевы сыновья у тебя привечены»...

Эдигей требовал покорности, дани и выдачи своих врагов, но не добившись этого, вынужден был в 1408 году предпринять поход на Москву, благодаря которому номинальная зависимость Руси от Орды сохранилась еще на несколько десятилетий. Но в то же время этот поход, который внезапно пришлось прервать, показал Эдигею непрочность собственного положения: пока он стоял под Москвой, власть в Орде едва не захватил его соперник. Стало очевидным, что у него нет реальной возможности диктовать свою волю Московско-князю.

Но если судьба хранила государство Василия Дмитриевича от крупных потрясений, то мелких неурядиц и «домашних», внутри-русских войн оно все же не миновало.

Вскоре после своего вокняжения, Василий купил в Орде ярлыки на Мещеру, Муром, Тарусу, Городец и Нижний Новгород. Все сидевшие на этих княжествах вассалы Москвы, понимая безнадежность какого-либо сопротивления, покорились и перешли на положение служилых князей-помещиков. Только князь Борис Константинович¹⁾, владевший Нижним Новгородом, попытался защищать свое достояние. Но его собственные бояре ему изменили и передали город Василию Дмитриевичу, который посадил в Нижнем своего заместителя, а князя Бориса отправил в ссылку, где он вскоре и умер.

¹⁾ В ту пору он был старшим в роде князей Суздальских.

Но у него остался племянник Семен Дмитриевич, княживший в Суздале. Он съездил в Орду, добыл там ярлык на Нижний Новгород и, возвратившись с татарским войском, осадил его.

Город храбро защищали московские воеводы, но князь Семен все же овладел им, пустив в ход ту же подлую уловку, которую успешно применил при осаде Москвы Тохтамышем: поклялся на кресте, что если осажденные положат оружие, никто не будет убит, ограблен или уведен в плен. Клятва была нарушена, — город ограбили дочиста и угнали в Орду множество народа.

Однако Семен Дмитриевич Нижнего не удержал. Вскоре сюда подступила московская рать, которая взяла город приступом, а князь Семен бежал в мордовские земли. Закончил он свою жизнь в далекой Вятке, потеряв и свой собственный город Суздаль, который тоже перешел к Московскому князю. Таким образом, с беспокойным Суздальско-Нижегородским княжеством было, наконец, покончено. Правда, несколько лет спустя его попробовали, при помощи татар, отвоевать сыновья князя Бориса Константиновича, Иван и Даниил. Но эта попытка успехом не увенчалась, хотя и причинила много неприятностей Василию Дмитриевичу.

Гораздо более затяжной и кровавый характер носили события, связанные с Великим Новгородом. Неладья между ним и Москвой начались еще в 1393 году, из-за несогласий между новгородским архиепископом и митрополитом Киприаном, по вопросу о праве на церковный суд. Архиепископа поддерживало вече, а митрополита Московский князь, который, исчерпав все возможности уладить дело миром, начал военные действия и овладел новгородскими городами Торжком, Вологодой и Волоком-Ламским. Новгородцы ответили тем же, захватив московский город Устюг и некоторые другие. Было пролито немало крови, пока, наконец, новгородцы не запросили мира, согласившись жить «по старине», то-есть отказавшись от своих требований и за-

платив небольшой денежный откуп. Все захваченные во время войны города были взаимно возвращены по принадлежности.

Однако, три года спустя новгородцы нарушили условия этого соглашения, вследствие чего московская рать снова вторглась в их земли и захватила Двинскую область, Вологду, Торжок, Волок-Ламский и Бежецкий Верх. Новгород пошел на уступки и просил мира, но Василий Дмитриевич на этот раз не согласился возвратить взятых городов и новгородцам не оставалось ничего иного, как продолжать войну. Собрав сильное войско, они захватили, разграбили и сожгли ряд московских городов. Военные действия продолжались почти два года и закончились новым миром, на прежних условиях.

Но не прошло и года, как Новгород заключил с Ливонскими рыцарями союз, явно направленный против Москвы. Великий князь Василий Дмитриевич потребовал, чтобы это соглашение было расторгнуто и чтобы Новгород впредь отказался от права ведения самостоятельной внешней политики. Когда вече отклонило эти требования, московское войско снова выступило в поход и в третий раз захватило те же новгородские владения.

Война с небольшими перерывами и с переменным успехом продолжалась еще девять лет. Только в 1406 году, когда Витовт двинул свои войска на Псков, поставив под угрозу и Новгород, — последний, нуждаясь в помощи Москвы, пошел на уступки и даже согласился принять московского наместника, в лице князя Константина, младшего брата Василия Дмитриевича. По мирному договору Двинская земля была возвращена Новгороду, но Вологда, Волок-Ламский, и Бежецкий Верх навсегда отошли к Москве.

К началу 15-го века Москва и по величине и по значению становится главным городом Руси и общепризнанным центром национального возрождения. Уровень

ее благосостояния резко повысился, тяжесть татарского ига почти перестала ощущаться, и все это вместе взятое создало благодатную почву для культурного роста Москвы. После двухвекового застоя, вызванного страшными бедствиями, обрушившимися на Русскую землю, в народе снова просыпается интерес к просвещению, знанию и творчеству.

Появляются и множатся талантливые русские мастера и зодчие, воздвигающие в столице прекрасные здания и храмы; современник князя Василия Дмитриевича — великий живописец Андрей Рублев и его помощники, Прохор Городецкий и Даниил Черный, украшают эти храмы иконами и фресками замечательного художественного совершенства. Быстро возрастает число грамотных, переводится и размножается немало иностранных книг, главным образом духовного содержания, но одновременно создается и ряд своих, русских литературных произведений, полных патриотизма и национальной гордости, причем многие из них достигают большого художественного мастерства.

Из таких литературных памятников времен княжения Василия Дмитриевича, до нас дошли: «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина», «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», «Слово о жизни и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», «Повесть о московском взятии от царя Тохтамышша», «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о Митяе», «Хождение митрополита Пимена в Царьград», «Повесть о Колоцкой Богоматери», «Повесть о купце Дмитрие Басарге и о сыне его Борзомысле», «Сказание о Вавилоне граде», «Повесть о царевице Петре Ордынском» и прекрасно написанные жизнеописания четырех святых: митрополитов Петра и Алексея, Сергия Радонежского и Стефана Пермского¹⁾. Помимо своих художественных достоинств, эти четыре «Жития» дают нам множество

¹⁾ Последние два «Жития» написаны монахом Епифанием, известным своей широкой образованностью, путешествиями по Востоку и знаниями, за которые он получил прозвище «Премудрого».

бытовых и исторических подробностей, весьма ценных для исследователя русской старины.

Интересно отметить, что все эти произведения написаны в Москве. Немного раньше, когда в литературном активе Москвы еще ничего не было, в Новгороде сложились прекрасные былины о Ваське Буслаеве и о богатом госте Садко, в Рязани была написана замечательная повесть об Евпатии Коловрате, а в Твери — «Песнь о Щелкане Дудентьевиче» и две повести о жизни и убиении татарами Тверских князей. Но теперь эти крупнейшие города не дают ничего нового, ограничиваясь лишь ведением местных летописных сводов. Это с полной очевидностью показывает, что именно в то время жизнь перенесла светоч русской культуры в Москву и что она стала центром притяжения и средоточия всех наиболее выдающихся русских людей эпохи.

ГЛАВА 15.

«Солнцу свое дело светити лучами всю тварь, царя же добрыядетели есть миловать нищия и обидимья.»

Св. Иосиф Волоцкий, 15 в.

До Москвы княжич Михаил добрался только к середине февраля, ибо снежные заносы и метели несколько раз задерживали его в пути.

Подъезжая к столице, он выслал вперед своего двоюродного, который заранее отыскал на Посаде большой постоялый двор, где на первое время могли поместиться все дворовые люди княжича, вместе с обозом.

Но Михаил Иванович тут долго не задержался. Переспав ночь и немного отдохнув с дороги, наутро он оделся понарядней, приказал оседлать себе лучшего коня и отправился разыскивать старого своего знакомого, князя Семена Романовича Перемьшльского, который приехал сюда вместе с другими, бежавшими из Литвы князьями, и уже полгода находился в Москве.

Усадьба князя Семена оказалась не в Кремле, где сначала искал ее Михаил, а в верхней части Великого Посада¹⁾, возле монастыря Николы Старого. Обширные, но уже почерневшие от времени хоромы с резным крыльцом и с теремом наверху, стояли в передней части огромного, с добрую десятину, двора, обнесенного бревенчатым тыном высотой в полторы сажени. Сзади и с боков виднелось такое множество всевозможных

¹⁾ Позднейший Китай-город.

служебных построек, — людских, амбаров, овинов, клетей, сараев, конюшен и еще нивесть чего, — что все это более походило на небольшой укрепленный городок, чем на столичную усадьбу.

Полчаса спустя гость и хозяин уже сидели в темноватой, но богато убранной трапезной, за ендовой крепкого меду.

— Стало быть и ты здесь, — говорил князь Семен, который был лет на десять старше своего собеседника. — Ну что ж, это добро. Чай не пожалеешь, что приехал. Не жалею и я. Уделов своих нам все равно больше не видать, а жить тут вольнее и краше, чем на Литве. Никто ни в дела твои, ни в душу не лезет, а за службу государь Василей Дмитриевич жалует щедро.

— Обскажи, Семен Романович, будь ласков, как он вас принял и кому что дал? — попросил княжич. — О том слухов у нас ходит столько, что не знаем какому и верить.

— Принял он нас всех милостиво и обласкал, как братьев. А вот давал по-разному. Свидригайла, к примеру, пожаловал так, что тому и сниться не могло. Вся Москва ахнула: дал ему в кормление бывшую столицу Руси, город Владимир, со всеми волостями и уездами, да сверх того еще Юрьев, Городец и половину Коломны! Ну, вестимо, Свидригайло ему помстился человеком бесценным, — ведь он виднейший на Литве князь, прославленный воин и лютый враг Витовта. Только Василею Дмитриевичу проку от него не вышло, и Свидригайло знатно его отблагодарил: когда по осени подступил сюда Эдигей со своей ордой, — он защищать Москву не схотел и ушел со всей дружиной обратно на Литву, да еще по пути дочиста ограбил город Серпухов!

— Экой разбойник, — воскликнул Михаил. — У нас поговаривали о том, что вышла у него размолвка с великим князем, но такого и помыслить никто не мог. Ну, а князь Нелюб как?

— Этого государь тоже не обидел: дал ему город. Переяславль. Однако потом, когда бежал Свидригайло, Нелюба оттуда перевели во Ржеву, — городок много

похуже. Нелюб, видать, этим обижен и на Руси едва ли останется долго, если уже не ушел, помирившись с Витовтом. Был слух, что они о том переговаривались.

— Ну, а сыновья князя Патрикея прижились ли на Руси?

— Им князь великий дал изначально в кормление Волок-Ламский, а ныне пожаловал обоих боярским саном и богатыми поместьями. Эти у него в большой чести и, вестимо, тут останутся.

— Ежели так почтил государь князей литовской крови, то к вам, русским, был наверно и того милостивей?

— А вот и нет, — сразу помрачнел князь Семен, и Михаил понял, что своим вопросом попал ему в самое больное место. — Правда, поместья он дал нам не малые, но все же похуже, чем Патрикеевым, и от Москвы подальше. Всех пожаловал покуда стольниками, одного лишь Звенигородского князя, Александра Федоровича, поставил воеводой, да вот к святкам удостоил меня окольничьим¹⁾.

— А приема у московского государя долго ли ждут?

— Нас он принял сразу, ведь приехало тогда более десяти князей, все вместе, да еще тьму народу с собою привели. Но верно и тебя Василей Дмитриевич долго ждать не заставит, он в общении прост. Ты где остановился?

— На постоялом дворе, близ Тимофеевых ворот.

— Ну, это не дело. Переезжай ныне же ко мне и живи тут, покуда себе усадьбу не найдешь, либо не построишь. Я тебе рад.

— Спаси тебя Бог, Семен Романович, на ласковом слове. Только ведь я не один. Гляди, не стеснил бы тебя.

— Небось, не стеснишь. Сколько с тобой челяди?

— Да душ семьдесят.

— Пустое! Тут и сотня поместится, да еще на столь-

¹⁾ Потомки князя Семена Перемышльского вскоре приняли фамилию князей Горчаковых.

ко же места будет. Я боле половины своих людей в поместье отправил.

— Я и сам заметил — усадьба твоя поболее ино-го села! Ты что, в наем ее берешь, али купил?

— Купил у боярина Ильи Ивановича Квашнина¹). Он ныне пошел в гору, почитай, после Ивана Кошкина, при князе великом сделался первым человеком. Ну и, вестимо, в Кремле себе отгрохал палаты всем на удивление, а старую усадьбу мне продал.

— И много он взял за нее?

— Ни много ни мало: триста рублей серебром.

— А легко-ль будет мне найти такой случай? Пусть бы даже усадьба поменьше была.

— В Кремле, вестимо, найти трудно, да и цена там иная. А на Посаде, либо на Подоле найдешь. Да вот, погоди: перед тем, как купил я у Квашнина, предлагал мне продать свою усадьбу стольник Семен Васильевич Колюбакин, — она тут недалече. Я с ним совсем было сладился за двести сорок рублей, да после увидел эту, и она мне больше приглянулась, хотя и та не плоха, — только построек меньше и двор не столь широк. Мо-жет, тебе она подойдет.

— Уже по словам твоим вижу, что подойдет, Се-мен Романович! Буду тебе навечно благодарен, коли по-собишь мне обладать эту куплю!

— Чего легче! На этих же днях тебя с Колюбакой сведу и, Бог даст, сладитесь. А покуда оставайся у меня и ноне же веди сюда всю свою челядь.

— О —

В начале мая в Карачев прибыл гонец с письмом от княжича Михаила, который сообщал отцу, что до Москвы доехал благополучно, за двести сорок рублей

¹) Сын известного по Куликовской битве воеводы Ивана Родионовича Квашни. Кроме него и Ивана Федоровича Кошкина, в годы княжения Василия Первого особенно возвысились бояре Борис и Давид Дмитриевичи Вольнские, — сыновья князя Боброка, Иван Дмитриевич Всеволожский, — тоже сын куликов-ского воеводы, а также бояре Жеребцов и Челяднин.

откупил себе у московского стольника знатную усадьбу и великим князем Василием Дмитриевичем был принят ласково.

«И выспросив все с благосердием о тебе, батюшка и о матушке княгине и о сестрице, о роде нашем и о княжении, — писал дальше Михаил, — пожаловал меня великий государь стольником и велел писаться князем Хотетовским. И еще пожаловал мне великий государь поместье близ города Коломны, поприщ двадцать на полдень, меж рекой Коломенкой и Окой, село Горки да село Кукуево, да Хопанево, да Столбец, а при тех селах четырнадцать деревень и восемь пустошей, а всего под орало земли будет поболее шести тысяч четвертей¹⁾ и лесу вельми изрядно.»

И далее, после положенных поклонов и пожеланий всем членам семьи, следовала приписка:

«А что до сестрицы моей любезной Софьи, твое повеление, батюшка, я не забыл и ныне рад послать тебе добрую весть: тому с полмесяца, приехал на Москву новый Моложский князь Дмитрий Федорович, поклониться и ряд взять²⁾ с великим князем Василием Дмитриевичем, яко же и преславные отцы их такой ряд, воистину как братья, имели. И с тем князем Дмитрием Федоровичем приехал на Москву вотчич³⁾ его, Борис, и свел я с ним вборзе знакомство и дружбу. А намерни были мы все на пиру у Серпуховского князя Володимера Андреевича и там я от Моложского князя сведал, что ищет он княжичу своему Борису невесту достойную, чтобы была из доброго княжеского роду. И я ему сказал, что ищем мы Софье нашей достойного по роду жениха. А еще был на том пиру Звенигородский князь Александр Федорович и, услыжав о чем речь, честью он клялся, что Софью нашу не однажды видел и что краше ее другой девы не знает. И Моложские князья, это услышав, возрадовались зело и стали на том, что по

¹⁾ Четверть — полдесятины.

²⁾ Взять ряд — подписать договор, соглашение.

³⁾ Вотчич — старший сын, наследник.

осени будут сватать Софью. И ты, батюшка, коли хочешь моего совета послушать, их благослови, ибо Моложский род добрый и славный, а княжич Борис собою статен, лицом вельми пригож, а годов ему девятнадцать.»

ГЛАВА 16.

«И сердце юноши, кипением объято,
Бурлило как расплавленное золото.»

Низами, 12 в.

Возвратившись в Карачеевку, Арсений не переставал думать о Софье, но тревога его и досада улеглись очень скоро. Последние слова, сказанные при прощании княжной, и тот прием, который ему оказал князь Иван Мстиславич на обратном пути, объяснили ему истинное положение вещей: Софья избегала его не по своей воле. А вспомнив, в каком угнетенном состоянии она находилась последние дни, он понял, что исполнять эту чужую волю ей было нелегко.

Разобравшись в этом, Арсений повеселел. Для него единственно важным было то, что душой Софья от него не отталкивается, наоборот, может быть даже тянется к нему, а препятствия его не пугали. Он не боялся никакой борьбы и по своей азиатской натуре готов был идти к победе любым путем. К тому же чутье ему подсказывало, что князь Хотет, запрещая дочери общаться с ним, невольно способствует их сближению, ибо запретный плод особенно сладок.

Какого-либо далеко вперед продуманного плана действий Арсений и не пытался создать, — он был слишком непосредственным и бесшабашным для этого. Для него вопрос стоял просто: он любит Софью и, если она его тоже полюбит, — хочет получить ее в жены.

Как этого достигнуть, будет видно потом, — так или иначе против ее собственной воли он ее никому не уступит. А сейчас надо добиться ее любви, а если она уже его любит, — ее согласия на то, чтобы он действовал.

При всем этом Арсений хорошо понимал, что медлить нельзя, да это было и не в его характере. «Такая красавица, как княжна Софья, долго на выданьи не засидится, — думал он, — того и гляди кто-либо другой присватается. А может быть у Хотета уже и есть для дочери жених на примете? Наверное потому он так и всполошился. И нюх у него, видать, тонкий, как у пса: мы с Софьей еще и словом ни о чем таком не обмолвились, а уже учуял. Но не всегда побеждает тот, кто наносит первый удар.»

Не прошло и месяца, как Арсений, взяв с собою Гафиза, снова отправился в Карачев. Пускаясь в путь, никакой определенной цели он себе не ставил и от этой поездки особого проку не ждал. Он просто повиновался чувству, которое влекло его поближе к любимой и не позволяло сидеть сложа руки. Ему было ясно, что если он так скоро и без всякого повода явится снова к Ивану Мстиславичу, то этим окончательно укрепит подозрения последнего и, может быть, испортит все дело. Не менее очевидным было и то, что среди зимы увидеть княжну вне дома нет почти никакой надежды. Да, почти, но не совершенно... И в этом маленьком, казалось бы ничтожном «почти» нашлось достаточно скрытой силы, чтобы заставить Арсения в жестокую стужу проделать верхом стоверстный путь и привести его в Карачев.

Приехал он к вечеру и, остановившись на постоялом дворе, в сумерках несколько раз объехал вокруг княжеской усадьбы. Она была обнесена стеной из торчком поставленных бревен высотой около двух сажень, но все же при росте Арсения, встав ногами на седло, в некоторых местах можно было заглянуть внутрь. Он это проделал не раз, но ничего интересного не увидел. Сад был пустынен и занесен снегом; поодаль темной

громадой высились хоромы, которые могли бы показаться необитаемыми, если бы не дым, курившийся из труб; по двору изредка проходил кто-нибудь из челяди, да понуро бродила рябая телка, видимо ненароком выскочившая из коровника на лютый мороз, чему теперь и сама была не рада.

Но все же Арсений сделал одно полезное открытие: он обнаружил, что некоторые бревна ограды настолько подгнили и протрухлявились, что в них ничего не стоит проделать лазейку в сад. Он даже выбрал для этого подходящее место, где к тыну с обеих сторон примыкали заросли кустарника, но самого лаза делать сейчас не стал, а ограничился тем, что проковырял в стене две или три дыры, сквозь которые можно было глядеть внутрь, не становясь на лошадь и не привлекая к себе внимания прохожих. Покончив с этим, он уже в темноте возвратился на постоялый двор, поужинал и заснул сном праведника.

В течение двух следующих дней он несколько раз приближался к ограде княжеской усадьбы и подолгу глядел внутрь. Наконец, счастье ему улыбнулось, — он увидел Софью. В беличьей шубке, с теплой шалью, накинутой на голову и плечи, она появилась на крыльце, постояла немного у перил, потом спустилась в сад и медленно пошла в ту сторону, где находился Арсений. Сердце его затрепетало, — если она подойдет настолько близко, чтобы услышать голос, он ее окликнет... Но княжна сделала еще с десяток шагов и повернула назад, — дальше дорожка была засыпана глубоким снегом.

Когда Софья, походив немного по двору, вошла в дом, ушел и Арсений. Поняв, что ни видеться, ни говорить с ней до наступления тепла не удастся и что нужно запастись терпением, на следующий день он возвратился домой.

— 0 —

В конце апреля, когда весна была уже в полном цвете, Арсению представился случай, которого он давно ожидал: за зиму в Карачеевке кончились запасы муки и соли, надо было возобновить их, и он взялся это сделать. Захватив с собою несколько пустых подвод, он отправился с ними не в Меченск, где обычно делались подобные закупки, а в более отдаленный Карачев.

На этот раз таиться от Ивана Мстиславича не было надобности, ибо после прошлого посещения минуло уже три месяца, и приличие даже обязывало Арсения воспользоваться случаем и зайти к князю, чтобы осведомиться о судьбе Михаила. Он так и сделал. Хотел встретил его довольно приветливо, сказал, что от сына еще известий не имеет, хотя и слышал от людей, что в Москве ему оказали хороший прием. Узнав, что Арсений приехал за покупками, он даже пригласил его на полдник. Однако, ни княгиня, ни княжна к этой трапезе не вышли, и за столом сидели одни мужчины.

Вечером, когда смерклось, Арсений приблизился снаружи к стене усадьбы и в том месте, которое наметил еще зимою, без особого труда проделал в ней дыру, достаточно широкую, чтобы пролезть в сад. Кустарник, покрытый теперь густой зеленью, надежно скрывал ее от посторонних глаз, а с внутренней стороны позволял незаметно подойти почти вплотную к дорожке, которая вела сюда от княжеских хором.

Арсений не сомневался в том, что сейчас, — когда в этом саду все озеленилось и зацвело, — княжна нередко выходит сюда из темных хором, опостылевших ей за долгую зиму. — «А теперь, — думал он, — услышав от отца, либо от челяди, что я в Карачеве, может и почаще выходить станет, коли сердце ей что-нибудь говорит.»

В этом предположении, вернее, в надежде своей он не ошибся: Софья о нем часто думала в течение этих месяцев. Она почувствовала к нему приязнь и влечение с первой встречи, а то, что рассказывал Михаил, возвратившись из Карачеевки, в ее глазах превратило его в героя. Все дальнейшие события, а в особенности долгие зимние ночи, дающие столько простора мечтам, —

сделали остальное: Арсений полностью завладел ее мыслями. И если ее чувство еще и не созрело в подлинную, осознанную разумом любовь, то лишь потому, что Софья сама противилась его дальнейшему развитию, считая что ничего, кроме горя, оно им не принесет, ибо брак между ними невозможен.

О том, что Арсений снова приехал в Карачев и даже обедал у них в доме, она ничего не знала. Как это не раз бывало, ей просто объявили, что она будет трапезовать наверху, с матерью, так как у князя сегодня свои гости и предстоит деловая беседа.

На следующий день, однако, вся семья отобедала вместе, после чего князь и княгиня, как было заведено, отправились по своим опочивальням отдыхать. Софья спать после обеда еще не привыкла, а потому, побыв недолго в своей светелке, она спустилась в сад и побрела в его зеленую глубину по дорожке, обсаженной пышными кустами смородины.

День был на редкость пригож. Неназойливое апрельское солнце так славно пригревало землю, и с такой упоительной очевидностью радовалась ему вся природа, что эта радость невольно передалась и княжне, смешавшись в ее душе с притаившейся там грустью. Если бы она умела строго-рассудочно разобраться в охватившем ее чувстве, она бы поняла причину этого: праздник весны, который сейчас развернулся перед нею, ее пьянил и захватывал, но почувствовать себя не зрителем, а полноправным, интимным участником этого великого праздника ей не позволяло чувство духовного одиночества, — для этого нужен был еще кто-то... Очевидно, она смутно осознала это, ибо на ум ей внезапно пришел Арсений. И почти в ту же минуту она услышала совсем близко его голос:

— Будь здрава и не пугайся, княжна! Это я, Арсений.

Вздвогнув всем телом, Софья обернулась на голос, но не увидела ничего, кроме заросли цветущего боя-

рышника. «Наваждение», — подумала она и хотела бежать, но в этот миг один из кустов зашевелился и между ветвями показалось улыбающееся лицо Арсения.

— Ужели воистину это ты? — пролепетала она.

— Вестимо, я. А ты что подумала, — оборотень? — смеясь, ответил Арсений. — Кабы мог я им делаться, небось давно и не раз бы уже тебя повидал.

— Да ты как очутился-то здесь? — понемногу приходя в себя, спросила Софья.

— Вечор проломил в тыне дыру, вон там, за кустами, а ноне пролез в нее и ждал тут тебя.

— И не побоялся, что тебя кто увидит? Вот было бы сраму!

— А что делать, ежели нам иначе встретиться не дают? Только ты не опасайся: прежде чем сюда лезть, я огляделся добро и готов честью поклясться, что меня никто не видел.

— Ну, а если сейчас нас вместе увидят?

— Не увидят. Ты, вот, садись на скамью, будто отдыхаешь, а я за кустом останусь. Так и будем беседовать.

Княжна подумала, что надо бы рассердиться и уйти, но гнева в душе не находила, наоборот, — теперь ей было по настоящему радостно, хотя и страшно немного. После минутного колебания она села на скамью, стоявшую тут же, и сказала:

— Экой ты отчаянный! Что же тебя привело сюда?

— Сердце привело. Полюбилась ты мне так крепко, что свет без тебя не мил. И коли я тебе тоже люб, хочу сватать тебя у князя Ивана Мстиславича.

— Не отдаст меня батюшка за тебя, — тихо промолвила Софья, справившись с волнением, которое ее охватило при этих словах Арсения. — Хоть умри мы оба, не отдаст.

— Почто ты так мыслишь?

— Сам он мне о том говорил зимою, когда ты мне медвежью шкуру привез.

— Что же такое он сказал?

— Сказал, что ты татарин и мне не пара. Есть у него думка русского князя мне приискать.

— А не нашел ли уже?

— Будто нет. Зачем бы ему скрывать такое? А ни мне, ни матери он до сей поры ничего не сказывал.

— Добро, коли так. Может, я ему в том пособлю.

— Ты?!

— Ну, да. Коли я тебя верно понял, в нашем деле токмо одна препона: что я не русский князь. А свой-то Карачевский род батюшка твой высоко ставит?

— Вестимо, высоко. Мы от Черниговских князей идем, а они были старшими на Руси. Даже Московский род ниже.

— Ну, если так, чаю, все будет ладно: родитель твой не знает еще, что и я того же роду и что дед мой княжил в Карачеве прежде его деда.

— Как могло быть такое? — воскликнула пораженная Софья. — Или ты отца обмануть замыслил?

— Нет в моих словах никакого обману, — промолвил Арсений. — Давно это было, но князь Иван Мстиславич от отцов своих о том должен знать, — коли хочешь, расспроси его, и он тебе сам скажет: его прадед, Тит Мстиславич, володел Козельском, покуда обманом не выправил от хана ярлык на Карачев и не согнал оттуда князя Василея Пантелеевича, который там по закону княжил. И тот князь Василей был моим родным дедом, отцом моего отца. Этого Иван Мстиславич покуда не знает, но сама видишь теперь, что нет у него причины отказать в моем сватовстве.

— Может и так, — помолчав, сказала Софья. — Только я его лучше знаю: если он что в голову взял, на том крепко стоит.

— Не в этом суть. Допрежь всего ты мне вот что скажи: сама-то ты за меня хочешь идти?

— Что с того, пусть бы и хотела? Я в батюшкиной воле, а он меня не отдаст за тебя, вот увидишь.

— Ты это на меня положи. Буду сватать на этих же днях, а там поглядим, как дело обернется. И коли он тебя отдать мне не схочет, это еще не конец. Я тоже на своем стоять умею крепко и другому тебя не уступлю!

— Что же ты сделаешь?

— А я еще не знаю. Когда снадобится, ужо что-нибудь сделаю. Только ты мне, любушка, одно обещай: коли станут тебя неволить за другого идти, ты на то согласиася не давай и тотчас упреди меня. Обещаешь?

— Обещаю... Только как я тебя упрежу?

— О том я уже подумал. Писать ты умеешь?

— Имя свое написать могу, а иного нет.

— Тогда так порядимся: вон, видишь, за кустами, у самого тына стоит старая липа? В ней есть дупло, а возле липы мой лаз. Коли будут у тебя важные новости, положи в то дупло белый платок, либо лоскут, и два дня спустя жди меня на этом же месте. Тут в городе останется верный мне человек, который к той липе будет каждое утро навевдываться и твой платок мне враз доставит. А если я с тобой говорить схочу, найдешь в дупле зеленый лоскут. Не позабудешь?

— Нет. Только ты остерегайся и гляди хорошо: иной раз и мать моя сюда ходит. А сейчас я пойду... Столь мне все это нежданно-негаданно, что сердце, ровно птица, трепещет да и боязно, как бы дома не хватились... Только нет, Богом прошу, на дорожку не выходи, — вскочив со скамейки, добавила она, видя что Арсений раздвинул кусты и шагнул вперед, — тут тебя отовсюду увидеть могут. Прощай, милый, храни тебя Господь!

— Да сохранит Он и тебя, зоринька, для нашей встречи навеки! — крикнул ей вдогонку Арсений.

ГЛАВА 17.

«Осел только тогда узнает, что он осел, когда у него отрежут и покажут ему его ухо».

Восточная пословица.

Возвратившись домой, Арсений без обиняков сказал отцу, что любит Карачевскую княжну Софью и просит его, коли он не против их брака, поехать к князю Ивану Мстиславичу, чтобы ее посватать.

— А с княжной ты уже о том говорил? — спросил изрядно удивленный Карач-мурза.

— Говорил, батюшка. Она согласна.

— Когда же это и как вы успели слюбиться?

Арсений, изредка прерываемый вопросами отца, вкратце изложил ему несложную историю своей любви и связанных с нею событий. Выслушав его, Карач-мурза немного подумал. Выбор сына он одобрял, — княжна ему нравилась, а возможность породниться с князем Иваном Мстиславичем сразу привлекла его своею духовной, символической стороной: ему подумалось, что этот брак зачеркнул бы все обиды минувших поколений, — как бы примиряя тени умерших, — и снова мог соединить в потомстве две близкие ветви единого и славного рода, в прошлом разъединенные враждой и ненавистью. И он сказал:

— Ну, что ж, коли вы друг другу любы, я рад и готов дать вам свое отчее благословение. Мыслью, что княжна Софья будет тебе доброй женой, как и ты ей добрым мужем. На этих же днях поеду в Карачев и,

Бог даст, сговоримся с князем Иваном Мстиславичем, — чай своему детищу он тоже не враг.

— О —

Когда неделю спустя, князь Хотет увидел из окна своей опочивальни седобородого всадника, въезжающего к нему во двор в сопровождении целой свиты дружинников и слуг, — он не сразу признал в нем Карач-мурзу.

В последнем сегодня ничто не напоминало того тарина, который посетил князя четыре года тому назад. Одет он был чисто по-русски и притом с подлинным великолепием: бобровая шапка с голубым верхом, аксамитовый¹⁾ — синий с серебром — кафтан, шитые жемчугом сафьяновые сапоги, и на боку драгоценная, усыпанная самоцветами сабля.

Чувствуя, что неспроста такая пышность, несколько встревоженный Иван Мстиславич хотел было сам выйти на крыльцо, встретить приезжего. Но в последнюю минуту спохватился, — в нем внезапно заговорила спесь. «Не возомнил бы татарин, что эдак разодевшись и приведя с собою кучу холопов, сравнялся он с Карачевским князем. Пусть свое место помнит!» — подумал Хотет и выслал дворецкого с приказанием провести посетителя в приемную горницу. Сам он переодеться не стал, — вышел, как был, в поношенном домашнем халате, — меня, мол, род мой красит, а не одежда, — однако гостя принял вежливо и с подобающим радушием.

— Рад видеть тебя здоровым, Иван Васильевич, — промолвил он, пожимая руку Карач-мурзе. — Кажись, так стал зваться ты, принявши святое крещение?

— Так, Иван Мстиславич. Здравствуй и ты в благо-

¹⁾ Аксамит — драгоценная ткань, по шелковой либо бархатной основе затканная золотой или серебряной крученой нитью.

денствия на многия лета, и да будет Господь во-веки милостив к тебе и к твоей достойнейшей семье, — ответил Карач-мурза с той цветистой восточной учтивостью, от которой он и на Руси не вполне отвык.

— За добрые пожелания спаси тебя Бог, Иван Васильевич. Ну, садись, сказывай, что нового у вас на Неручи?

— У нас, благодарение Создателю, ныне все спокойно, князь. Сейчас без помехи пашем, да вверх по правому берегу Неручи почали вырубать лес под новые посевы.

— Али народу у тебя еще прибыло?

— Прибыло много и все новые идут. Пленные татары, коих мы зимой взяли, почти все порешили у нас осесть, да и русских смердов приходит немало, — им у меня получше, нежели в иных местах. Коли так дальше пойдет, думаю у князя Витовта еще земли просить.

— Ну, что же, в добрый час! Витовт Кейстутьевич в том тебе наверно не откажет, ему ведь на руку, чтобы заселялись порубежные земли, — промолвил Хотет, не без зависти, шевельнувшейся в душе: этот нивесть откуда пришлый татарин тут явно преуспевал и год от года набирал силу, в то время когда он сам, — как-никак князь и законный хозяин Карачевской земли, все больше хирел и терял значение.

— А в Диком Поле ныне спокойно? — помолчав, спросил он.

— Совсем спокойно там никогда не бывает, — ответил Карач-мурза. — Малые орды иной раз вблизи от рубежей показываются. Только после той острастки, что мы им дали, они нас более не тревожат.

— Вестимо, забоялись. Важно ты их проучил, Иван Васильевич! Мне княжич мой Михайло рассказывал и уж не знаю, кому больше воздал хвалы, — тебе ли за воинскую мудрость или сыну твоему за доблесть и силу. А твой Арсений и впрямь богатырь, да к тому и душой приятен, — с ним мы уже добре знакомы. Воистину можешь гордиться таким сыном!

— На добром слове спасибо, Иван Мстиславич! Особо же рад я тому, что так хвалишь ты моего Арсения и

что он тебе пришелся по сердцу, ибо приехал я сюда по его делу. И поелику ты о нем говоришь такое, чаю, что дело это у нас сладится.

— Какое же такое дело? — насторожился Хотет, начиная догадываться.

— Хочу сватать для него дочь твою, княжну Софью. Они друг дружку полюбили крепко и, чаю, будут хорошей парой, коли дашь ты им свое благословение, как я свое даю.

Иван Мстиславич, хотя уже и ожидал этого, на мгновение растерялся, не зная что, вернее — как ответить. Всякого татарина, даже самого знатного, он ставил в душе неизмеримо ниже себя, а к тому же два дня тому назад получил от Михаила извещение о том, что Софью будет сватать Моложский князь, и этим был отменно доволен. Помолчав немного и собравшись с мыслями, он сказал:

— Не обессудь, Иван Васильевич, но хочешь ты невозможного. Знаю, ты человек достойный, и я тебя вельми уважаю. Сына твоего тоже хвалил я без лести и снова скажу: всем он хорош. Только что ни говори, а ведь вы татары и дочери моей он не ровня.

— Будь мой сын мусульманом, я бы с тобой в том не спорил, — спокойно возразил Карач-мурза. — Но он, тако же, как и я, давно принял святое крещение, стало быть вера нас ныне не разделяет.

— Пусть так. Но я не о том говорю.

— А о чем же еще?

— Не ровня он ей по крови.

— Ну, это ты напраслину молвил, Иван Мстиславич. Коли говорить о его татарской крови, то и она не хуже твоей: и мать его и бабка царского роду, из коего немало жен высватали русские князья.

— Может, по нужде и высватали. А у меня такой нужды нет, и я дочь свою отдам токмо за русского князя.

— Рад это слышать, Иван Мстиславич. Коли так, мы с тобою наверно поладим, ибо сын мой, как и я, то-

же русский князь, да к тому же такого рода, который ты без сомнения выше всех иных ставишь.

— Вона! Какого же это вы столь славного роду?

— Роду князей Карачевских и Черниговских, того же самого, что и ты, токмо лишь старшей ветви.

— Ты что, Иван Васильевич, меня за глупца считаешь, али сам внезапно потерял разум? — воскликнул пораженный Хотет.

— Ни то, ни другое. Я тебе истину говорю. Я сын родной и законный князя Василя Пантелеевича, у которого прадед твой Тит Мстиславич отнял Карачевский стол, след чего род ваш Козельский тут и вокняжился. И ты мне по боковой ветви племянник.

— Откуда же ты вдруг татарин? Э, полно, Иван Васильевич, плетешь ты нивесть что и мыслишь — так вот я словам твоим несуразным и поверю!

— Коли не веришь словам, поверишь вот этому, — промолвил Карач-мурза, протягивая собеседнику небольшой свиток пергамента, который достал он из бокового кармана.

— А это что такое? — спросил Хотет.

— Духовная грамота¹⁾ предка нашего Мстислава Михайловича, первого князя Карачевского и Козельского.

— Как же она у тебя оказалась?

— Передавалась она старшему в роде, вместе с Карачевским столом, и мой отец получил ее от своего отца, когда вступил на великое княжение в нашей земле.

Хотет с недоверием взял пергамент, развернул его и медленно, букву за буквой, стал разбирать выцветшие от времени слова: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа: — се яз, раб Божий Мстислав, а во святом крещении Михайло, княж-Михайлов сын и князь земли Карачевской»... Дочитав до этого места, Иван Мстиславич быстро перевел глаза на подпись и на висевшую внизу красную восковую печать с изображением Архангела. — Все так... Вельми дивно сие, а видать не солгал татарин, — подумал он и снова углубился в чтение. Вначале

¹⁾ Духовная грамота — завещание.

содержание грамоты его почти не интересовало, — это было перечисление уделов, которые князь Мстислав Михайлович завещал четверем своим сыновьям, и общие им наставления. Но дойдя до того места, где говорилось, что в случае бездетности старшего из братьев — Святослава, на великом княжении в Карачеве утверждается род второго брата — князя Пантелеймона, Хотет почувствовал, что его бросило в жар: он вдруг сообразил, что сейчас не ему, — потомку третьего брата Тита, — а именно этому «татарину» по закону надлежало княжить в Карачеве.

— А князю Витовту ты эту грамоту показывал? — спросил он, быстро вскинув глаза на Карач-мурзу.

— Нет. Зачем бы я стал ее показывать? Карачевского стола я не домогаюсь, а то, что узнал ты обо мне сейчас, князь Витовт уже давно и без грамоты знает.

«Ага, значит сунулся ты к нему, да вместо княжения получил шиш», — с облегчением подумал Иван Мтиславич. Ему стало ясно: если Витовт, зная о правах Карач-мурзы, до сих пор не передал ему Карачева, стало быть он вообще не собирается этого делать. Почему — Хотет тоже уразумел: «Не меня, вестимо, жалует, а Юлиану Ивановну». Эта догадка довершила его раздражение, и он сказал почти с вызовом, возвращая грамоту Карач-мурзе:

— Ну и чего же ты от меня теперь хочешь?

— Ничего не хочу, oprичь того, за чем приехал: руку дочери твоей прошу для сына моего Арсения.

— Я уже сказал тебе, что за него Софью не отдам.

— Сказал, что не отдашь, поелику он не русский князь. Ну, а теперь сам видишь, что в том ты ошибся. Так что же еще?

— А то, что за другого русского князя хочу ее выдать.

— И он уже ее посватал?

— Посватал или еще посватает, то не важно. Такова моя воля родительская, и все тут!

— Стало быть, дочери своей ты счастья не хочешь? Ведь она Арсения любит, а не того другого князя.

— То не любовь, а блажь пустая! Выйдет за кого я велью, а там и полюбит. С девками всегда так.

— Это твое последнее слово, Иван Мстиславич?

— У меня слово токмо одно, оно и первое, оно и последнее. И на том не гневайся, Иван Васильевич.

— Ну, коли так, будь здоров. Жалею, что тебя зря потревожил, — поднимаясь с места, промолвил Карачмурза.

— Куда же ты? Хоть отобедай с нами.

— Благодарствую, княже, спешу в обрат. Оставайся с Богом!

ГЛАВА 18.

Когда Карач-мурза сообщил сыну о неудаче своего сватовства и посоветовал ему забыть княжну Софью, Арсений только нахмурился и ничего не сказал. Хотя удар был жесток, он сдаваться не собирался, но посвящать отца в свои дальнейшие намерения не хотел, справедливо опасаясь того, что они не встретят одобрения, а тогда пришлось бы отказаться от Софьи или идти на открытое нарушение отцовской воли. Ни того, ни другого Арсений, разумеется, не желал, а потому решил действовать теперь на свой собственный страх и риск.

Но Карач-мурза хорошо знал сына и не сомневался в том, что он на этом не успокоится и будет добиваться своего, вопреки сумасбродной воле князя Хотета. Не считая возможным открыто одобрять подобный образ действий, но в душе сочувствуя Арсению, он тоже предпочел не вызывать его на откровенность и сделал вид, что почитает это дело оконченным, а потому не хочет больше и говорить о нем.

Наутро следующего дня Арсений поскакал в Карачев: прежде всего надо было поговорить с княжной.

«Коли она меня крепко любит, — думал он, — пускай у Хотета язык загорится, а все одно мы поженимся. Ну, а если я ей не столь люб, чтобы ради того отцовский запрет порушить, тогда... поглядим!»

Приехав в город когда уже темнело, он приблизился прямо к своей лазейке и, привязав коня снаружи, проник в княжеский сад. Тут, вытащив из карма-

на зеленый лоскут, он хотел положить его в условленное место, но, заглянув в дупло, обнаружил там белый платочек, видимо совсем недавно оставленный Софьей. Эта находка несказанно его обрадовала: значит, несмотря на все, и она хотела говорить с ним! В том бы ей нужды не было, если бы она смирилась перед отцовской волей и не чаяла иного пути, как под венец с нелюбимым. Стало быть, не смирилась, любушка!

Бережно спрятав на груди платок, хранивший еле уловимый запах резеды, Арсений сунул в дупло зеленый лоскут, — чтобы княжна знала, что он уже здесь, — и отправился ночевать на постоянный двор.

На следующий день, после обеда, когда княжна появилась в саду, Арсений уже давно был на месте. Увидев ее и убедившись, что вокруг нет ни души, он вышел из-за кустов и хотел приблизиться к ней, но Софья поспешно сказала:

— Всеми святыми тебя молю: оставайся скрытым! Это место тем и хорошо, что оно из терема видно. Коли кто выглянет оттуда и увидит меня одну на скамье, будут спокойны и нас не потревожат. А ныне надобно сугубо блюсти осторожность: родитель намерен сказать, что ежели еще что заметит или уподозрит, в тот же час отошлет меня в Вильну, к бабке.

— Он тебе говорил о том, что отец мой приезжал тебя сватать? — спросил Арсений, снова прячась в кустах.

— Говорил. Был сердит и все допытывался, — где и как мы с тобою встречались, либо сносились? Я крепко стояла на том, что с той самой поры, как приезжал ты сюда с медвежьей шкурой, тебя не видела и вестей от тебя не имела. Кажись, он тому поверил и только спросил еще: истина ли то, что ты мне люб?

— А ты что ответила? — спросил Арсений, видя, что княжна замолчала.

— Ответила, что истина... — потупив голову, промолвила Софья.

— Спаси тебя Христос, ласточка, за эти слова! Ко-

ли так, ничто еще не потеряно. Ну, а что еще твой родитель сказал?

— Корил меня в том, будто я тебе, если не словами, так глазами надежду дала, потому ты и вздумал свататься. И опять сказал, чтобы я это из головы выбросила и о тебе думать не смела, ибо о судьбе моей он сам печется и уже приискал мне жениха, Моложского княжича, который собою вельми пригож и невдолге приедет меня сватать.

— Ну, а ты что?

— Вестимо, не хочу я идти за того княжича, только батюшке больше ничего не сказала, боясь, что инако он вконец осерчает и велит запереть меня в тереме. Как бы мы тогда с тобой встретились? Я же хоть в раз последний тебя повидать хотела...

— Бог даст, не последний это раз, моя любушка! Еще целую жизнь вместе будем, коли ныне не оплошаем.

— А что теперь сделаешь? Не знай я своего отца, молила бы, в ноги ему упавши, чтобы позволил за тебя идти. Да ведь не зря он Хотетом прозван, — его норова не переборешь, только хуже будет. Ничего нам не осталось, как проститься навеки...

— А я иное думаю: осталось нам бежать и обвенчаться тайно. И когда дело будет сделано, уж ничей норов его в обрат не повернет.

— Да как же это можно? Без родительского благословения под венец идти?

— Коли я тебе истинно люб, почитай, лучше за меня идти без благословения, нежели с благословением за нелюбимого. Да и церковь наш брак благословит.

— А батюшка-то? Ведь он такого мне никогда не простит. Еще и проклянуть может!

— Что ты, любушка! Не злой же он человек, и ты ему дочь родная. Да и за что проклинать: ему тут бесчестья нет, ведь не холопа ты ему зятем сделаешь, а князя из его же славного рода. Все обойдется! Посерчает родитель твой, не без того, а там и простит, уразумевши, что иного не остается.

— Хоть матушкино благословение получить бы...

— Как повенчаемся, вымолим у нее благословение, — какая мать в том откажет? А сейчас, чай, сама разумеешь, просить о том княгиню значит погубить дело. Втайне от всех надобно это сделать и наипаче спешить, покуда тот треклятый княжич не приехал, либо еще что не стряслось.

— Ох, не смею я этого... Знаю, без тебя моя жизнь будет как ночь темна, а все ж на такой грех идти бо-язно.

— Не столь уж велик этот грех, и Бог его нам простит: не чужое счастье хотим мы порушить, а токмо свое спасти. Но я тебя не неволю. Боишься со мною угоном венчаться, иди за Моложского княжича. Третьего пути нет.

— Господи! Не хочу за Моложского княжича, — вырвалось у княжны. Слезы хлынули у нее из глаз, и она закрыла лицо руками. — Только за тебя пойду, либо ни за кого!

— Тогда решайся.

— А что же делать-то надо? — после довольно долгого молчанья, всхлипывая, промолвила Софья.

— Ты только не казись боле, будь готова и жди. А я все сделаю: где-либо в глухом месте найду попа, который нас обвенчает, по пути расставлю подменных лошадей и прочее приготовлю, а после приеду за тобой. На это мне шесть дней достанет, так что во вторник на той неделе буду я снова здесь, и ты выходи к моему лазу после полдника, едва твои родители почивать лягут. Часа два либо три тебя дома не хватятся, а мы к тому времени уже верст за сорок отсюда будем. Уразумела все, ласточка?

Княжна молча кивнула головой, не отнимая ладоней от лица.

— И сделаешь все, как надо?

— Сделаю... да простит мне Господь.

— Ну, вот и ладно, цветик мой, а покуда оставайся с Богом и будь сердцем крепка, тогда все хорошо кончится. До вторника ждать не долго, а сейчас я хочу уехать отсюда, пока меня в городе никто не видел, и сразу возьмусь за дело.

ГЛАВА 19.

Арсений задолго вперед обдумывать своих действий не любил, но когда доходило до дела, умел взяться за него крепко и с умом, предусматривая все возможности и не теряя времени понапрасну.

Он почти не сомневался в том, что за ними будет погоня. «Вестимо, мы ее часа на два опередим, — думал он, — но ведь, если скакать далеко, верховые наш возок все одно догонят. Спробовать надо сбить их со следу, но это тоже либо удастся, либо нет, — стало быть, важнее всего обвенчаться где-нибудь поближе и поскорее, покуда нас не настигли. А там хоть и словят, жену у мужа уже не отберут!»

Пораскинув умом, он остановился на большом селе Звенцах, которое находилось в шестидесяти верстах от Карачева и верст на пятнадцать в стороне от прямой дороги на Карачеевку. Там была церковь, и ее настоятеля Арсений хорошо знал. Простившись с княжной, он направился прямо в это село и, остановившись на ночлег у священника, договорился с ним обо всем. С кем он будет венчаться, Арсений обещал сказать ему после, но старенький отец Александр, приход которого был беден и во многом зависел от щедрости Карач-мурзы, получив клятвенное заверение в том, что последний не против этого брака, — ни о чем больше допытываться не стал и сказал, что если невеста идет под венец по своей доброй воле, — он их обвенчает, и что во вторник вечером все к этому будет готово.

Приехав затем в Карачеевку, Арсений провел тут день, а на следующий выехал обратно, взяв с собою

трех молодых татар — коноводов и пятнадцать тщательно отобранных лошадей. Разбив их на три одинаковых группы, первую он оставил в Звенцах, а две остальные — по дороге оттуда в Карачев, на расстоянии двадцати верст одна от другой.

Покончив с этим, он снова возвратился домой, а в понедельник утром на двух тройках, запряженных в крепкие возки, выехал в Карачев. В этой поездке его сопровождали трое верных дружинников, полностью посвященных в дело: Гафиз, Керим и сын Ильяса — Хайдар; ехала с ними и сестра последнего, семнадцатилетняя Зульма. Двигались они не спеша и, приехав в город когда уже совсем стемнело, остановились на двух разных постоянных дворах.

Наутро Арсений дал спутникам все нужные распоряжения, а сам, сразу после полудня, пешком отправился к месту встречи с Софьей, прихватив с собою широкую женскую шаль — накидку.

Ждать ему пришлось довольно долго, — прошло около часу, прежде чем на садовой дорожке показалась княжна. Постояв немного у скамьи и не видя отсюда никого, она нерешительно вошла в кустарник и приблизилась к старой липе, у тына, где ожидал Арсений.

— Слава Христу, пришла ты, любушка, — вполголоса промолвил он. — А я уж заждался, думал, не случилась ли какая беда. Ну, идем теперь поскорее, нам каждый миг дорог!

Пока он говорил это, Софья стояла неподвижно, потупив голову. Но выслушав его, подняла наполненные слезами глаза и, глядя на него с любовью и нежностью, сказала:

— Милый, прости и забудь меня. Много я этими днями думала и молилась и вот, к иному пришла. Не побегу я с тобой... Столько в том будет горя и сраму родителям, что этого Бог не простит и не даст он нам счастья.

— От тебя ли я это слышу, княжна? — потемнев, воскликнул Арсений. — Да ведь дело у нас было реше-

но, и я все приготовил к твоему увозу и к венчанию. А теперь, что же, на попятный? Ужели хочешь так осрамить меня перед моими людьми и перед попом?

— Прости меня, мой любимый! Но я не могу иначе...

— Вот, говоришь «любимый»! А сама, что же, пойдешь за Моложского княжича?

— Не пойду за него, в том тебе Богом клянусь!

— А что ты сделаешь?

— Не знаю еще... Коли будут неволить, в монастырь уйду. Этого родитель запретить мне не может.

— В твои-то годы и в монастырь?! Да полно, княжна! Почто на самой заре свою жизнь ломать? Бежим, как было у нас уговорено, и все будет ладно.

— Не томи меня боле и не проси о том. Не могу я такого греха взять на душу!

— Не можешь? Ну, так я его на себя возьму! — воскликнул Арсений. С этими словами он подскочил к остолбеневшей княжне, набросил ей на голову накидку и, схватив на руки, шагнул к забору. Дыра, через которую он проникал в сад, была слишком узка, чтобы пропустить его с такой ношей, двумя ударами ноги он ее расширил и вышел наружу.

— Пусти! — прошептала Софья, делая слабую попытку вырваться. Арсений ничего не ответил, только крепче сжал ее в своих железных руках.

Со всех сторон их окружал довольно густой кустарник, по уклону сбегавший отсюда к городской стене, а за нею к берегу Снежети.¹⁾ Жилых дворов тут, на косогоре, почти не было, и заранее все высмотревший Арсений, придерживаясь кустов, уверенно направился к тому месту, где одна из городниц стены от ветхости обвалилась, свободно позволяя выйти к реке.

Теперь княжна Софья лежала на его руках смиренно, не пытаясь сопротивляться. Она поняла, что он ее все равно не выпустит, да в душе уже и сама не хотела

¹⁾ Река Снежень — левый приток Десны, на котором стоит Карачев.

этого, — сила и смелость Арсения покорили ее. Когда ему оставалось шагов двадцать до городской стены, она сказала:

— Опусти меня наземь, я сама пойду.

— Вот так-то лучше, — промолвил Арсений, бережно поставив ее на ноги. — Только прикрой лицо шалью, чтобы ненароком тебя кто-либо не признал. Сейчас спустимся к реке, а там надо будет пройти по открытому месту вон до той рощи, в ней у меня возок спрятан. Пойдем по берегу не спеша, будто какой горожанин со своей милой погулять вышли.

К счастью, все эти предосторожности оказались излишними: был час послеобеденного отдыха, нигде не виделось живой души, и минут пятнадцать спустя Арсений и Софья, никем не замеченные, благополучно выбравшись из города и пройдя берегом с полверсты, уже подходили к цели. По пути он сказал ей:

— Ты на меня не сердись, ласточка, за то, что тебя так схватил. Иного не оставалось. Коли поддался бы я твоей слабости, все бы у нас пропало.

— Я не сержусь, — тихо промолвила княжна. — Видно такова была воля Божья.

В роще их ожидала тройка и при ней верховые, Гафиз и Керим. Усевшись с Софьей в возок, Арсений перекрестился, разобрал вожжи и стегнул лошадей. Выехав из заросли на дорогу, тройка набрала скорость и, поднимая клубы пыли, во весь опор понеслась на юго-восток, в сторону Карачеевки.

Почти в то же время по улицам Карачева, гремя бубенцами и колокольчиками, пролетела другая тройка и, выехав через северные ворота, помчалась по дороге на Меченск. В ней сидели двое: молодой мужчина и женщина, закутанная в шаль.

Это были Хайдар и Зульма.

ГЛАВА 20.

«Гнев шагает впереди, а разум сзади».

Туркменская пословица.

Дважды сменив по пути лошадей, Арсений и его спутники к шести часам вечера были уже в Звенцах. У отца Александра все было готово, и они прошли прямо в церковь.

Во время совершения обряда, священник спросил имя невесты и, получив краткий ответ, обвенчал рабу Божью Софию с рабом Божьим Арсением. Но когда для записи в церковную книгу потребовались более полные данные и в том числе имена родителей, — услышав их, он обомлел, и перо вывалилось из его задрожавшей руки. Однако, когда Арсений высыпал на стол пригоршню золота и обещал позаботиться о его судьбе в случае каких-либо преследований со стороны Карачевского князя, отец Александр немного успокоился и, окончив записать, пожелал молодым долгой и счастливой жизни.

Снова переменяв коней, они без промедления выехали в Карачеевку, до которой отсюда было немного более пятидесяти верст. Догнав по дороге коновода, возвращавшегося на Неручь с лошадьми, которых они сменили при повороте на Звенцы, — Арсений от него узнал, что погони за ними не было. Из этого он понял, что его хитрость удалась: погнались, без сомнения, не за ними, а за Хайдаром и Зульмой, по дороге на Меченск, ибо на их тройку, выезжавшую с таким шумом, в городе, конечно, многие обратили внимание.

Когда до Карачеевки оставалось верст двадцать, Арсений сделал короткую остановку на отдых, и отозвав в сторону Гафиза, сказал ему:

— Скажи вперед и без утайки Расскажи все моему отцу. К тому добавь, что молю его о прощении и, коли он сильно сердит, — гнев его на себя готов принять смиренно, только бы сегодня встретил он нас по-родительски, ради жены моей молодой, которая ни в чем не повинна.

Отправив гонца, Арсений продолжал путь, но все же, подъезжая к дому, испытывал изрядное беспокойство. Как то их примет отец? Хоть он человек добрый и на брак их согласие давал, а за такое самоуправство может и разгневаться...

Но его опасения оказались напрасными: Карачмурза и Хатедже с иконой встретили новобрачных на пороге, благословили их и приняли с полной сердечностью. Ни тут, ни за трапезой, которая их уже ожидала, не последовало ни упреков, ни вопросов, — словно все совершилось обычным порядком и по общему согласию. Была уже глубокая ночь и потому, не задерживаясь долго за столом, молодые отправились в приготовленную для них опочивальню.

На исходе следующего дня со сторожевой башни сообщили, что к усадьбе приближается конный отряд, численностью человек в двести. Ожидавший чего-либо подобного Карачмурза тотчас приказал запереть ворота, а сам поднялся на башню. Глянув оттуда на подъезжавший отряд, — по видимости составленный из челяди, вооруженной кто чем горазд, — в передовом всаднике он узнал самого князя Ивана Мстиславича.

Как стало известно позже, в княжеских хоромах накануне заметили отсутствие Софьи только в четыре часа пополудни. Прежде всего стали искать в саду и тут обнаружили дыру в заборе, а возле нее оброненный платок княжны и следы мужских ног.

Весть о похищении княжеской дочери мгновенно

облетела весь Карачев. Нашлось немало людей, видевших промчавшуюся по городу тройку, которая взяла потом направление на Меченск, а на постоялом дворе выяснилось, что тут ночевал накануне Арсений. Хотету все стало ясно. Не теряя минуты, он вооружил и выслал в погоню десяток людей из своей челяди, под начальством одного из приближенных дворян. К этому маленькому отряду присоединилось еще несколько добровольцев-горожан, и все они поскакали по дороге на Меченск.

Беглецы опередили преследователей часа на два, и их удалось догнать лишь в сорока верстах от города. Ехали они не торопясь и, заметив погоню, от нее уйти не пытались. Тройка была та самая, — с бубенцами и колокольчиками, — которую видели в Карачеве, но сидели в ней совсем не те, кого искали люди князя Хотета.

Все же их остановили и начали допрашивать. Хайдар, унаследовавший внешность своего русского отца и отлично говоривший по-русски, о себе поведал, что три дня тому назад женился в Брянске на тамошней девушке, а теперь возвращается с молодой женой к месту своего жительства, в Меченск. Проездом через Карачев он малость загулял, и, действительно, тройку свою прогнал по городу вскачь, однако никого при этом не задавил и не опрокинул, равно как и иного худа никому не сделал и почто за ним погнались — в толк не возьмет.

Все это звучало совершенно правдоподобно, а потому начальник отряда, с досады обругав Хайдара дураком и пьяницей, его отпустил, сам же со своими людьми под утро возвратился в Карачев.

Поняв, что Арсений его перехитрил и теперь наверное уже находится дома, Хотет пришел в слепую ярость. Не слушая увещаний княгини, которая уговаривала его не множить сраму, он наспех вооружил чем попало всю свою челядь да кое-кого из горожан, и сам повел эту рать на Карачеевку.

— Эй, отвори! — крикнул он, подъезжая к воротам усадьбы.

— Ты что, Иван Мстиславич, никак войной на меня пришел? — с легкой насмешкой в голосе спросил Карач-мурза, появляясь на стене, над воротами.

— А, это ты, старый разбойник! — закричал Хотет, увидев его. — Отворяй сей же миг ворота, не то прикажу поджечь твоё поганое гнездо!

— Не дури, Иван Мстиславич, и думай, что говоришь, — строго сказал Карач-мурза. — Ворот я тебе не отворю, покуда ты не войдешь в разум, ибо коли вы во дворе у меня начнете буянить, дружинникам моим придется повязать твоих холопов, я же тебя, — родича своего и князя, срамить при людях не хочу. Если не желашь войти как гость и беседовать со мной без угроз и без брани, говори здесь, что тебе нужно.

— Дочь мою отдавай! А разговор с тобой после будет.

— Почто ее отдавать, если она здесь по своей доброй воле? Тебе она дочь, а мужу своему жена и место ее при муже.

— При каком таком муже?!

— Вестимо, при сыне моем, при княжиче Арсении. Они вчера обвенчались по доброму согласию и по закону.

— В таком деле не их согласие, а мое надобно! Браку этому цена — рваная куна, и я его все одно расторгну!

— Вот ты этим и займись, вместо того, чтобы затевать со мной усобицу, за которую тебя князь Витовт не поблагодарит. Поглядим, где сыщется такой поп, либо митрополит, который по твоему хотению разлучит жену с мужем, коли сами они того не хотят.

Иван Мстиславич уже и сам понял, что его игра проиграна и что дочери ему законным путем не воротить. Понял он и то, что идти на приступ усадьбы, это значит еще раз потерпеть поражение: если Карач-мурза сумел отбиться от трехтысячной татарской орды, то что ему две сотни челяди? К тому же, за нападение при-

дется отвечать перед Витовтом ему, а не Карач-мурзе, который будет только обороняться. Витовта же в таком деле лучше иметь на своей стороне, — тогда еще, может, не все потеряно. Сообразив все это, он крикнул:

— Что мне делать, ты не указывай, — сам знаю! И управа на тебя и на твоего разбойника сына ужо будет! А Софье скажи, что она мне больше не дочь!

— Зря ты это, Иван Мстиславич, — с укором промолвил Карач-мурза. — Простил бы лучше, да порадовался вместе с нами ее счастью. Хочешь по-хорошему, — я тебе сразу ворота отворю и приму как дорогого гостя.

— Брат твой сатана будет у тебя гостем, а не я! А мое последнее слово ты еще услышишь! — выкрикнул Хотет и, сделав знак своим людям, чтобы следовали за ним, поскакал от ворот усадьбы.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СЛАВА ЗОВЕТ

ГЛАВА 21.

«Владислав, король польский, поняв, что у него не остается никакой надежды на мир с крестоносцами, повелел всем князьям, рыцарям и подданным своего королевства и подвластных ему земель взяться за оружие.»

Ян Длугош.
польский историк 15 в.

Прошел год. Жизнь в Карачеевке протекала мирно и счастливо. Ордынцы больше не беспокоили ее набегами, никаких враждебных выпадов не делал и князь Хотет. По врожденному упрямству не желая примириться с самовольным замужеством дочери, но понимая, что сам он бессилен что-нибудь сделать, Иван Мстиславич рассчитывал только на вмешательство и помощь Витовта. Но последний все время находился в разъездах и в походах против Тевтонского Ордена, с которым в ту пору началась новая война, — встретиться и говорить с ним не было никакой возможности, и Хотету поневоле приходилось ждать. К тому же, вскоре болезнь его сильно обострилась, он почти не вставал с постели и, предчувствуя свой близкий конец, — углубился в себя, а все окружающее постепенно стало терять для него значение.

В феврале в Карачеевке случилось радостное событие: Софья родила сына, которого в честь прадеда нарекли Василием. Родился он в тот самый день, когда Карач-мурзе исполнилось шестьдесят восемь лет, — в

этом совпадении все усмотрели счастливое предзнаменование, и потому двойной семейный праздник был отпразднован особенно торжественно, с пальбой из пушек, раздачей подарков и обильным угощением для всех дружинников и слуг.

Софья, которую до сих пор угнетал разрыв с родителями, посоветовавшись с мужем, решила послать им весть о рождении сына, в то же время моля их о прощении. Хотел на это ничего не ответил, но Юлиана Ивановна, — видимо втайне от него, — к великой радости Софьи прислала с гонцом драгоценную икону Божьей Матери с Младенцем, — свое благословение дочери, и вышитое шелками одеяльце для внука.

Рад был за жену и Арсений. Он в ней души не чаял и был хорошим мужем, а рождение ребенка связало их еще крепче. Но сознание того, что он уже отец, глава семейства, вместо законной мужской гордости, с болезненной остротой пробудило в нем совершенно иное чувство, втайне давно его томившее.

«Вот, теперь у меня есть сын, — думал он, — который скоро подрастет и узнает, что и дед его, и прадед, и прапрадед были славными воинами. О их походах и подвигах он услышит много рассказов и будет гордиться ими. А что он будет думать о своем отце, о котором нечего рассказывать?»

В ту пору непрерывных войн, в мужчине вообще превыше всего ценили воинскую доблесть, а в татарской Орде, где получил воспитание Арсений, человека не воевавшего просто презирали. Поэтому чувства его были естественны и понятны. Ни жизненное благополучие, ни семейное счастье не могли быть ему в полную радость, покуда над ним тяготело это ощущение своей человеческой неполноценности. Избавить от него могло только участие в большой, настоящей войне. Арсений ждал ее с томительным нетерпением и, наконец, дождался: летом 1410 года Польше и Литве пришлось поднять оружие против Тевтонского Ордена.

Рыцари, обосновавшиеся в Пруссии почти два столетия тому назад, к этому времени уже полностью овладели Ливонией и отобрали у Польши Поморье¹⁾ и ряд других земель, а у Литвы — Жмудь. Из года в год усиливаясь и богатея, они все меньше считались со своими восточными соседями и, никогда не удовлетворяясь достигнутым, шли по пути новых завоеваний. Как организация, созданная для войны и захватов, Тевтонский Орден в этом видел свою цель и в мирной обстановке, по самой структуре своей и по своему составу, он существовать не мог. До сих пор ему неизменно сопутствовала удача, ибо ей способствовали постоянные распри и разногласия в стане его врагов. Тут Витовт боролся с королем Ягайлом-Владиславом, литовские удельные князья с Витовтом, католики с православными, а польские магнаты друг с другом. Все это ослабляло силы Польско-Литовского государства и облегчало задачи Ордена, ибо вместо того, чтобы дать ему дружный отпор, то одна, то другая из этих внутренних, враждующих сил призывала его к себе на помощь. Как следствие этого, Тевтонские рыцари, — крепко спаянная и дисциплинированная воинская община, — привыкли к легким победам над поляками и литовцами и стали относиться к ним с презрением, которое не раз открыто показывали даже самым высокопоставленным лицам.

Так, например, в 1404 году великий магистр Тевтонского Ордена, Конрад фон Юнгинген, пригласил короля Владислава и его приближенных на празднества, в город Торунь. Поначалу им был оказан блестящий прием, но после того, как на турнире вышел победителем польский витязь Добеслав Олесницкий, который выбил из седла двенадцать немецких рыцарей, короля Владислава при торжественном проезде по городу облили из окна помоями. Великий магистр, конечно, принес королю извинения и даже предложил казнить жен-

¹⁾ Славянское Поморье у немцев получило название Померании.

щину, облившую его как будто бы нечаянно¹⁾), но всем было совершенно ясно, что это было сделано умышленно, по наущению самих тевтонов.

Несколько месяцев спустя, в период мира, рыцари ворвались в польскую Мазовию, схватили чем-то им неугодившего Мазовецкого князя Януша, связали его и увезли. Обращались с ним в плену как с последним рабом, и король Владиславу стоило немалых трудов его вызволить.

В следующем году, в связи с восстаниями, вспыхнувшими на Жмуди, которую князь Витовт незадолго до того вынужден был уступить Ордену, великий магистр отправил к нему послами рыцарей Маркварда фон Зальцбаха и Иоганна фон Шенбурга. Как эти послы разговаривали с литовским государем, можно судить по следующей, весьма мягко выраженной записи польского хрониста Яна Длугоша, оставившего нам наиболее подробное и верное описание всех событий, связанных с Грюнвальдской битвой:

«Эти послы упрекали князя Витовта в преступном вероломстве, понося его разными обидными словами, а также оскорбили грязными словами родительницу его, говоря в том духе, что она-де была не особенно целомудренна.»

Не надеясь на помощь короля Владислава, который всячески искал мира с крестоносцами, — Витовт вынужден был стерпеть эти оскорбления, ибо один воевать с Орденом он не мог.

Когда умер Конрад фон Юнгинген и великим магистром Ордена был избран его брат Ульрих, который, по словам летописца, «нрав имел неистовый и гордый», взаимоотношения стали еще хуже. На свидании с королем Владиславом, которое произошло в январе 1408

¹⁾ Король Владислав, разыграв великодушие, просил помиловать эту женщину.

года в городе Ковно, великий магистр держался грубо и вызывающе, ясно дав понять, что единственным способом разрешения спорных вопросов он считает войну.

Летом того же года в Литве был недород и голод. По просьбе Витовта, король Владислав отправил туда из Польши, по Неману, двадцать барок зерна. Рыцари их по пути перехватили и вернуть отказались, заявив, что на этих барках перевозилось в Литву оружие¹⁾. На протест Владислава великий магистр ответил тем, что под каким-то незначительным предлогом приказал в одном из своих городов отобрать у литовских купцов все товары и деньги.

Взбешенный всем этим Витовт поднял на Жмуди восстание против рыцарей. Орден двинул туда большое войско и одновременно потребовал у польского короля, чтобы он не вмешивался в это дело и не оказывал никакой помощи Витовту. Владислав, который боялся большой войны с Орденом, но в то же время не мог согласиться на открытое предательство по отношению к своему вассалу, ответил уклончиво. Тогда великий магистр перешел к военным действиям, захватив несколько польских городов, и занял Добжинскую область, принадлежавшую Мазовецким князьям.

Война тянулась несколько месяцев, не доходя до крупных сражений, и в октябре закончилась перемирием, заключенным до 24-го июня следующего, 1410 года, причем спорные вопросы, — главный из которых касался Добжинской области, — обе стороны согласились предоставить на третейский суд чешского короля Венцеслава.

Король Венцеслав решил дело довольно своеобразно: Добжинскую землю отдать ему. Кроме того, он потребовал, чтобы Польша впредь никогда не выбирала себе короля из литовских или русских князей. Своей симпатии к Ордену Венцеслав не скрывал. Акт о его

1) Возможно, что на этих барках, кроме зерна, было и оружие. Разобраться трудно: орденская летопись это утверждает, а польская отрицает.

решении был прочитан польским послам на немецком языке, а когда они запротестовали, им предложили перевести его на чешский, но не на польский. Возмущенные послы покинули Чехию, отказавшись подчиниться этим решениям.

Все же после этого Владислав сделал новую попытку договориться с Орденом при посредстве венгерского короля Сигизмунда, к которому отправил на переговоры князя Витовта. Но Сигизмунд, прежде всего, попытался уговорить Витовта разорвать унию с Польшей, обещая дать ему за это самостоятельную литовскую корону, когда станет императором Священной Римской империи¹⁾.

Только после этого Владислав понял, что вокруг его шеи стягивается петля и что нет иного выхода, как поставить на карту все и вступить в решительную борьбу с Орденом. По всем подвластным ему землям он объявил сбор войска и вместе с Витовтом начал деятельно готовиться к большой войне. К берегам Вислы стали стягивать ополчения, свозить оружие и пищевые запасы для войска. Сюда же в глубокой тайне доставили части большого понтонного моста, специально заказанного опытным мастерам для быстрой переправы через реку.

Между тем окончился срок перемирия. При посредстве венгерского короля его удалось продолжить еще на десять дней, в течение которых обе стороны лихорадочно заканчивали свои последние приготовления.

¹⁾ Сигизмунд был родным братом чешского короля Венцеслава. Они были немцами, принадлежавшими к Люксембургской династии и помимо чешского и венгерского престолов, оба последовательно занимали германский императорский престол (Священной Римской империи).

ГЛАВА 22.

«Того же лета князь Витовт со всею своею дръжавою и Лятский король Владислав со своею дръжавою ходили за Вислу и билися с Проуским местером и со всею его дръжавою.»

Псковская летопись.

Хотя слухи о близящейся войне и о сборах войска доходили до Карачеевки уже давно, — только в конце мая сюда прискакал гонец из Карачева, с королевской вицей¹⁾ и с устным приказом князя Ивана Мстиславича: снарядить сотню конных бойцов и вести их без промедления на реку Вислу, к Червинскому монастырю, где быть не позже Иванова дня²⁾.

Сборы были недолги. Сотню составили из татар, а им для снаряжения в поход много времени не требовалось: и кони и оружие у каждого были наготове. В надежде на богатую добычу, желающих нашлось даже больше, чем было нужно, — почти полтораста человек. Само собою разумеется, что этот отряд возглавил Арсений. Как он, так и Карач-мурза считали, что иначе и быть не может; мать и жена, хотя и поплакали, но отговаривать его не пытались, понимая, что это бесполезно.

¹⁾ Вица — рассылавшийся королем призыв населения к оружию. В древние времена это были особые венки из лозы, которые королевские гонцы развозили по всем населенным пунктам, — отсюда и название «вица».

²⁾ Иванов день — 24 июня ст. стиля.

До места назначения предстояло пройти почти тысячу верст, — времени было в обрез и потому, не взяв с собою повозок, а погрузив все необходимое на вьючных лошадей, отряд Арсения выступил в путь и, поспев к сроку, за два или три дневных перехода до места сбора догнал главные силы князя Витовта, двигавшиеся туда же.

К великой своей радости Арсений обнаружил тут хана Джелал-ад-Дина, который с тремя туменами татарской конницы шел в этот поход вместе с Витовтом. Джелал тоже обрадовался встрече со своим молодым родичем, которого хорошо помнил еще отроком, и в тот же вечер представил его великому князю.

Узнав, что Арсений — сын Карач-мурзы и что он привел с собою полтораста всадников, Витовт принял его ласково и сказал:

— Ну, в добрый час! С отцом твоим мы вместе ходили в битвы, и доблесть его мне хорошо знакома. Рад и тебя видеть под моими знаменами. И поелику воины твои все татары, да к тому ты еще и родственник хану, под его начало тебя и поставлю. Чаю, что своего славного рода ты не посрамишь и немцев будешь бить крепко.

Джелал-ад-дин этого и хотел. В одном из его туменов состав был неполный, и он целиком включил в него сотню Арсения, оставив его сотником. Два-три дня спустя Арсений, — теперь неожиданно снова превратившийся в Абисан-мурзу, — уже отлично освоился с обстановкой и узнал почти всех сотников и тысячников своего тумена.

Непосредственным его начальником был тысячник Юсуф-бей, уже пожилой татарин, принадлежавший к известному в Орде княжескому роду. Это был отважный и опытный воин, который хорошо знал Карач-мурзу и потому, несмотря на внешнюю суровость, к Арсению он отнесся по-отечески и дал ему немало советов и указаний, оказавшихся весьма ценными в походе и в битве.

Так как уже было известно, что перемирие продолжено до четвертого июля, Витовт предпочел не торопиться к переправе, где при большом скоплении конницы могли возникнуть серьезные затруднения с пастбищами, и подошел к Висле только первого июля. Польское войско уже находилось здесь и успело переправиться на правый берег, после чего мост был разобран и увезен. Два дня спустя вся огромная рать союзников двинулась к границе Орденских земель.

Витовт со своими русско-литовскими полками и с татарами шел впереди. Он был полон решимости и горел желанием поскорее свести счеты с тевтонами. Король Владислав, наоборот, страшился предстоящей схватки, которая, в случае неудачи, грозила ему потерей польской короны. Несмотря на то, что срок нового перемирия уже окончился, он медлил с началом военных действий и сделал еще одну попытку поладить с Орденом при посредничестве короля Сигизмунда. Но это лишь ухудшило положение: несколько дней спустя, венгерский посол сообщил Владиславу, что великий магистр все его мирные предложения отверг, и поелику война неизбежна, — венгерский и чешский короли принимают сторону единого им Ордена и тоже объявляют войну Польско-Литовскому государству. Впрочем, посол тут же, как бы от себя, добавил, что это только формальность и что ни венгерские, ни чешские войска в помощь Ордену пока посланы не будут.¹⁾

Убедившись, наконец, что иного выхода нет, король Владислав начинает проявлять признаки мужества и приказывает войскам перейти границу. Но он, — многократный клятвопреступник, убийца своего дяди, благородного князя Кейстута, за польскую корону продавший родную страну и сделавшийся жестоким гонителем своих бывших единомыслителей, — в продолжение

¹⁾ Но добровольцев чехов и венгров в орденском войске было немало, тогда как в польском, вопреки утверждениям историков-славянофилов, были лишь чешские наемники, показавшие себя к тому же, в весьма некрасивом свете.

всего похода лицемерно прикрывает страх личиной святости и, будто бы терзаясь тем, что ему приходится проливать чужую кровь, дни и ночи проводит в молитвах, нагоняя тоску и уныние на своих приближенных, а всеми военными действиями руководит почти единолично князь Витовт.

Между тем великий магистр Ульрих, полагая что король Владислав ставит себе целью отобрать захваченную рыцарями Добжинскую землю, — все силы Ордена сосредоточил там, выбрав превосходную позицию на правом берегу реки Древенцы¹⁾ и хорошо укрепив ее. К концу перемирия у него все было готово, и тут он ожидал польско-литовское войско, рассчитывая обрушиться на него во время переправы через реку.

Но все это через лазутчиков стало известно Владиславу и Витовту, которые, не желая давать генеральное сражение в заведомо невыгодных для себя условиях, избрали иной образ действий: обойдя с востока Добжинскую землю, они быстрыми переходами двинулись вглубь орденских владений и тринадцатого июля уже захватили крепость Гильгенбург²⁾, находившуюся всего в ста верстах от столицы Ордена — Мариенбурга, где великий магистр оставил лишь ничтожный по численности гарнизон.

Это заставило рыцарей покинуть свою позицию на реке Древенце и с предельной быстротой идти наперерез неприятельскому войску, в направлении Мариенбурга. Поздно вечером четырнадцатого июля они подошли к деревне Грюнвальд и разбили свой стан к северу от нее, на опушке леса. Польско-литовская рать в это время стояла в лесу, на берегу озера Лубень, в восьми верстах восточнее Грюнвальда.

Едва рассвело, тевтоны, уже знавшие, что противник находится в непосредственной близости, начали строиться в две линии боевого порядка, на краю поля, в двух верстах перед Грюнвальдом. Их войско состояло

¹⁾ Древенца — правый приток Вислы.

²⁾ По-польски эта крепость называлась Домбровна.

из пятидесяти одной хоругви¹⁾ конницы, нескольких подразделений пеших лучников и сотни артиллерийских орудий-бомбард, общей численностью достигая шестидесяти пяти тысяч человек.²⁾

Пятнадцать хоругвей, под начальством орденского маршала Фридриха фон Валленрода, составили левое крыло боевого построения рыцарей, которое флангом упиралось в деревню Танненберг, расположенную в пяти верстах от Грюнвальда; правое крыло состояло из двадцати хоругвей, которыми командовал великий комтур³⁾ Куно фон Лихтенштейн. Впереди, в одну линию, поставили все сто бомбард, а в промежутках между ними — отряды пеших лучников и арбалетчиков. Шестнадцать хоругвей, находившихся в распоряжении самого великого магистра, были оставлены в резерве, за лесом, возле Грюнвальда, приблизительно на равном расстоянии от обоих флангов.

Построившись и приведя себя в полную боевую готовность, рыцари долго ожидали появления неприяз-

¹⁾ Хоругвь — боевая единица, соответствующая полку, стоявшая под общим знаменем — хоругвью.

²⁾ В определении сил противников мнения историков расходятся в весьма широких пределах: для Ордена — от двадцати семи до ста тысяч человек, а для польско-литовского войска — от сорока до ста пятидесяти тысяч. Такая разногласия объясняется тем, что летописи и хроники сохранили нам только число полков-хоругвей, принимавших участие в битве, причем известно, что хоругвь могла включать от ста до трехсот копий. Но термин «копье» тоже означал тогда не единичного бойца, а наименьшее войсковое соединение — звено, в которое входило от трех до семи бойцов (рыцарь или витязь, вооруженный длинным копьем, оруженосец и от одного до пяти вспомогательных бойцов — лучников и мечников). Эта неопределенность допускает полную произвольность в вычислении состава хоругви. Ближе всего к истине мы будем, если возьмем средние цифры: пять человек в «копье» и двести копий в хоругви. Этот критерий применен автором настоящей книги. Правильность такого исчисления косвенно подтверждается и летописью, которая отмечает, что во многих хоругвях Витовта насчитывалось более чем по тысяче бойцов, — отсюда мы вправе заключить, что тысяча считалась нормальным составом хоругви.

³⁾ Великий комтур или великий командор, — старший член орденового Капитула, заместитель великого магистра.

тельского войска, но оно не показывалось из леса. Великий магистр и тевтонские командующие негодовали и возмущались, не жалея крепких слов в адрес короля Владислава, ибо с каждой минутой росла их уверенность в том, что он из боязни хочет уклониться от битвы.

Но в польском лагере происходило другое: военачальники ждали от короля приказаний, а король молился.

С утра долго не могли установить его походную часовню-шатер, так как этому мешал сильный ветер. Наконец, с этим кое-как справились и Владислав стал слушать мессу. Когда она окончилась, он, не выходя из часовни, приказал служить вторую. В это время прискакал гонец с известием, что войско тевтонов стоит в непосредственной близости. За первым гонцом прибыли второй и третий, донося, что рыцари уже строятся в боевой порядок. Король отнесся к этим известиям внешне совершенно безучастно и, сказав, чтобы его не беспокоили, продолжал молитву. Между тем, прибывали все новые гонцы с передовых застав и от старших военачальников, которые не знали, что им делать, и спрашивали распоряжений. Наконец, в бешенстве прискакал сам Витовт, который, по словам польского хрониста Длугоша.

«громким голосом побуждал короля, чтобы тот, предаваясь больше молитвам, встал и поспешал на бой, так как вражеское войско, готовое к сражению, уже давно стоит в боевом строю и будет плохо, если оно ринется вперед и нападет первым. Однако ни просьбы, ни мольбы, ни предупреждения об опасности не могли оторвать короля от богослужения и молитвы».

В конце концов, потеряв терпение, князь Витовт и польский командующий, рыцарь Зиндрам из Машковиц, сами начали выводить войска к опушке леса и строить их в боевой порядок.

Король вышел из часовни только тогда, когда ему доложили о прибытии двух герольдов из неприятельского лагеря. Окруженный своими рыцарями, он их принял тотчас, думая, что великий магистр хочет вступить в переговоры. Но герольды протянули ему два обнаженных меча, и один из них сказал:

— Светлейший король! Великий магистр Ульрих фон Юнгинген посылает эти мечи тебе и брату твоему, князю Витовту. Он надеется, что это оружие поможет вам преодолеть свое малодушие и принять бой вместо того, чтобы трусливо прятаться в зарослях. А если ты боишься, что мы помешаем вашему боевому построению, мы готовы пока отойти и предоставить вам хотя бы все поле!»

Услышав эти дерзкие слова, польские рыцари хотели броситься на послов, но Владислав удержал их. Спокойно и с достоинством он принял из рук герольдов мечи и ответил:

— Хотя у меня и своего оружия достаточно, — для защиты правого дела и моей отчизны мне пригодятся и эти мечи. Ими надеюсь наказать гордыню того, кто их прислал».

Немедленно вслед за этим польско-литовское войско, насчитывавшее сто двадцать тысяч человек, стало выходить из леса и строиться напротив позиции тевтонов.

На левом крыле, против полков Куно Лихтенштейна, в три линии выстроилось польское войско, — пятьдесят хоругвей, в число которых входило семь русских из Галицкой земли и Подольщины¹⁾ и три хоругви чешских, моравских и силезских наемников.

В то время, когда все другие части поспешно занимали указанные им места в общем боевом порядке, чешская хоругвь, — которой командовали рыцари Збиславек и Ян Сарновский, — попыталась незаметно уйти и, покинув поле, направилась обратно в лес. Ее догнал и пристыдил польский подканцлер Миколай Тромба,

¹⁾ Это были следующие хоругви: Перемышльская, Галицкая, Ярославская, Холмская и три Подольских.

после чего чехи возвратились и стали на свое место, в первой линии.¹⁾

Справа от поляков, против конницы маршала Валленрода, также в три линии развернулись сорок хоругвей великого князя Витовта, среди которых было четырнадцать русских²⁾ В самом центре построения союзников, на стыке литовского войска с польским, один за другим стояли три Смоленских полка, под начальством молодого Мстиславского князя Юрия Лугвениевича³⁾. Татарская конница Джелал ад-Дина была поставлена на правом фланге расположения литовцев, недалеко от деревни Танненберг.

Некоторая часть польских и литовских полков была выделена в резерв, который поставили в лесу, в трех местах: за флангами боевой линии и за ее центром, возле деревни Ульново, где стоял обоз польского войска. При этом самом сильном и наиболее удаленном резерве находился и король Владислав, ибо, как пишет Длугош,

«было решено, чтобы король не подвергал себя опасностям битвы, держась в обозе или в уединенном и надежном месте, неизвестном не только врагам, но даже и своим, огражденный от случайностей свитой, отборной охраной войска и отрядом телохранителей из шестидесяти рыцарей-копье-

1) Перед догнавшим их подканцлером чехи оправдывались тем, что король Владислав не уплатил им положенного жалования, но, по утверждению Яна Длугоша, всем наемникам оно было уплачено вперед. Вероятно перед битвой чехи потребовали какой-то дополнительной суммы.

2) Три Смоленских, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Брестская, Волковысская, Дорогочинская, Мельницкая, Каменецкая, Стародубская и Новгород-Северская. Много русских воинов было и в составе других хоругвей литовского войска, в котором русский элемент, безусловно, преобладал.

3) В битве участвовал и отец этого князя Лугвений-Семен Ольгердович, и некоторые историки считают, что именно он командовал Смоленскими полками. Если это и так, то подлинным героем сражения все же оказался его сын Юрий.

носцев. Были также в разных местах поставлены быстрые кони, сменяя которых король мог бы спастись в случае победы врага.»

И далее Длугош, по-видимому без всякой иронии, добавляет:

«Это был бесспорно наилучший король, побеждавший врагов своих не столь мечом, сколько кротостью и справедливостью, сражаясь больше молитвами и богослужениями, чем оружием».

В полную противоположность этой всеобъемлющей предусмотрительности «наилучшего из королей», великий князь Витовт, по словам того же Длугоша, «предоставив охрану своей судьбы и жизни одному только Богу», без всяких телохранителей и свиты объезжал передовые линии бойцов, как своих, так и польских, отдавая распоряжения и ободряя людей, а когда началась битва, находился в самых опасных местах.

ГЛАВА 23.

«В этом сражении русские витязи Смоленской земли, стоя под тремя собственными знаменами, упорно сражались с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям. Только они одни не обратились в бегство и тем заслужили великую славу».

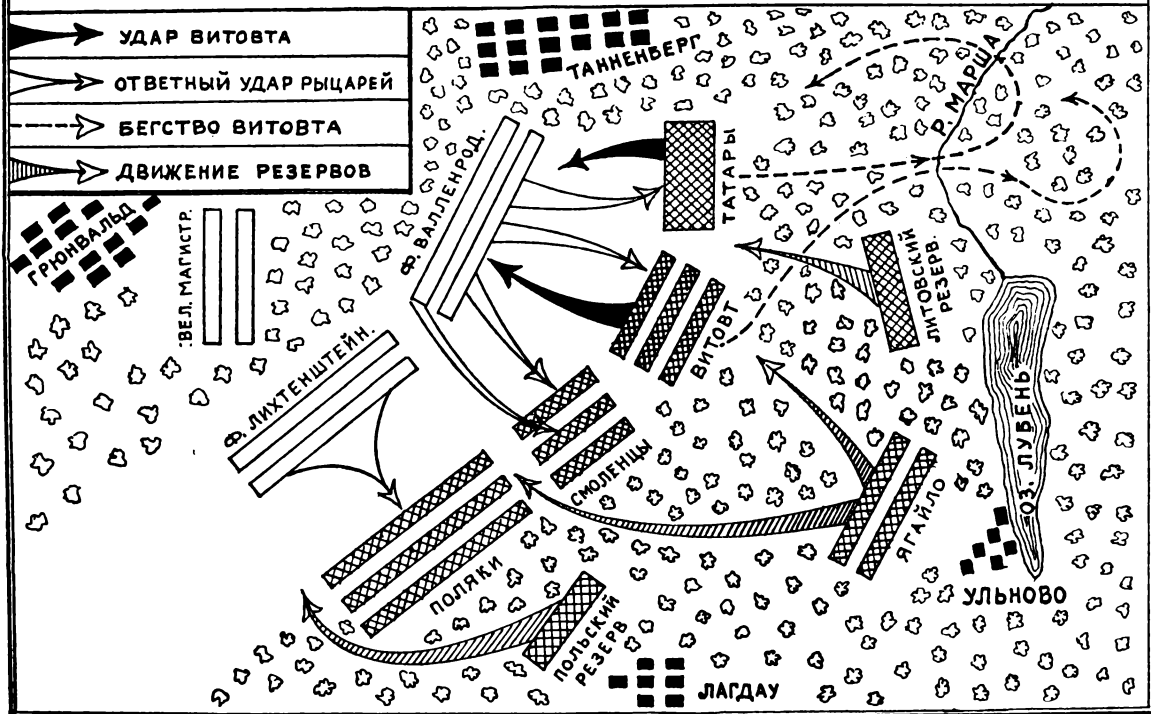
Ян Длугош.

Убедившись в том, что все полки готовы к бою, князь Витовт, окруженный небольшой группой приближенных, занял место за первой линией своих войск, с нетерпением ожидая сигнала к началу битвы, который должен был подать король Владислав.

Рыцарь Зиндрам стоял под большим королевским знаменем в первой линии, во главе прославленной Краковской хоругви, в которую входил весь цвет польского рыцарства. Бормоча сквозь зубы проклятия, он тоже ожидал сигнала, но его не было, и где находится король — никто толком не знал.

Наконец, Зиндрам услышал далеко справа лязг оружия и воинственные крики, которые, сливаясь и ширясь с каждым мгновением, покатались по полю могучей прибойной волной. Он понял: это князь Витовт, не ожидая больше, бросил в битву свои хоругви. Пождав еще немного, Зиндрам сделал знак стоявшему сзади трубачу. Воздух прорезали резкие звуки боевого сигнала, его подхватили трубы в других хоругвах, и польское войско с пением священного гимна двинулось вперед.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА - 15 ИЮЛЯ 1410 г. ПЕРВАЯ ФАЗА.

Приближающегося противника крестоносцы встретили залпом всех своих бомбард. Страшный и еще мало привычный гром сотни орудий заставил похолодеть многие сердца, но воины быстро ободрились и снова пошли вперед, увидев, что неприятельские ядра почти не причинили им вреда, — большинство из них не долетело до цели.

Сквозь пелену едкого порохового дыма теперь почти ничего не было видно, и потому второй залп тевтонских пушек оказался столь же неудачным. Далее на поле все перемешалось, и артиллерия больше не могла стрелять до самого конца боя.

Впрочем, рыцари уже поняли, что бомбарды приносят им больше вреда, чем пользы: после двух залпов, сквозь стену дыма, поднявшуюся на их стороне поля, они перестали видеть противника. Это позволило передовым хоругвям Витовта почти без потерь приблизиться вплотную и, перерубив часть пушкарей и пеших лучников, остальных обратить в бегство. Одновременно татарская конница обрушилась на левый фланг маршала Валленрода, стараясь оттеснить его от Танненберга и отсюда зайти ему в тыл.

По линии всего левого крыла тевтонов завязалась упорная битва, что вполне отвечало намереньям великого магистра, так как он и сам хотел в начале сражения разгромить и рассеять войско Витовта, чтобы потом все силы бросить на поляков, которых он считал более серьезным противником.

Сомкнутым строем, выставив вперед длинные, — до восьми аршин, — копья, одетые в железо рыцари Валленрода двинулись на русско-литовские полки. Тут лишь немногие были в кольчугах, и вооружение их значительно уступало тевтонскому, но все же никто не дрогнул и не ослушался, когда князь Витовт приказал идти на встречный удар.

По словам летописца, всадники сшиблись с такой силой, что треск ломающихся копий, грохот ударов о

доспехи и лязг мечей были слышны за много верст. Яростная сеча продолжалась около часу. Несколько раз крестоносцы отбрасывали литовские полки, но те, хотя и вынуждены были постепенно подаваться назад, снова бросались на врага, всякий раз разбиваясь о его нерушимый строй. Для легко вооруженных воинов закованные в доспехи рыцари были почти неуязвимы, — чтобы свалить одного из них, приходилось платить десятком жизней.

И они платили, устилая своими телами поле, но железный вал неуклонно двигался вперед, и, наконец, литовское войско не выдержало натиска и побежало. Тщетно князь Витовт, надрываясь криком и раздавая удары мечом плашмя, старался остановить бегущих, — теперь его никто не слушал.

Охваченные паникой люди, по пятам преследуемые рыцарями Валленрода, беспорядочной толпой устремились в лес и, только углубившись в него версты на три, получили возможность перевести дух и опомниться, ибо стоявший здесь литовский резерв задержал преследователей. Последние, не ожидая встретиться тут со свежей частью противника, двигались разобщенно, широко рассыпавшись по лесу, и это сразу лишило их всех преимуществ: на одиночных, неповоротливых в чаще рыцарей из-за кустов и деревьев кидалось по несколько человек сразу, стаскивая с седел или подрывая ноги их лошадям. Передовая хоругвь тевтонов была истреблена почти полностью, остальные вынуждены были прекратить преследование и возвратиться на поле. Впрочем, крестоносцы считали свою первую задачу полностью выполненной: литовские хоругви были выведены из боя и рассеяны.

Однако, не все войско князя Витовта бежало с поля: три Смоленских полка остались на месте и продолжали упорно обороняться от трех лучших хоругвей Ордена, не подаваясь ни шагу назад. Валленрод бросил на них еще три хоругви, и вскоре первый Смоленский полк poleg почти полностью. Но два другие, руководимые доблестным князем Юрием Лугвениевичем, тесно сом-

кнуж ряды, продолжали биться и выстояли до конца, обратившись в неподвижную ось сражения, вокруг которой оно развивалось и перемещалось. Несокрушимое мужество смоленцев сыграло в этой великой битве важнейшую роль, ибо оно дало возможность Витовту собрать и снова ввести в бой свои полки, а полякам, — надежно защищая их фланг, — помогло выдержать тот двойной удар, который на них обрушили тевтоны, справившись с литовцами.

Великий комтур Куно фон Лихтенштейн с самого начала крепко теснил польские полки. Главный удар он направил на Краковскую хоругвь, так как развевавшееся над нею большое королевское знамя, — белый коронованный орел на красном поле, — заставило его подумать, что и сам король находится здесь.

На эту хоругвь и на две смежные, в которых тоже насчитывалось много прославленных рыцарей, вначале легла вся тяжесть боя. Кроме них, в первой линии находились еще три польские хоругви, моравская и чешская, стоявшая крайней слева.

Закипела битва. Поляки сражались с отменным мужеством, и среди них крестоносцы встретили немало достойных противников, не уступавших им ни в мастерстве боя, ни в вооружении. Тут еще раз покрыл себя славой знаменитый польский рыцарь Завиша Черный, герба Сулима, — ни один из схватившихся с ним тевтонов не остался в седле; от него не отставали в доблести рыцари Повала из Тачева, Якса из Тарговиска, Ян Варшовский, Александр Горайский, Домарт из Кобылян, Павел Злодзий и многие другие, в этот день обесмертившие свои имена.

Более получаса шла уже яростная схватка, и поле покрылось телами павших. Копья давно были переломаны или отброшены, ибо действовать ими мешала страшная теснота боя, — в густых облаках пыли, поднятой копытами лошадей, секлись мечами и саблями. Лязг оружия, воинственные крики сражающихся, ржа-

ние коней и вопли раненых сливались в разногласный, но грозный хор, распаяя отважных и леденя сердца слабых духом. Но последних тут почти не было: поляки стояли крепко и еще не отступили ни на шаг.

Только чешская хоругвь, которую неприятель теснил не столь уж сильно, внезапно покинула свое место и, обнажив фланг польской линии, направилась к ближайшему лесу. Подканцлер Тромба, еще перед началом боя убедившийся в ненадежности чехов, снова нагнал их и стал жестоко корить, после чего некоторые возвратились назад и встали под польские хоругви, а все остальные, во главе со своим начальником Яном Сарновским, ушли в тыл, унося с собою и знамя.¹⁾

Как раз в это время Лихтенштейн бросил в битву вторую линию своих полков, и успех начал склоняться на его сторону. Новая железная волна обрушилась на Краковскую хоругвь, ряды которой уже сильно поредели, и докатились до королевского знамени. Меткий удар копья сразил знаменосца, — хорунжего Мартина Брацимовского, и алое полотнище с белым орлом упало на землю. К нему сразу кинулось несколько крестоносцев, но со всех сторон сюда спешили и польские рыцари, которые после яростной схватки овладели знаменем и снова подняли его над сражающимися.

В дело, между тем, вступили вторая и третья линии польских хоругвей и им удалось не только восстановить положение, но и потеснить тевтонов, которые, видя, что неприятель охватывает их фланг, начали загибать его и подаваться назад. Но в это время возвратились из леса полки маршала Валленрода, преследовавшие литовцев, и с ходу ринулись на польское войско и на смоленцев, стоявших у него на фланге.

¹⁾ Ян Длугош пишет, что этим поступком чешский рыцарь Ян Сарновский так обесчестил себя, что от него отвернулись все, даже собственная жена, и вскоре он умер в своем замке от стыда и печали.

Смоленцы стойко выдержали и этот удар, но поляки дрогнули и стали отходить. Положение спасли польские резервы, которые король Владислав, издали следивший за ходом битвы, вовремя двинул на подмогу. Часть их обошла правый фланг Лихтенштейна и стала заходить ему в тыл, другая ударила сбоку на полки Валленрода, стараясь отсечь их и окружить. Ободренное польское войско снова запело победный гимн и устремилось вперед. Тевтоны сдавали, их боевая линия разорвалась, ибо теперь им приходилось отражать противника, нападающего с трех сторон.

Но у великого магистра еще оставался мощный резерв, — шестнадцать хоругвей, которые он теперь бросил в бой. Три хоругви ударили внезапно на польский отряд, вклинившийся между полками Лихтенштейна и Валленрода, а тринадцать других были посланы в глубокий обход, чтобы со стороны Танненберга зайти в тыл неприятельскому войску, большая часть которого при удаче этого маневра оказалась бы в мешке. Но в успехе великий магистр не сомневался: помешать этому движению могли бы только полки Витовта, а они были разбиты и рассеяны по лесу.

— О —

Между тем, король Владислав, послав в бой резервы и, видя, что польское войско явно одолевает, сам тоже продвинулся вперед и с небольшой частью своих приближенных и телохранителей стоял на открытом месте, недалеко от сражающихся, наблюдая за происходящим.

На поле теперь все перемешалось. Отдельные отряды и группы поляков и крестоносцев, стремясь обойти противника или, наоборот, избежать охвата, скакали во всех направлениях. Вскоре один из таких тевтонских отрядов показался сбоку. Он был еще далеко, но быстро приближался к тому месту, где стоял король. Заметив это, Владислав вздрогнул, лицо его покрылось зеленоватой бледностью. Полагая, что тевтоны его узна-

ли и хотят захватить, он крикнул своему пажу, Збигневу из Олесницы:

— Скачи к войску и веди сюда ближайшую хоругвь! Скажи, что король в смертельной опасности и что его жизнь теперь зависит только от быстроты их коней!

Збигнев сломя голову бросился исполнять это приказание.

Ближайшей хоругвью оказалась Дворцовая¹⁾. Стоя в сражении рядом с Краковской, она все время вела особенно упорный бой, а сейчас перестраивалась, чтобы встретить удар одного из скакавших сюда полков Валленрода. В командование ею, вместо павшего Енджия Цолека, только что вступил рыцарь Миколай Келбаса. Выслушав Збигнева, он, не скрывая раздражения, сказал:

— Это безумие! Мы не можем сейчас уйти отсюда. Разве ты сам не видишь, что тут делается?

— Вижу, — ответил Збигнев. — Но ты получил приказ. Жизнь его светлости короля дороже...

— Провались ты в ад, вместе со всеми светлостями, проклятый щенок! — закричал Келбаса, выхватывая саблю. — Ты хочешь, чтобы мы покинули свое место и погубили сражение, пропустив неприятеля в тыл?! Вот тогда королю действительно крышка, а сейчас ему там сзади ничто не угрожает. Убирайся прочь, пока я тебе не обрубил уши!

Збигнев, сознавая в душе, что рыцарь прав, хотел привести какую-либо другую хоругвь, но в это время по всей линии возобновилась яростная сеча и, поняв, что этого не удастся сделать, он возвратился к королю и доложил о своей неудаче.

Тевтонский отряд был уже близко, но он несколько изменил направление и стало очевидным, что он имеет какое-то иное задание, которое спешит выполнить, не

¹⁾ Эта хоругвь была составлена из придворных и из чинов дворцовой стражи.

отвлекаясь ничем. Все же приближенные Владислава быстро спрятали находившееся при нем малое королевское знамя и заслонили собою короля, чтобы он не был случайно узнан.

Сам Владислав, видя, что опасность миновала, стал проявлять несвойственную ему воинственность: он потребовал, чтобы ему дали копьё и сделал вид, что рвется в битву. Копье ему дали, но коня крепко схватили под уздцы и удержали на месте.

Отряд крестоносцев, вызвавший весь этот переполох, проскакал мимо, не обращая внимания на кучку мирно стоявших в стороне всадников. Но немного отставший от других германский рыцарь Диппольд Кикериц фон Дибер, поглядев туда, узнал польского короля.

Это был бесстрашный человек, — достойный сын своего воинственного племени — и потому, не раздумывая долго, он повернул коня и, наставив копьё, один бросился на свиту, окружавшую Владислава. Растерявшиеся придворные и телохранители шарахнулись в стороны, и король оказался прямо перед рыцарем, который в развевающемся белом плаще с черным крестом, несся на него. Дрожащей рукою король поднял копьё, не чая остаться в живых. Но в это мгновение юный Збигнев, — безоружный и за минуту до того спешившийся, — схватил валявшийся под ногами обломок копья и, взмахнув им как дубиной, сбоку нанес фон Диберу страшный удар по голове, сбив с него шлем и свалив с коня.

Владислав, подъехав ближе, ткнул копьём в лицо лежавшего на земле и силившегося подняться рыцаря, а подскочившие телохранители, добив его, тут же поддели доспехи и оружие¹⁾.

Все присутствующие восторженно славили подвиг Збигнева, а король, сняв с себя рыцарскую перевязь,

¹⁾ Весь этот эпизод, начиная с посылки Збигнева за помощью к Дворцовой хоругви, описан здесь в полном соответствии с данными хроники Яна Длугоша.

хотел возложить ее на своего спасителя. Но юноша отклонил эту честь, сказав, что сан рыцаря его не прельщает, ибо он давно решил посвятить себя духовной карьере. Владислав одобрил его намерение и обещал ему в этом содействии¹⁾.

Много часов уже продолжалась битва. В полдень на землю пролился короткий дождь, сменившийся влажной жарой, сильно парило, и рыцари Лихтенштейна и Валленрода, с утра находившиеся в бою, изнемогали в своих железных доспехах. Теперь они сражались вяло, медленно отходя к Грюнвальду под напором воодушевленных успехом польских полков, которые охватили их полукругом, тесня с трех сторон.

Около шести часов вечера со стороны Танненберга в клубах пыли показалась быстро приближающаяся масса всадников. Это были тринадцать хоругвей Ордена, удачно завершившие обход. Но о том, что у великого магистра еще сохранился столь сильный резерв, поляки не подозревали и потому, увидев у себя за флангом эту конницу, они приняли ее за возвращающиеся в бой полки Витовта и вместо того, чтобы приготовиться к отпору, разразились радостными криками.

Однако это недоразумение, едва не ставшее роковым, очень скоро выяснилось: свежие силы тевтонов лавиной обрушились сбоку и сзади на польское войско, одновременно отсекая его от леса и отрезая путь отхода.

Обстановка на поле битвы сразу изменилась: польские хоругви, только что победно теснившие маршала Валленрода и готовые завершить его окружение, теперь сами были почти окружены. Не чая ниоткуда помощи, ибо резервов больше не оставалось, они, наскоро перестраиваясь и напрягая последние силы, вынуждены были отбиваться от наседавшего со всех сторон врага.

¹⁾ Владислав это обещание сдержал: тринадцать лет спустя Збигнев был уже епископом Краковским, т. е. польским первосвященником, а позже и кардиналом.

Но в этот момент на опушке леса, правее Танненберга, показались новые массы конницы, быстро приближавшейся к месту действий. В рядах крестоносцев произошло смятение. Сразу ослабив натиск на поляков, они быстро начали перестраивать свои ряды. Но было уже поздно.

«Литва идет, Литва! Да здравствует князь Витовт! — прокатились по всему польскому войску радостные крики.

Действительно, — это были полки князя Витовта, которые в эту решающую минуту возвратились в бой и ударили сзади на резервные хоругви великого магистра. Одновременно тумены Джелал ад-Дина, мимо деревни Танненберг, во весь опор устремились в тыл тевтонскому войску, завершая его окружение.

Начался последний этап великой битвы, вскоре закончившийся полным разгромом крестоносцев.

ГЛАВА 24.

«Месяця июля в 15 день бысть побоище королю Ягаилу Олгердовичу нареченному Володислав и князю великому Литовьскому Витовту Кейстутьевичу с немцы и с прусы в их земли в Пруской. И убиша местира и моршолда и кунтуры, и побиша всю силу немецкую.»

Новгородская летопись.

Утром этого дня, в самом начале битвы, когда татарская конница Витовта бросилась на фланговые хоругви маршала Валленрода, сотня Арсения шла в головном тумене и одною из первых сшиблась с тевтонками.

Приближаясь, ордынцы с обычным для них мастерством использовали условия местности и появились перед противником совершенно неожиданно, чему способствовал и пороховой дым, стешившийся над полем. Внезапность и стремительность этой атаки в первый миг ошеломили рыцарей: местами они подались немного назад, и в их стройной линии образовались вмятины.

Самую глубокую из них произвел Арсений со своими людьми. Когда его сотня, проскочив сквозь дымовую пелену, очутилась перед строем крестоносцев, первое, что бросилось ему в глаза, было белое знамя с красным орлом, развевавшееся в каких-нибудь тридцати шагах впереди. Оглянувшись и увидев, что за ним вплотную следует Гафиз и еще несколько нукеров, а чуть поотстав, скачут и остальные, Арсений наставил копье и ринулся прямо к этому знамени.

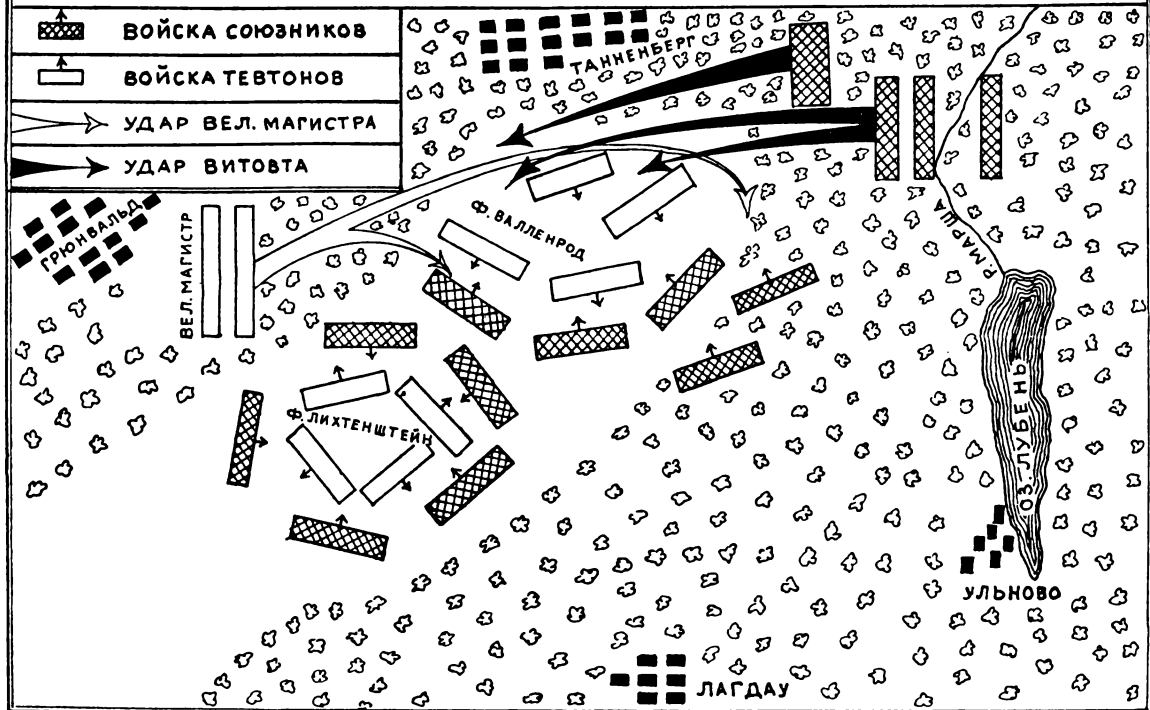
Путь к нему преграждала шеренга одетых в тяжелые доспехи рыцарей, один из которых, быстро опустив забрало шлема, двинулся навстречу Арсению. Но последний в своей легкой кольчуге оказался проворней противника и в одно мгновение выбил его из седла. Тевтон тяжелой железной глыбой грохнулся под ноги стоявшим сзади, заставив их осадить, а конь его еще увеличил сумятицу: испуганный дикими воплями налетавших татар, потеряв всадника, он кинулся в сторону и, расстроив ряды, помешал действиям соседних рыцарей.

Это позволило Арсению и его нукерам потеснить тевтонов и пробиться почти к самому знамени. Возле него сразу же возникла такая толчея и давка, что пришлось отбросить копья и пустить в ход мечи и сабли. Тут Арсению удалось свалить еще одного рыцаря, но увлеченный своим успехом, он не заметил того, что по всей остальной линии боя атака легкой татарской конницы разбилась о железные ряды крестоносцев, которые теперь сами двинулись вперед. Еще немного и горсточке зарвавшихся удальцов был бы отрезан путь отступления. Но на их счастье сюда вовремя подскочил Юсуф-бей.

— Эй, сотник! — крикнул он. — Воистину Аллах отнял у тебя разум! Надо смотреть не только вперед, но и по сторонам. Назад, если не хочешь подарить свою глупую голову врагу!

Сразу отрезвев, Арсений повиновался приказу. Татары, потери которых были невелики, отскакав с полверсты, остановились. Рыцари их не преследовали, ибо полки Витовта еще упорно сражались, приковывая их к себе. Это позволило Джелал ад-Дину привести свои тумены в порядок и снова бросить их на врага. Но и эта атака была легко отбита крестоносцами, которые теперь, сломив сопротивление Витовта, всю массу устремились вперед, в преследованье, рубя или захватывая в плен отстающих, а остальных рассеивая полесу.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА - 2ая ФАЗА И РАЗГРОМ РЫЦАРЕЙ.

Отправляясь на эту войну, Арсений не задумывался о том, чем она вызвана, и будет ли он воевать за правое или неправое дело. Тевтоны ни его земле, ни его благополучию ничем не угрожали, — он не испытывал к ним никакой ненависти, так же как не питал никакой любви к полякам и литвинам. Взаимные счеты этих чуждых для него народов были ему безразличны, и почему вспыхнула между ними война, его не интересовало. Но он с радостью пошел на эту войну, потому что она нужна была ему самому, чтобы стяжать свою долю воинской славы.

«Человек по-настоящему умирает только тогда, когда о нем забывают потомки», — эту фразу Арсений в детстве услышал от одного старого араба, и она глубоко запала ему в душу. И потому он особенно тяжело переживал в это утро горечь поражения: ведь до знамени ему оставалось каких-нибудь три шага, — если бы он захватил его, об этом подвиге с гордостью рассказывал бы его сын своему сыну, а тот своему... И вот, вместо этого позорное бегство, о котором пусть лучше никогда не узнают потомки.

Однако, к вечеру полки и тумены были собраны, приведены в порядок и снова брошены в битву. И теперь Арсений, сотня которого шла головной в тысяче Юсуф-бея, заскакав в тыл врага, неожиданно снова увидел перед собой то самое знамя, белое с красным, воинственно взъерошенным орлом.

Но сейчас его уже не прикрывала ощеренная копиями железная стена, — тут шла неразбериха и сумятица: спереди крестоносцев теснили поляки, сбоку смоленцы, сзади с леденящими сердце криками налетели теперь татары. Тевтоны, ряды которых давно поредели и расстроились, метались по полю, одни в чаяньи прорваться и уйти, другие, небольшими группами и в одиночку, кидались на врага и упорно бились, пока не находили свою смерть, третьи бросали на землю мечи и сдавались. Но таких пока было не много, так как тут, на левом крыле, никто еще не знал, что от правого уже нельзя ждать никакой помощи, ибо великий комтур

Куно фон Лихтенштейн пал, а от его окруженных со всех сторон хоругвей почти ничего не осталось. Сам же великий магистр и маршал фон Валленрод находились здесь и, сражаясь в первых рядах, подавали другим пример доблести и мужества.

Знамя, к которому устремился Арсений, принадлежало, как он после узнал, прославленной Бранденбургской хоругви. Его держал одетый в вороненые доспехи всадник, опирая конец древка в особую скобу, приделанную к левому стремени. Пока рыцари его хоругви отбивались от поляков, он находился позади их, в относительной безопасности, но когда сзади неожиданно появились татары, — оказался прямо перед ними, без всякого прикрытия. Выхватив меч, ибо правая его рука была свободна, он сколько мог подался назад, громко призывая к себе на помощь.

На его крики обернулось несколько ближайших рыцарей, которые, увидев, что происходит, тотчас прищипорили коней и успели прикрыть собой знаменосца, прежде чем подскакал к нему Арсений, за которым, рассыпаясь веером и дико вопя, неслась его сотня. Но тевтоны давно переломали свои копья и теперь были вооружены только мечами, тогда как в руках у Арсения было тяжелое копье.

С ходу, не сдерживая мах коня, он ринулся на рыцаря, стоявшего прямо перед знаменем. Последний поднял меч, чтобы отбить копье, но не успел. Удар Арсения был так силен и стремителен, что древко его копья переломилось пополам, а тевтон, как перышко, вылетел из седла. В ту же секунду его соседа сорвал с коня аркан, ловко пущенный Гафизом, на каждого из остальных набросилось сразу по несколько татар, а Арсений, выхватив саблю, кинулся на знаменосца.

Движения последнего сильно стесняло знамя, которое он поддерживал левой рукой, тем более что Арсений это сразу учел и вел нападение именно с левой стороны. Он не рубил впустую по доспехам, а зорко выискивал уязвимые места противника и наносил уда-

ры наверняка, а потому бой был недолог: получив две или три раны, рыцарь бросил свой меч и сдался.

Выхватив у него знамя, Арсений велел своим людям взять пленного, а также поднять и увести рыцаря, выбитого им из седла, так как он был жив и силился встать. Но и знамя ему пришлось сейчас же передать Гафизу, ибо в этот миг он заметил, что на него несется с поднятым мечом крестоносец в богатых доспехах, сверкающих серебром и позолотой. Это был сам бранденбургский комтур Марквард фон Зальцбах, который издали увидел, что знамя его хоругви в опасности и спешил на выручку.

Спасти знамя он не успел, ибо Гафиз уже скакал с ним в тыл, но решил хоть отомстить за него и со всею яростью набросился теперь на Арсения. Последний сразу почувствовал, что это серьезный противник. Его длинный и тяжелый меч казался вездесущим, и Арсений еле успевал отбивать сыпавшиеся на него удары. Его сабля была намного короче, достать ею до противника он почти не мог и, поняв, что только хладнокровие и выдержка могут принести ему победу, ограничивался пока обороной, ожидая какой-нибудь оплошки комтура, чтобы ею воспользоваться.

Долго ждать ему не пришлось: за спиной Маркварда, — оттуда, где остатки его хоругви еще сражались с поляками, — вдруг послышались тревожные, полные отчаянья крики. Это были всего лишь три слова, которые, передаваясь из уст в уста по рядам рыцарей, скоро стали отчетливо слышны и тут: «Grossmeister ist tot!».¹⁾ Значения этих слов Арсений не понял, но он сразу заметил, что они произвели ошеломляющее действие на его противника, который негромко повторил их и на мгновение опустил свой меч.

В ту же секунду стремительно послав коня вперед, Арсений сшибся с командором вплотную и, выпустив саблю и повод, охватил его обеими руками. Марквард

¹⁾ Великий магистр убит.

тоже бросил свой меч, ставший теперь бесполезным, они сцепились в железном объятии и каждый напрягал все силы, чтобы свалить другого с седла, в то время как их кони, тесно прижатые друг к другу, храпя и вертясь, топтались на месте.

Арсений был явно сильнее, — вскоре комтур начал сдавать и клониться на бок. Арсений нажал еще, но, падая, Марквард не выпускал его из рук, и на землю упали оба. Но тут уже все преимущества оказались на стороне Арсения: поверженный рыцарь в своих тяжелых доспехах был неповоротлив, как колода, и почти беспомощен. В одну минуту Арсений подмял его под себя и, передав своим нукерам, сам поднял саблю и снова вскочил на коня.

И было время: заметив, что татарская конница, подавляя сопротивление слабых сил ордена, находившихся с этой стороны, быстро продвигается к Грюнвальду и готова отрезать уцелевшим последний путь отступления, сюда уже спешил сам маршал Валленрод, во главе нескольких десятков рыцарей, оставшихся от его личной хоругви, знамя которой, — широкий черный крест на белом полотнище, — вез скакавший позади маршала знаменосец.

Резкими звуками трубы и высоко поднятым бунчуком сзывая к себе воинов своей тысячи, навстречу Валленроду двинулся Юсуф-бей. Началась последняя отчаянная схватка. Но силы были слишком неравны: несмотря на то, что рыцари были лучше вооружены и почти неуязвимы в своих доспехах, — татары их подавляли числом, набрасываясь по десятку на каждого или издали заарканивая и стаскивая с седла. Очень скоро от них не осталось и половины.

Тысячник Юсуф-бей, соблазняясь не столько славой, как драгоценными доспехами маршала и его великолепным конем, занялся им лично. С изумительным для его возраста проворством, он кружился на своем легком коне вокруг неповоротливого рыцаря, нанося

ему удар за ударом и ловко увертываясь и отскакивая всякий раз, когда тяжелый меч последнего, казалось, должен был рассечь его надвое. Валленрод, уже несколько раз раненый, с каждой минутой слабел и защищался все более вяло. Наконец, Юсуф-бей улучил мгновение и сквозь решетку забрала острием сабли попал противнику в глаз, поразив его насмерть.

Увидев это, немногие еще сражавшиеся рыцари начали бросать мечи на землю и сдаваться. Знаменосец, окруженный со всех сторон, покорно протянул древко знамени подъехавшему Юсуф-бею.

Сражение кончалось. Лишь кое-где еще виднелись небольшие группы и отдельные рыцари, которые продолжали биться, предпочитая смерть позору сдачи. Но и с ними скоро было покончено.

Однако, не все войско Ордена было истреблено: благодаря тому, что победители, увидев возле Грюнвальда огромный обоз противника, бросились его грабить, забыв все остальное, — многим тысячам тевтонов удалось вырваться из окружения и уйти. Когда, покончив с обозом, поляки по приказу короля пустились в преследование, уже наступила ночь и достигнуть они успели лишь немногих.

Быстро сгущались сумерки. Огромное поле, еще вчера отходившее ко сну в первозданном покое, звеня голосами цикад и курясь легким туманом, смешанным с запахом вянущих трав и полыни, сегодня курилось дымом и кровью. Казалось, это не ночь, а сама смерть разворачивает над израненной землей свое черное покрывало. Всюду, куда ни погляди, в причудливом и кощунственном безобразии громоздились вспухшие трупы людей и лошадей, и было их столько, что разум отказывался верить тому, что одного дня достало, чтобы скосить всю эту страшную жатву.

Опрокинутые пушки, шлемы, щиты с гербами славнейших родов и с начертанными под ними гордыми девидами, обломки копий и мечи, выпавшие из кочене-

ющих рук, валялись меж телами мертвых, густо усеяв землю.

Стоны и вопли умирающих поднимались и висли над полем, — самое жестокое сердце могли бы они залить ледяной жутью и ужасом, если бы их не заглушали хмельные и ликующие крики победителей, которые обнаружили в обозе побежденных множество бочек с вином и теперь буйно праздновали победу.

ГЛАВА 25.

«В начале ночи королевский глашатай Богута объявил по всему войску приказ: наутро собраться к часовне, чтобы воздать благодарение всевышнему Богу за дарованную победу, после чего взятые знамена и знатных пленников представлять королю.»

Ян Длугош.

Пьянство и разгул продолжались почти до рассвета. Воины, — поляки, русские, литовцы и татары, простые и знатные, — ибо всех уравнила и побратала на эту ночь победа, — с хохотом и криками выбивая у огромных бочек днища, черпали вино кто чем горазд, — шлемами, боевыми перчатками и даже сапогами. И пили сколько в кого вмещалось, пока, сраженные хмелем, не падали рядом со сраженными железом.

Уже улубокой ночью король, встревоженный размахом этой оргии, выслал на поле вооруженный до зубов отряд своих телохранителей, с приказанием разбить оставшиеся бочки. Не без сопротивления буйных гуляк, это приказание было исполнено, и потоки вина хлынули на землю, еще не успевшую впитать в себя потоков крови. Но бражники, распластываясь ниц, прямо с земли хлебали и тянули сдобренную кровью хмельную влагу.¹⁾

Начавшийся под утро холодный дождь прекратил

¹⁾ См. «Грюнвальдская битва» Яна Длугоша.

попойку, но он же послужил причиною смерти множества раненых, особенно поляков, еще оставшихся на поле сражения. Только лишь татары, в которых сильна была дисциплина, прежде чем предаться гульбе, выполнили полученный приказ и подобрали всех своих.

— О —

Благодарственную мессу служили возле походной часовни, которую Владислав, сразу же по окончании битвы, велел вместе со своим шатром перенести к Грюнвальду и установить на том самом месте, где накануне стоял шатер великого магистра. Несмотря на то, что торжественное богослужение началось поздно, оно привлекло не очень много народа: последствия перепоя были сильнее королевского приказа.

Православных и мусульман этот приказ вообще не касался, а потому Арсений на мессу не пошел, но с утра велел слугам начистить до блеска свои доспехи и шлем, и оделся как подобает знатному витязю, готовясь после богослужения представить королю свои трофеи. Он был весел и счастлив, ибо судьба оказалась к нему исключительно милостивой: не каждому, даже славному воину, удастся взять в битве неприятельское знамя, полонить четырех важных рыцарей и еще пятерых убить, либо вышибить из седла! Кроме того, десять рыцарей захватили воины его сотни. Об его подвигах уже знал сам хан Джелал ад-Дин, который, наверное, расскажет о них князю Витовту. Но самое главное, — о них будут рассказывать его сыну, когда он подрастет, и сын будет гордиться своим отцом, да и сам постарается быть не хуже...

С такими мыслями Арсений, в сопровождении своих пленников и Гафиза, несшего захваченное знамя, около полудня явился к королевскому шатру. Вокруг него толпилось столько народа, что из-за моря голов Арсению, даже при его росте, ничего не было видно. Но польский рыцарь Зиндрам, который распорядился це-

ремонией и представлял королю отличившихся, увидев при нем орденское знамя, велел пропустить его вперед, ибо сдавать знамена было приказано прежде всего.

Теперь Арсений очутился в каких-нибудь десяти шагах от шатра, возле которого во всем черном сидел на золоченом кресле король Владислав, а рядом с ним великий князь Витовт и левее его Джелал ад-Дин. Позади них, сверкая великолепием одеяний, стояло десятка два князей и знатнейших рыцарей, среди которых виднелись и черные сутаны монахов.

К королю пока подходили польские витязи. Зиндрам громко называл имя и воинское звание каждого, герб, к которому он принадлежал, и местность, откуда был родом, а затем в коротких словах докладывал, чем он отличился в битве. После этого названный низко склонялся перед королем, клал к его ногам знамя и говорил имена своих пленников, которые королевский нотариус, сидевший сбоку, сейчас же записывал в особый реестр.

Владислав задавал каждому несколько вопросов, хвалил его и жаловал, — кого поместьем, кого придворным или воинским званием, а кого деньгами. Рядом с ним, на низком квадратном столике, лежало десятка два шитых золотом рыцарских перевязей, — иногда он брал одну из них и возлагал на шею особенно отличившегося, если тот еще не имел рыцарского звания и, по мнению короля, был его достоин. В этот миг посвящаемый опускался на колени, а стоявший за спиной Владислава ксендз скороговоркой читал молитву.

В ожидании своей очереди, Арсений с любопытством наблюдал за происходившим и рассматривал короля, которого он до сих пор вблизи не видел.

Владиславу на вид можно было дать лет шестьдесят. Черные, с легкой проседью волосы прямыми и довольно жидкими прядями спадали ему почти до плеч; гладко выбритое лицо с высоким лбом, припухшими веками и слегка отвисающей нижней губой, хранило искусно выработанное выражение молитвенной благо-

сти и казалось добродушным. Но когда король поднимал на собеседника свои маленькие, темные и плутовато елозившие глаза, — делалось очевидным, что это впечатление ошибочно, и что Владислав совсем не таков, каким хочет казаться.

Наконец, Зиндрам покончил с представлением польских и литовских витязей и произнес имя Юсуфбея. Последний, приблизившись, приветствовал короля низким восточным поклоном и молча положил к его ногам знамя маршала Валленрода.

— Ты сам захватил это знамя и в единоборстве одолел маршала? — по-польски спросил Владислав. Юсуфбей не понял, но стоявший тут же толмач перевел ему вопрос короля. Татарин ответил утвердительно.

— Хвалю, хвалю! Хотя ты и не христианин, а славный воин, — сказал Владислав. — Чем же ты хочешь, чтобы я наградил тебя? Деньгами?

— Мне не нужно денег, — немного подумав, ответил тысячник. — Но мои волосы и борода уже начали седеть, а у меня нет своего угла. Мне хочется к старости иметь спокойное прибежище, а в Орде я потерял все, что мне принадлежало. Если ты дашь мне небольшой улус, я останусь тут и буду верно служить тебе.

Эта просьба несколько озадачила Владислава, и он вопросительно поглядел на Витовта.

— Чего лучше! Свободных земель у нас по украинам много, а это отличный воин, к тому же он с собою сотни три людей приведет, а то и больше. Если хочешь, я его к себе возьму, — ответил Витовт, делая вид, что не замечает, как при этом насупился Джелал ад-Дин.

Последнему и впрямь жалко было терять своего лучшего тысячника, но Витовт был ему нужнее, а потому он быстро справился с собой и даже одобрительно улыбнулся. Впрочем, он сознавал, что сам виноват: по возрасту, положению и заслугам, Юсуфбею давно следовало быть темником, но Джелал ад-Дин его обходил и еще совсем недавно дал освободившийся тумен другому, совсем молодому тысячнику, только потому, что

тот был хитер и умел льстить. И, конечно, Юсуф-бей был обижен.¹⁾

— Ты кто таков, откуда родом и сколько взял пленных? — спросил в это время Зиндрам, подходя к Арсению. Последний вполголоса ответил на эти вопросы и, поняв, что его сейчас вызовут, принял знамя из рук Гафиза.

— Татарского войска сотник Арсений Карачеев. С бою взял знамя Бранденбургской хоругви и полонил четырех рыцарей, средь которых один комтур, — возгласил Зиндрам, когда Юсуф-бей отошел. — Да сотня его полонила десять рыцарей, из них один фохт.²⁾

Арсений подошел к королю, который смотрел на него с благосклонным любопытством, поклонился и положил перед ним знамя. Затем он стал называть имена всех четырнадцати пленников, которые забывал и безбожно коверкал, но они, стоя за его спиной, громко подсказывали.

Между тем Витовт, — прежде сидевший небрежно отвалиясь на спинку кресла, — скользнув взглядом по лицам этих пленников, вдруг подался вперед и, опершись сжатыми кулаками о колени, впился в них глазами. В стоящем впереди он сразу узнал комтура Маркварда фон Зальцбаха, который несколько лет тому назад, будучи послом великого магистра, жестоко оскорбил самого Витовта и его мать. Оглядев внимательно остальных, литовский князь с удовольствием обнаружил среди них фохта фон Шенбурга, который приезжал к нему вместе с Марквардом и не уступал последнему в грубости.

Злорадная улыбка пробежала по тонким губам Витовта. Он поглядел на Арсения почти восхищенным

¹⁾ Позже Юсуф-бей был полковником польско-литовского войска и получил польское шляхетство герба «Радван». От него идет род Юзефовичей.

²⁾ Фохт — рыцарское звание, ниже командора.

взглядом и, склонившись к королю, стал что-то быстро говорить ему вполголоса. Арсений понял, что речь идет о нем, ибо до него долетали обрывки фраз:

«...не татарского войска, а моего... Из Карачевских князей, хотя и родился в Орде, — после все расскажу... христианскую веру принял давно... Доблести беспримерной и достоин самой высокой награды.»

Закончив, Витовт снова откинулся на спинку кресла и поощрительно улыбнулся Арсению. Король тоже глядел на него с явным благоволением.

— Господь помог тебе совершить славные подвиги, и я молитвенно благодарю Его за то, что Он посылает мне таких слуг, — промолвил Владислав и, привычным движением возведя глаза к небу, пошептал что-то. Потом сказал: — Но ты еще совсем молод. Вероятно это твоя первая война?

— Первая, светлейший король, коли не считать того, что довелось мне участвовать в мелких стычках, да однажды отбивать осаду, — кланяясь, ответил Арсений.

— Воистину замечательное начало! Знамя и четыре взятых в плен рыцаря! Этим мог бы гордиться и прославленный воин. Подойди сюда, сын мой, — добавил Владислав и поднял со стола рыцарскую перевязь.

Сердце Арсения затрепетало от радости: в девятнадцать лет получить рыцарский сан от самого короля! Широко перекрестившись, он шагнул вперед, готовясь опуститься на колени, как то делали другие.

— Но ты схизматик! — воскликнул Владислав, заметив, что он перекрестился справа налево. — Я думал, что ты исповедуешь истинную веру. Впрочем, никогда не поздно принять ее, — добавил он.

Арсений не понял, что такое схизматик, но зато очень хорошо понял и намек короля и то, что становиться на колени уже не нужно. Взглянув прямо в лицо Владиславу, он сказал:

— Я не столь давно принял христианскую веру и еще плохо разбираюсь в этих делах. Но мой отец очень

ученый и мудрый человек, и если он тоже стал схизматиком, значит это и есть истинная и самая лучшая вера!

Глаза короля вспыхнули гневом. Но он сейчас же овладел собой и принял свой обычный елейно-смирренный вид.

— Я скорблю о заблуждениях твоего отца и твоих, — сказал он, кладя перевязь обратно на стол, — и буду молить Господа нашего Иисуса Христа, чтобы Он просветил и спас ваши души. А сейчас иди. Благодарю тебя. Мы с князем Витовтом подумаем, чем тебя наградить.

Возмущенный и разочарованный Арсений отошел в сторону. Все это не укладывалось в его голове и казалось какой-то нелепостью. Разве подвиг перестает быть подвигом, если его совершил человек другой веры? И разве татарские ханы, которых тут называют погаными, прежде чем наградить храбреца спрашивают — суннит он или шиит?¹)

Очевидно поняв, что происходит в душе Арсения, несколько минут спустя к нему подошел князь Витовт.

— Ты не печалься, — сказал он, — таков уж король Владислав, — для него дела веры это главное. Я твоему родителю говорил, что для вас будет лучше, коли примете вы католичество, да он меня не послушал. Ну, да теперь что о том говорить! Славные же подвиги твои тем не умаляются, что ты православный, и я о них не забуду, коли король забудет. А что он тебя не возвел в рыцари, то пустое: и без его перевязи ты рыцарь, потому что таким родился и чего стоишь всем вчера показал.

— Спасибо, княже великий, на добром слове. Похвала полководца, который шел в битву впереди своего

¹) Сунниты и шииты — два основных, но противоречивых направления в исламе.

войска, мне дороже, чем награда того, кто стоял сзади, с молитвенником в руках.

Витовту понравились эти слова. Он в душе ненавидел и презирал убийцу своего отца, — Владислава, в прошлом не раз поднимал против него оружие и не исключал такой возможности в будущем. И сейчас он понял, что в лице Арсения всегда будет иметь пламенного сторонника.

— Ну, ладно, — сказал он, — об этом деле мы еще побеседуем. А сейчас вот что: ты не уступишь ли мне двух твоих пленников? Я дам за них, вестимо, хороший выкуп, не меньше того, что они бы и сами дали.

— Бери без выкупа, пресветлый князь, я рад услужить тебе. Которых тебе надобно?

— Комтура Маркварда и фохта фон Шенбурга. Только без выкупа не возьму, почто обижать тебя? Ты за них жизнь на кон ставил. Коли не хочешь денег, проси что тебе любо.

— Коли так, поменяй мне их на пушки, князь. Мы их у немцев, почитай, больше сотни отбили, только все они, вестимо, идут в твое и в королевское войско. Так вот, если дашь мне по пушке за каждого рыцаря, они бы нам в Карачеевке вельми сгодились на случай татарских набегов.

— Бери не две, а четыре! Мне от того прямая польза, что вы мою окраину будете от Орды защищать. Доспехи и оружие этих рыцарей тоже оставь себе, — там, куда я их отправлю, доспехов не носят, — усмехнулся Витовт. — Ну и сверх того все же дам тебе по тысяче злотых за каждого немца, и ты своему государю не перечь: коли так не хочешь, прикажу, чтобы взял!

ГЛАВА 26.

«Литовский князь последовал бы королевским велениям, если бы его снова не раздражили заносчивые речи крестоносцев Маркварда и Шонберга. Оскорбленный их словами, слишком дерзкими для пленников, он велел отправить их на казнь, причем король Владислав уже ему не препятствовал.»

Ян Длугош

Витовт по натуре не был злопамятным и умел прощать обиды. Но такого оскорбления, какое нанесли ему рыцари Зальцбах и Шенбург, простить было нельзя, и он давно таил надежду когда-нибудь свести с ними счеты.

Теперь они были в его руках, но дело осложнялось тем, что король Владислав строжайше приказал никому из пленников обид не чинить и обращаться с ними милостиво. Даже тела великого магистра, маршала Валленрода, Куно фон Лихтенштейна и нескольких убитых командоров, он велел с подобающей честью отправить в столицу Ордена, Мариенбург, для достойного погребения. Конечно, во всем этом им не столько руководили христианские чувства, которыми он прикрывался, как простая осторожность: война еще не была окончена. На стороне Ордена могли выступить его союзники, венгры и чехи, и было неблагоразумно давать им к этому лишний повод.

Таким образом, чтобы отсечь головы своим обид-

чикам, Витовту нужно было получить особое разрешение короля, но последний в нем отказал.

— Недостойно христианина предаваться низменному чувству мести, — назидательно сказал он, выслушав своего двоюродного брата. — И не подобает нам проливать кровь тех, кого мы победили не столько силою оружия, сколько соизволением и помощью Божьей. Будем помнить, что Христос, всеблагий и кроткий, заповедал нам милосердие даже к врагам.

Поняв, что Владислав прочно сел на своего любимого конька, Витовт перестал настаивать и в сердцах вышел из королевского шатра.

Оставалось одно: заставить рыцарей признать свою вину и публично просить прощения. Но когда вечером их привели в шатер к Витовту, последний сразу почувствовал, что это нелегко будет сделать: оба держались гордо, не обнаруживая ни малейшего страха, и глядели на него почти с открытой насмешкой.

— Может быть, ты думаешь, рыцарь, что я уже забыл те дерзкие слова, которые ты сказал мне, когда приезжал послом в Вильну? — помолчав, спросил Витовт, обращаясь к Маркварду. — Но не тешь себя такой надеждой: я их очень хорошо помню!

— Если бы ты и забыл, в том беда небольшая, — усмехнулся комтур: я бы тебе повторил их еще раз!

— Молчи, собака! — крикнул взбешенный Витовт. — Воистину Бог помутил твой разум: теперь, когда ты в моей власти, вместо того, чтобы валяться у меня в ногах и молить о прощении, ты смеешь так говорить со мной!

— Только варвар, не знающий, что такое рыцарская честь, мог подумать, что фон Зальцбах способен валяться у кого-то в ногах, — надменно ответил Марквард. — Я не боюсь ни тебя, ни того, что меня ожидает, ибо, как рыцарь, всегда был готов встретить смерть с достоинством и без страха.

— А я жалею лишь о том, — вставил фон Шенбург, — что тогда, в Вильне, я был скромнее моего славного товарища. Можешь казнить нас, и ты увидишь, как

умирают настоящие рыцари. Но помни: военное счастье переменчиво и вы дорого заплатите за вашу случайную победу!

С трудом преодолев желание тут же изрубить дерзких рыцарей в куски, Витовт хлопнул несколько раз в ладоши.

— Увести этих негодяев! — крикнул он появившейся страже. — Да в цепи их!

Пленников увели, а Витовт, полный бешенства и решимости, снова отправился к Владиславу.

— Светлейший король! — воскликнул он, едва переступив порог. — Ты мне не позволил наказать наглецов, оскорбивших меня, твоего брата. И они, пользуясь твоей защитой, сейчас оскорбили меня вторично! Я пришел требовать их казни!

— Христос сказал... — начал было Владислав, но Витовт, потеряв остатки самообладания, перебил его:

— Не юродствуй, Ягайло! Мне ли не знать тебя! Ты разыгрываешь святого, хитришь и боишься, кажется, всего, кроме того единственного, что тебе действительно угрожает: что я завтра уведу свое войско назад, в Литву! Клянусь тебе, я это сделаю, если ты еще будешь читать мне проповеди и упорствовать в защите наших врагов и оскорбителей!

Во время этой гневной тирады Владислав оставался совершенно спокойным, во всяком случае ни одним движением лица не выдал своих чувств. Поглядев на Витовта с кроткой укоризной, он ответил:

— Ты, кажется, не понял меня, дорогой брат: я сказал тебе, что Господь не позволяет из чувства мести проливать кровь и что Он заповедывал нам милосердие к побежденным врагам. Как христианский король я обязан требовать, чтобы заповеди Господни не нарушались. Но я не буду возражать, если ты проявишь милосердие к этим врагам, избавив их от земных страданий и сделаешь это без пролития крови, — добавил он и в его глазах на мгновение зажглись лукавые огоньки.

Витовт понял. Молча он поклонился королю и стремительно вышел из шатра. Хотя ему и удалось добиться своего, от слов Владислава душу его мутило отвращением, будто он прикоснулся к гниющей падали.

Час спустя комтур Марквард фон Зальцбах и фохт Иоганн фон Шенбург были повешены.

ГЛАВА 27.

«Мы находим необходимым, чтобы рабы, обращаемые братьями Ордена в христианство, получали там¹⁾ от господ хотя бы столько свободы, чтобы они могли ходить в церковь на богослужения.»

Из буллы папы Григория 9, в 1238 г.

Итоги Грюнвальдской победы оказались блестящими. Рыцари потеряли около сорока тысяч убитыми и пятнадцать тысяч попало в плен. Были взяты пятьдесят два знамени,²⁾ сто полевых бомбард, горы другого оружия и доспехов; почти все высшие военачальники Ордена были убиты в сражении. Из всего грозного войска тевтонов спаслась лишь седьмая часть.

Однако разгром орденской Пруссии не был полным, — предстояло еще завершить его, и это надо было сделать как можно скорее, пока рыцари не опомнились и не собрали нового войска. И прежде всего следовало, не теряя дня, двигаться на Мариенбург и овладеть им. Столица крестоносцев была фактически беззащитна, ибо, отправляясь в поход, великий магистр Ульрих фон Юнгинген оставил там в качестве гарнизона всего несколько десятков наименее боеспособных людей. Потрясенные известием о гибели своего войска, они, не-

¹⁾ Имеется в виду Пруссия.

²⁾ В этом сражении Тевтонский Орден потерял знамена всех своих полков, в числе пятидесяти одного и большое Прусское знамя, сопровождавшее великого магистра. Это вполне достоверно, т. к. все эти знамена потом хранились в краковском кафедральном соборе и Ян Длугош уже 28 лет спустя сделал их подробное описание и зарисовки.

сомненно, сдались бы без всякого сопротивления, как сдавались в эти дни все другие города и крепости Пруссии. Там же, в столице, находилась и вся орденская казна, потеряв которую, рыцари не смогли бы в ближайшее время создать новое войско и оплачивать наемников.

От Грюнвальда до Мариенбурга можно было дойти за два дневных перехода, — расстояние не превышало ста верст. И многие военачальники, во главе с Витовтом, настаивали на необходимости сделать это немедленно. Но король Владислав ничьих советов не слушал и по обыкновению медлил. Три дня продолжались благодарственные богослужения и победные празднества; только на четвертый войско выступило в поход, но двигалось медленно, захватывая по пути мелкие города и замки, которые сдавались без боя, но тем не менее подвергались полному разграблению, за которым следовали новые пиры и попойки, еще более задерживающие продвижение войска.

Только на двенадцатый день поляки подошли к Мариенбургу. Но почти на неделю раньше их в город уже успел войти командор Свецинской области Генрих фон Плауэн, — вскоре избранный великим магистром, — который привел с собою пять тысяч свежего войска из Померании и собрал сюда большую часть рыцарей, бежавших из под Грюнвальда.

Таким образом, польско-литовскому войску теперь предстояло иметь дело не с горсточкой растерявшихся людей, а с многочисленным гарнизоном, который хорошо понимал, что от его стойкости зависит судьба Ордена и потому был полон решимости защищать город до последней возможности.

И более всех такой решимостью был проникнут фон Плауэн, принявший в этот критический момент верховную власть. Он был потомственным тевтонским рыцарем: один из его далеких предков вступил в Орден еще в Палестине, и с тех пор в каждом поколении кто-нибудь из фон Плауэнов носил белый плащ с черным крестом. И потому теперь, когда от его действий зави-

село спасение или гибель всего созданного этими предками, — он острее чем кто-либо чувствовал свою ответственность перед ними и допускал только две возможности: или, несмотря на отчаянное положение, победить врага, или, в крайности, добиться таких условий мира, при которых Орденскому государству будет обеспечено дальнейшее существование, хотя бы ценою крупных территориальных потерь. В том, что эти потери позже удастся вернуть, фон Плауэн, хорошо знавший историю Ордена, нисколько не сомневался.

Эта история, по существу, была сплошною цепью военных авантур и захватов. Орден был основан в 1128 году в Иерусалиме, которым незадолго до того овладели крестоносцы, и первоначально назывался братством святой Марии Тевтонской. Своею целью оно ставило помощь и заботу о приезжающих в Палестину германских паломниках, но очень скоро установки его изменились и скромное братство превратилось в военномонашеский орден, получивший название Тевтонского, ибо пополнялся он главным образом представителями немецкой аристократии. В Палестине этот орден особенно не возвысился и такой роли как тамплиеры или иоанниты не играл, — вероятно потому, что в борьбе, которая в то время началась между Ватиканом и германскими императорами, явно держал сторону последних.

Когда султан Салах ад-Дин отвоевал у крестоносцев Святую Землю, Тевтонские рыцари нашли прибежище в Венеции, но вскоре венгерский король Андрей Второй отдал им на ленных правах Трансильванию, с тем что они будут защищать ее от половецких набегов. Однако рыцари немедленно начали истреблять там коренное население и заселять страну немцами, вследствие чего венгерский король два десятка лет спустя их оттуда изгнал.

Нового покровителя Тевтонские рыцари нашли в лице польского князя Конрада Мазовецкого, который

предложил отдать им во владение Кульмскую землю, на границе с Боруссией, с условием, что они будут защищать Мазовию от нападений боруссов, а заодно обращать их в христианство¹⁾. Великий магистр Ордена это предложение принял, но отнюдь не собираясь ограничивать свою деятельность защитой земель Мазовецкого князя, он заблаговременно попросил у германского императора Фридриха Второго грамоту на владение Боруссией, «дабы ввести там добрые обычаи и законы укрепления веры Христовой и мира между жителями». Боруссия Фридриху не принадлежала, — надо было еще завоевать ее, а поелику это собирались сделать его единоплеменники тевтоны, — он такую грамоту охотно выдал.

Но оказалось, что на шкуру еще не убитого борусского медведя имелся второй претендент: за несколько лет до этого, римский папа, тоже считавший себя вправе распоряжаться чужими землями, выдал такую же грамоту на владение Боруссией своему епископу Христиану. Получив эту грамоту, Христиан попробовал организовать против боруссов крестовый поход, но в этом не преуспел. Однако, Боруссию он уже считал своим законным владением и уступить ее тевтонам не соглашался. Три года по этому поводу шли препирательства между папой и германским императором и наконец решили на том, что Орден получает Боруссию, но признает приоритет епископа Христиана и обязывается платить ему дань. Впрочем, такое положение длилось не долго: несколько лет спустя, Христиан попал в плен к боруссам, где, очевидно, ему помогли умереть, после чего тевтоны остались тут полными хозяевами и без помехи приступили к захвату борусских земель.

Это завоевание шло, конечно, под флагом насаждения христианства и проводилось с немецкой методичностью: захватывалась определенная область, на ней, пользуясь трудом поработанного населения, строились

¹⁾ Воруслы принадлежали к литовскому племени и были язычниками.

каменные замки и укрепленные города, затем это население уничтожалось и на его место привозились колонисты из Германии. Таким образом область превращалась в чисто немецкую и даже претендовать на нее больше было некому. Потом продвигались дальше, строя новые города и замки.

Боруссы сопротивлялись как могли, — бывали моменты, когда они поднимались поголовно и с помощью литовцев наносили тевтонам серьезные поражения, но на подмогу последним сейчас же приходили Ливонские рыцари и многочисленные добровольцы из Германии, и немецкий вал, раздавив непокорных, продолжал двигаться вперед.

К началу 14 столетия тевтоны полностью овладели всеми землями боруссов, которые превратились теперь в германскую Пруссию, а также и славянским Поморьем, принадлежавшим Польше, что лишило ее всех выходов к морю. Польский король Локоток обратился к суду папы Иоанна 22, последний решил дело в его пользу, но рыцари, опираясь на германского императора, этому решению не подчинились. Поморье обратилось в немецкую Померанию, а населявшее его славянское племя кошубов было уничтожено без остатка.

Застроив покоренные области крепостями и замками, полностью их германизовав и создав тут мощное государство, главою которого являлся пожизненно избираемый великий магистр, тевтоны приступили к захвату литовских и польских земель, с применением тех же методов.

Пока дело касалось языческих племен, Ватикан эти методы вполне одобрял и оказывал Ордену неизменное покровительство. Но положение изменилось, когда деятельность рыцарей стала распространяться на католическую Польшу, где всех чинимых ими насилий, грабежей и зверств уже нельзя было оправдывать «насаждением христианства», тем более что тевтоны не церемонились и с владениями католических епископов. Теперь папы начали увещевать и протестовать, а когда

это не возымело никакого действия, — даже посылать рыцарям проклятия. Но капитул Ордена не обращал на это внимания, оправдываясь тем, что в Польше и в Литве настоящего христианства нет, и оно там служит лишь вывеской, прикрывающей языческую сущность.

Но сам Орден этого упрека заслуживал в гораздо большей степени, ибо он давно утратил свою духовно-религиозную основу и внешним благочестием только прикрывал чисто хищнические действия. При вступлении в Орден рыцари по-прежнему давали обеты верности Церкви, скромности, послушания и целомудрия, но смотрели на это как на простую формальность и вели вполне светский образ жизни, соперничая друг с другом в роскоши, а с авторитетом папы считались только тогда, когда им это было выгодно. Германский император значил для них гораздо больше.

Несмотря на папские протесты, их нападения на Польшу и Литву не прекращались в течение всего 14 столетия, что и привело в конце концов к Грюнвальдскому поражению и к тому, что судьба Ордена повисла теперь на волоске. Она должна была решиться под стенами Мариенбурга, и все сейчас зависело не столько от мужества сражающихся сторон, сколько от личных качеств и способностей короля Владислава и командора Генриха фон Плауэна.

ГЛАВА 28.

«Если бы фон Плауэн не пришел столь быстро и своей кипучей деятельностью и умением не укрепил дух защитников, то было бы покончено не только с Мариенбургом, но и со всем Орденом крестоносцев.»

Ян Длугош.

Мариенбург или, как поляки называли его, Мальборг, вот уже сто лет бывший столицей Ордена, стоял на правом берегу Ногаты, одного из рукавов Вислы. Тут, среди ровной местности, возвышался приземистый круглый холм, на котором рыцари и поставили свой замок, превратив весь этот холм в сильнейшую цитадель, с тремя поясами высоких зубчатых стен и множеством массивных башен.

Таким образом вся твердыня тевтонов делилась как бы на три отдельных крепости. На самой вершине холма стоял храм святой Девы Марии с устремленными в небо готическими шпилями, а вокруг него лепился так называемый Высокий замок, окруженный толстыми кирпичными стенами и рвом. В этом замке помещались органы управления, монастырь, резиденция великого магистра, здание капитула, казначейство и все святыни и сокровища Ордена. Несколько массивных дубовых ворот, украшенных черными крестами, соединяли этот замок со Средним, расположенным по кругу на склонах холма, обращенных в широкие террасы. Здесь размещались все наиболее знатные рыцари, склады оружия и обмундирования, пороховые и винные погреба и часть продовольственных складов. Этот замок был опоясан

особенно мощными каменными стенами со множеством приземистых квадратных башен и глубоким рвом, с перекинутыми через него подъемными мостами.

Внизу, у подножия холма ютился укрепленный военный городок или Предместный замок, тоже окруженный крепкими стенами и широким рвом. Тут находились обширные казармы и конюшни, огромные зернохранилища и продовольственные склады, в которых хранились запасы, достаточные на два года осады, арсенал, пушечный и ядерный двор, пороховой завод, госпиталь, склады строительных материалов, всевозможные мастерские, кузницы, мельницы, цейхгаузы, хлебопекарни, дворы для воинских упражнений, дома служащих и все прочее, что было необходимо для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь, снабжение и обороноспособность грозного гнезда рыцарей, даже в условиях длительной осады.

С внешней стороны всех этих укреплений, уже на ровной и незащищенной местности, раскинулось обширное предместье, которое по существу и было городом Мариенбургом, ибо тут жила вся мирная часть населения столицы: торговый и рабочий люд, всевозможные ремесленники и дельцы, со своими мастерскими, лавками и предприятиями, уже не общинно-орденского, а частного характера.

При приближении польского войска все здешние жители вынуждены были покинуть свои жилища и, — за исключением пригодных к обороне, которых взяли в замок, — бежать кто куда может, ибо фон Плауэн приказал разрушить и сжечь город, чтобы неприятель не мог его использовать как укрытие на подступах к крепости.

Когда подошли передовые польско-литовские отряды, уничтожение города еще не было закончено. Застилая окрестность едким дымом, в разных местах пылали пожары, но почти все постройки тут были кирпич-

ными или глинобитными и потому огонь среди них распространялся медленно, сжигая лишь деревянные части зданий и крыши. В полосе, прилегающей к крепости, отряды рабочих и воинов, довершая работу огня, рушили уцелевшие стены, действуя тяжелыми бревнами, как таранами. Кое-где в дыму мелькали белые плащи конных рыцарей, руководивших этими работами.

Вся западная часть города была еще почти цела, — ее только начинали жечь и рушить, — а потому подошедшие сюда передовые части литовской конницы, среди которых была и сотня Арсения, сразу же попытались захватить ее. Но рыцари были наготове и дали атакующим сильный отпор: с крыш и из окон окраинных домов на них градом посыпались стрелы, а когда Арсению, скакавшему впереди своей сотни, все же удалось ворваться в ближайшую улицу, навстречу ему грянул оглушительный выстрел и вокруг на разные голоса завывала резаная свинцовая картечь. Арсений, защищенный прочной кольчугой, от нее не пострадал, но конь его сразу подвернул колени передних ног и начал валиться на бок. Кто-то из подскакавших нукеров сейчас же уступил сотнику своего, и Арсений с десятком воинов без промедления бросился вперед, к перекрестку, откуда вползал теперь в улицу черный язык порохового дыма.

Зарубить четырех пушкарей и овладеть стоявшей здесь пищалью оказалось делом одной минуты. Но пищаль была тяжела и длинна, вывезти ее на седле нечего было и думать, а потому Арсений приказал троим своим воинам спешиться и взять ее на плечи. Не отошли они и десяти шагов, как один упал, пораженный стрелой, пущенной почти в упор из окна ближайшего дома. Стрелы засвистали со всех сторон, и еще один нукер, убитый наповал, свалился с коня, другой получил рану в ногу. Оглядевшись, Арсений увидел, что в конце улицы показался отряд одетых в доспехи рыцарей, быстро приближающихся к ним. Не хотелось отказаться от захваченной пищали, но благоразумие подсказало Арсению, что надо бросить ее и отходить. Потеряв по

пути еще двух воинов, сраженных стрелами, его маленький отряд, по пятам преследуемый рыцарями, едва успел выскочить из города.

В продолжение этого дня и почти всего следующего, тевтоны успешно отражали все попытки неприятеля проникнуть в город, разрушение которого тем временем продолжалось. Только к вечеру этого второго дня к Мариенбургу подошли главные силы союзного войска, и три лучших польских хоругви, бросившись на приступ, сломили сопротивление защитников и заставили их укрыться за стенами Предместного замка.

Теперь выяснилось, почему тевтоны с таким упорством защищали развалины предместья, которое сами же предполагали оставить без сопротивления: в стене Нижнего замка оказалась большая брешь.

Уже несколько лет тому назад, копая во дворе этого замка яму для каких-то хозяйственных надобностей, рабочие возле самой стены обнаружили подземный родник. Это было весьма кстати, — рядом стояла казарма, и вода была тут очень нужна. Родник выложили камнем и широко им пользовались, что вызывало усиленное движение подпочвенных вод, которые постепенно подмывали стену. И теперь, когда на нее стали втаскивать пушки, ядра и камни, готовясь к обороне, — она рухнула, образовав пролом шириною в добрых пять сажень.

В течение двух дней и ночей рыцари с лихорадочной поспешностью поднимали стену, не давая неприятелю к ней приблизиться. Но все же, когда это случилось, в ней еще оставалась порядочная брешь, через которую можно было ворваться в замок.

Заметив это, начальники польских хоругвей, овладевших предместьем, решили продолжать бой, штурмуя пролом. Но для захвата замка сил у них было явно недостаточно, а соседние хоругви их не поддерживали. О положении дела было доложено самому королю, который и тут остался верен своей обычной медлительности.

— Уже вечер, — ответил он, — и войско устало после похода. Завтра начнем приступ, за одну ночь они пролома не сделают.

Но тут Владислав жестоко ошибся, упустив и эту последнюю возможность, дарованную ему судьбой: наутро стена оказалась восстановленной, а когда поляки все же пошли на приступ, надеясь на ее непрочность, — сверху их засыпали камнями и стрелами, а под конец обрушили два свежесведенных зубца этой стены, задавив более двадцати человек. Польскому рыцарю Петру Олесницкому упавшим сверху камнем так нахлобучило шлем, что его пришлось сбивать с головы молотом.

Отступив от стен, польско-литовское войско обложило крепость со всех сторон и начало правильную осаду, время от времени повторяя приступы. Рыцари их успешно отражали, нанося осаждающим большой урон и в свою очередь часто предпринимали вылазки, особенно первое время: фон Плауэн собирался вступить с королем Владиславом в переговоры и перед этим хотел показать, что он еще достаточно силен.

Наконец, в начале второй недели осады, после особенно успешной вылазки, — когда рыцари ворвались в центр польского расположения и едва не овладели стоявшими тут бомбардами, — фон Плауэн через парламентаря попросил короля о личном свидании с ним.

Получив гарантии безопасности, вечером того же дня он, в сопровождении нескольких рыцарей, выехал из ворот замка и приблизился к черте польского лагеря, где ожидал его Владислав со свитой. Сойдя с коня, командор приветствовал его почтительным поклоном. Король в ответ едва кивнул головой.

— Я готов тебя выслушать, рыцарь, — промолвил он, — ибо надеюсь, что сила польского меча подействовала на тебя и твоих собратьев благотворно и что ты пришел с разумными предложениями.

— Светлейший и христианнейший король! — ска-

зал фон Плауэн. — Сокрушительной силы твоего меча после злосчастливого для нас Грюнвальдского сражения отрицать никто не может. Не буду я отрицать и того, что мы, Тевтонские рыцари, во многом виноваты перед тобою и заслужили полученное возмездие. Но я знаю, что ты добрый христианин и католик и потому думаю, что, покарав нас достаточно сурово, ты смиришь свой справедливый гнев и не будешь стремиться к полному уничтожению нашего славного Ордена, заслуги которого перед христианством и святой католической церковью неисчислимы.

— Так было пока вы приобщали к святой церкви язычников, — перебил Владислав. — Но не теперь, когда вы нападаете на христианские земли.

— Твои слова справедливы, светлейший король. И потому теперь, когда мы своею рукою наказаны за свои ошибки, я, как принявший в эти трагические дни верховную власть над Орденом, предлагаю возвратить тебе Померанию, Кульмскую и Добжинскую земли и все другие области, когда-либо принадлежавшие Польской короне, а также Жмудскую и иные земли, принадлежавшие подвластной тебе Литве. И с тем я уповаю, что ты великодушно оставишь нам Пруссию, которую мы к пользе всего христианского мира отвоевали у варваров ценою больших жертв и многолетних кровавых войн.

Еще месяц назад такой итог войны Владиславу и не грезился, — он бы согласился на возвращение одной Добжинской земли. Но сейчас он был опьянен успехами, почти вся Пруссия находилась в его руках, и он надменно ответил:

— Ты предлагаешь мне то, что и без того мое и что я уже отобрал у вас силою своего оружия. А что до Пруссии, то если вы отвоевали ее у варваров, то я теперь отвоевал ее у вас и думаю, что христианский мир на этом ничего не потеряет.

—Позволю себе заметить, светлейший король, что о завоевании Пруссии еще рано говорить, — оно не завершено, а военное счастье переменчиво. Мы хотим ми-

ра, но мира на справедливых условиях и если, отвергнув их, ты нас вынудишь продолжать войну, у нас еще есть для этого силы.

— Горсточка людей, укрывшихся в этом замке, который мы возьмем не сегодня-завтра! — усмехнулся Владислав. — Впрочем, твои предложения мы обсудим на большом королевском совете, и ты будешь извещен о нашем решении.

На большом совете, который собрался на следующий день, наиболее благоразумные военачальники, и в их числе Витовт, настаивали на том, что следует принять условия фон Плауэна, ибо отказ принудит его защищаться до последней крайности и искать помощи в других странах, что может совершенно изменить течение войны. Но большинство польских вельмож о том не хотело и слышать. «Жадность получить больше, чем предлагали, вела поляков по неверному пути, — пишет Ян Длугош, — и они, вознесясь заносчивостью победителей, не взвесили того, что чередой событий переменчива и что никогда счастье не благоволит только одной стороне».

Фон Плауэну гордо заявили, что все прусские города, замки и области, которые поляки взяли или еще возьмут, останутся за ними навсегда, добавив, что если он немедленно сдаст Мариенбург, то «король не откажет Ордену в подобающем возмещении». Короче говоря, поляки требовали безоговорочной сдачи на милость победителей. Выслушав королевского посланника, фон Плауэн ответил, что если так, — он, защищая существование Ордена, будет бороться до конца.

К этому времени на всей территории Орденского государства только девять городов оставались в руках тевтонов, причем три из них уже были осаждены поляками. Все остальные Владислав роздал в управление своим вельможам и рыцарям, в них стояли польские гарнизоны, страна была разграблена и опустошена, всюду в ней хозяйничали победители.

Положение казалось безнадежным, но благодаря энергичным действиям фон Плауэна, вскоре оно изменилось. Пользуясь беспечностью осаждающих, он сумел под покровом ночи отправить из Мариенбурга несколько гонцов, которые повезли в соседние страны его воззвания и крупные суммы денег на вербовку войска. Не прошло и месяца, как в Пруссию отовсюду стали стекаться добровольцы и отряды наемников. Занятые поляками города и замки один за другим начали переходить в их руки.

ГЛАВА 29.

«После долгих переговоров, на Торуньском острове был заключен и подписан пагубный и позорный для поляков мир с пруссаками, на условиях для Польского королевства несправедливых и невыгодных... Великолепная и достопамятная Грюнвальдская победа сошла на нет и обратилась почти что в насмешку.»

Ян Длугош.

Осада Мариенбурга затягивалась и с каждым днем принимала все более неблагоприятный для осаждающих оборот. Уже через неделю после неудачно окончившихся переговоров, рыцари сделали новую успешную вылазку и, перебив много поляков, захватили у них несколько пушек, а часть остальных переломали. Взбешенные этим поляки ответили яростным приступом, но он был отбит с большим для них уроном.

Вскоре стало известно, что в Пруссию вошел со значительными силами магистр Ливонского Ордена Герман фон Витгенштейн. Владислав выслал против него крупный отряд под начальством князя Витовта, но магистр вступил в переговоры и предложил свои услуги в качестве посредника для сговора и заключения мира. Он долго беседовал с Витовтом наедине и поклялся, что ему во всяком случае будет возвращена Жмудь. Витовт, который именно ради этого вступил в войну и теперь, — видя что король действует неумело и безрассудно, — не надеялся на большее, этим вполне удовле-

творился и потерял к продолжению кампании всякий интерес.

После этого, отправив своих рыцарей на подкрепление тевтонских гарнизонов в Пруссии, сам Витгенштейн вместе с Витовтом приехал в королевский лагерь. Владислав, с которого события уже согнали спесь, в душе обрадовался появлению посредника и пропустил его в осажденный Мариенбург, сказав, что он согласен на условия, предложенные фон Плауэном. Но последний, окрыленный своими успехами и новостями, которые сообщал ему Витгенштейн, теперь об этом не хотел и слышать.

Возвратившись на следующий день из замка, ливонский магистр сообщил о том королю, выразив сожаление, что его посредничество не увенчалось успехом. С ним вместе явился старенький монах, который просил разрешения покинуть крепость и отправиться в ближайший монастырь так как по немощи ему трудно переносить тяготы осады. Владислав приказал пропустить его, но после выяснилось, что этот монах вынес на себе огромную сумму денег для уплаты наемникам фон Плауэна.

Потекли новые дни осады, которая велась теперь вяло. В польском лагере нарастали недовольство и уныние, чему способствовало и новое бедствие: после нескольких штурмов под стенами крепости остались тысячи мертвых тел, которых не могла убрать ни одна, ни другая сторона. Стояла августовская жара, трупы разлагались, отравляя окрестности невыносимым зловонием, вдобавок на них развелись мириады мух, которые наводнили лагерь осаждающих. Начались болезни и дезертирство, принимавшее все более широкие размеры.

Король Владислав, поняв, что дело принимает совсем скверный оборот, снова начал дни и ночи проводить в молитвах. И настал момент, когда ему показалось, что молитвы эти услышаны.

Однажды чешский рыцарь Ясько Сокол, служивший в польском войске, прогуливаясь недалеко от крепостных стен, увидел что прямо перед ним вонзилась в землю стрела с подвязанной к ней запиской. В этой записке чешские наемники, служившие у фон Плауэна, просили его довести до сведения короля, что за сорок тысяч флоринов они предлагают отворить полякам ворота замка в одну из ближайших ночей, когда вступят на стражу. В случае согласия, Сокола просили на этом же месте поставить синий флажок, после чего один из чехов явится ночью сюда для того, чтобы лично договориться обо всем.

Ясько Сокол доложил об этом королю, который тотчас собрал старших военачальников, дабы обсудить полученное предложение. На этом совете мнения разделились. Рыцари Зиндрам, Завиша Черный и некоторые другие находили такой образ действий несовместимым с честью польского оружия. Но Владислав все же уполномочил Сокола продолжать переговоры с чехами, согласившись на их условия.

Между тем татары Джелал ад-Дина, по-прежнему находившиеся в войске Витовта, изнывали от безделия и тоже роптали. В то время как польские отряды разъезжали по всей Пруссии, захватывая города и богатую добычу, их держали под стенами Мариенбурга, — как им не без основания казалось, — именно для того, чтобы этой добычи лишить.

Джелал ад-Дин давно бы уже увел отсюда свои тумены, если бы не нуждался в помощи Витовта для захвата ордынского престола. Волей неволей надо было терпеть. Но обидевшись на поляков, он в их лагере почти не появлялся и время коротал преимущественно с Арсением, которого приблизил к себе как родича и доблестного воина.

В частых разговорах о текущих событиях, связанных с осадой, у них постепенно зародилась и созрела смелая мысль: попытаться взять Мариенбург своими

силами. У Джелал ад-Дина было около тридцати тысяч воинов, — вполне достаточно для выполнения их плана, который сводился к внезапному ночному штурму. Татары стояли под восточной стеной крепости, на участке самом спокойном, откуда осажденные менее всего могли ожидать нападения, ибо до сих пор все приступы велись на них с юго-западной стороны. Заготовив штурмовые лестницы, шесты и крючья, можно было рассчитывать в темную ночь незаметно взобраться на стену и быстро перебить стражу, которая едва ли окажется многочисленной, а пока к ней подоспеет помощь, наверху будут уже сотни татар.

Когда пришли к этому, Арсений вызвался лично произвести предварительную разведку и вплотную осмотреть стену и ров.

В первую же темную ночь, взяв с собою Гафиза, он благополучно приблизился к самой крепости и спустился на дно рва. Оно оказалось ровным, лишь кое-где поросшим небольшими кустиками, но тут внизу было особенно темно и потому, подойдя к стене, Арсений ощупью двинулся вдоль нее, стараясь обнаружить какие либо трещины или выступы, которые могли бы облегчить подъем.

Вскоре рука его коснулась чего-то мягкого. и он увидел веревочную лестницу, свисавшую с верхушки стены. Это его чрезвычайно удивило и обрадовало. Повинуясь первому побуждению, он уже взялся за нее, чтобы лезть наверх, но сразу сообразил, что сейчас этого нельзя делать: конечно, лестница висит здесь не потому, что ее забыли, — кто-то будет по ней спускаться или уже спустился, и она ждет его возвращения. Арсений не сомневался, что это лазутчик, хотевший что-то высмотреть в их лагере. Прежде всего следовало схватить его, а потому он и Гафиз, прикрывшись вырванными поблизости кустиками, затаились у стены и стали ждать.

Не прошло и получаса, как какая-то темная фигура со стороны лагеря спустилась в ров и, подойдя к

стене, начала шарить по ней руками, отыскивая лестницу. Но едва она поровнялась с Арсением, последний, стремительно вскочив, схватил ее за горло и повалил на землю. Пленник почти не сопротивлялся. Вытащив кинжал, Арсений отрезал ему полу кафтана и засунул в рот, а затем передал Гафизу с приказанием не спускать с него глаз и зарезать при малейшей попытке двинуться.

Покончив с этим, Арсений подошел к лестнице и стал осторожно подниматься вверх. План дальнейших действий он уже обдумал. Лазутчика, без сомнения, спускали тайно, соблюдая все предосторожности и тишину, — значит на стене поблизости наверное нет никого, кроме одного-двух человек, которые ждут его возвращения и не подозревают, что вместо него поднимается другой. В темноте они не сразу поймут свою ошибку и этим Арсений рассчитывал воспользоваться.

Когда ему оставалось уже немного до гребня стены, сверху послышался тихий голос, сказавший несколько слов на незнакомом языке. Арсений успокоительным тоном буркнул что-то нечленораздельное и продолжал подъем. Несколько секунд спустя, стараясь не показывать своего лица, он уже ступил на стену и метнул быстрый взгляд по сторонам.

Кроме одного человека, стоявшего перед ним, поблизости никого не было видно. Человек этот, подавшись вперед, снова прошептал что-то на чужом языке, который, однако, не был немецким. Вместо ответа Арсений схватил его левой рукой за горло, а правой, выхватив кинжал, нанес ему два удара в грудь.

Сунув труп под стоявшую в двух шагах пушку, он теперь огляделся лучше. Справа от него, шагах в тридцати виднелась массивная башня, из бойниц которой выбивался слабый свет; другая такая же башня стояла чуть дальше слева. На всем пространстве между ними не было видно ни души, — очевидно оно обслуживалось одним часовым, которого он убил, а вся остальная стра-

жа находилась в башнях. Поняв, что если кто-нибудь выйдет, его примут за часового, Арсений, не таясь, зашагал по стене, стараясь примечать все, что могло оказаться полезным при штурме.

Тут стояло семь пушек, возле каждой из них боченок с порохом и груды каменных ядер; кроме того, было два больших котла со смолой и несколько куч камней. Но крючьев и шестов для отпихиванья штурмовых лестниц нигде не было видно, значит тевтоны с этой стороны приступа не ожидали.

Пройдя два раза все расстояние между башнями и сделал эти наблюдения, Арсений уже думал спускаться, но в этот миг из левой башни вышел человек и направился прямо к нему. Судя по белому плащу, это был какой-то начальник, очевидно проверявший посты. Вытащив кинжал и держа его за спиной, Арсений спокойным шагом двинулся ему навстречу. Минуту спустя они сошлись вплотную, рыцарь начал было говорить что-то, но едва он успел открыть рот, Арсений схватил его за лицо и проткнул кинжалом.

Теперь на стене задерживаться не следовало, да в этом и не было больше надобности. Спрятав и второго убитого под пушку, чтобы его не обнаружили сразу, Арсений направился к лестнице и благополучно спустился в ров. Наверху все было тихо. Забрав Гафиза и пленника, через полчаса он уже входил в шатер Джелал ад-Дина.

Пленный, которого начали допрашивать, оказался чехом. Он сказал, что ходил в польский лагерь для тайных переговоров о сдаче крепости, которые велись по поручению самого короля.

Не очень веря этому, наутро Джелал ад-Дин все же посвятил в дело Витовта. Последний, поговорив с пленником, отправился вместе с ним к королю.

Узнав о случившемся, Владислав пришел в бешен-

ство. С чехом он уже договорился, — три ночи спустя полякам обещали отворить ворота. Но теперь предатель возвратиться в крепость не мог, и все рушилось, ибо обнаружив на стене двух убитых, висящую лестницу и бегство одного из чехов, рыцари, конечно, заподозрили измену и будут настороже.

— Какой негодяй посмел вмешаться в это дело и перехватить человека, с которым я вел переговоры? — кричал король. — Повесить его сейчас же!

— Это один из военачальников хана Джелала, — не сморгнув глазом ответил Витовт. — За что его вешать? Татары ни о чем не были предупреждены и если они заметили и схватили неприятельского воина, который ночью пробрался в наш стан, это только показывает их похвальную бдительность.

— А кто позволил этому ослу лезть в крепость и резать там людей? Повесить за самоуправство!

— Его послал хан, который на своем участке имел полное право производить разведку. И если мы тронем этого человека, честно выполнявшего свой воинский долг, татары, конечно, уйдут отсюда, а то еще и немцам помогут.

— Пускай убираются! От них все равно толку мало.

— Хан Джелал ад-Дин мой союзник, — твердо сказал Витовт. — И если он уйдет, потому что будет несправедливо обижен, уйду и я со всем литовским войском. Кстати, я и сам хотел тебя предупредить, светлейший король, что не думаю тут долго оставаться. При нынешнем положении дел продолжать осаду Мариенбурга по-моему бессмысленно. Война складывается не в нашу пользу и чем скорее мы прекратим ее и вступим в переговоры о мире, тем больше спасем из того, что могли бы получить раньше.

— Осада будет продолжаться, — упрямо сказал Владислав. — И если у других не хватит мужества выстоять до конца и до полной победы над врагом, ее завершит доблестное польское войско! А насчет татарина ты прав, — черт с ним, оставим его в покое.

После этого осада велась еще две недели. Джелал ад- Дин, до которого дошли слухи о недовольстве короля, обиделся вконец и от своего намерения штурмовать крепость отказался. Он даже не поддержал последнего приступа, предпринятого поляками, который был отбит с жестоким для них уроном.

С каждым днем дела осаждающих шли все хуже. В их лагере свирепствовали болезни, дезертирство приняло массовый характер, а в довершение всего королевская казна совершенно опустела и нечем было платить жалованье войску, вследствие чего наемники стали покидать его. Отовсюду приходили вести о том, что тевтоны получают все новые подкрепления и, отбирая у поляков город за городом, вытесняют их из Пруссии и из Померании. Ободрившийся фон Плауэн тоже возобновил вылазки.

Теперь уже многие польские военачальники и рыцари высказывались за прекращение осады. И, наконец, когда пришел слух о том, что на помощь Ордену выступил сам венгерский король со своим войском¹⁾, Владислав решился: девятнадцатого сентября он приказал снять осаду Мариенбурга и отходить в Польшу, потеряв за эти два месяца едва ли не больше людей, чем в Грюнвальдском сражении и обесценив свою победу. По словам Длугоша, «он возвращался на родину скорее в обличи побежденного, чем победителя». Витовт и татары ушли на неделю раньше.

По пути всем им еще пришлось вести частые и иногда очень упорные бои с тевтонами и их наемниками, которые в тылу у поляков уже успели захватить многие города и замки. Только перед самым Рождеством Владислав пришел в Добжинскую землю и распустил свое измученное и недовольное войско.

Вследствие неумелых действий и постоянной медлительности польского короля, Тевтонский Орден не был уничтожен и почти все плоды Грюнвальдской по-

¹⁾ Слух этот оказался неверным.

беды оказались потерянными Но ее последствия все же были благодетельны не только для Польши, но и для всего славянского мира. Эта победа имела огромное политическое и моральное значение, ибо она навсегда положила конец продвижению немцев на восток, а славянским народам показала, что даже при относительном единении они способны защитить свои земли и свою независимость от любого врага.¹⁾

Кроме того, страшное поражение, понесенное под Грюнвальдом, навсегда подорвало силы и дух Тевтонского Ордена. И хотя он просуществовал еще довольно долго²⁾, — с этого времени начал хиреть и, проиграв еще несколько войн Литве и Польше, пятьдесят лет спустя вынужден был признать себя вассалом польского короля, которому великий магистр присягал на верность, получая от него утверждение в должности.

Месяца два спустя по окончании военных действий, после долгих переговоров и личной встречи короля Владислава с великим магистром фон Плауэном, в Торунь был подписан мирный договор, который удовлетворил только Витовта, ибо он получил то, ради чего воевал: Орден возвратил ему Жмудь. Кроме того, тевтоны выплатили победителям денежную пеню в размере ста тысяч марок и возвратили Польше Добжинскую область, но Померания и все другие польские земли, захваченные раньше, остались за ними. В Польше условия этого договора вызвали справедливое возмущение.

¹⁾ Принято считать, что в Грюнвальдской победе значительная доля участия и славы принадлежит и чехам. Документальные данные говорят скорее об обратном, если не считать несомненной доблести и верности отдельных воинов чехов.

²⁾ Как самостоятельное государство Тевтонский Орден прекратил свое существование в 1525 году, а окончательно был уничтожен в 1807 году декретом Наполеона.

ГЛАВА 30.

«Был Арсений Иванович ростом и силою велик, а по доблести из славных славный. И многожды принял он честь от королей и князей великих.

Из архива князей Карачевских.

После осады тевтонской столицы и многих других боев, Арсений со своими людьми в декабре вернулся домой. Долго были они в отсутствии, — полгода матери и жены ежедневно возносили и Христу и Аллаху горячие молитвы о спасении жизни ушедших в этот поход. Не все такие молитвы были услышаны: карачевская сотня потеряла в сражениях около сорока человек. Но остальные вернулись целыми, с богатой добычей, и их возвращение было ознаменовано шумными празднествами. Каждому было что порассказать своим родным и друзьям об этой войне, о себе самих и в особенности о сотнике своем Арсении Ивановиче, который столько славных дел совершил и в Грюнвальдской битве, и под Мариенбургом, и еще во многих других сражениях. Подвиги его, постепенно обрастая все большими домыслами и преувеличениями, вскоре приобрели совершенно легендарный характер и в таком виде прочно закрепились в памяти потомства.

С радостью и гордостью встретили Арсения в семье. Его трофеи тоже были велики, хотя и не совсем обычные: золота и серебра тут не было, но он привез с собою четыре пушки и несколько возов всевозможного холодного оружия, луков, арбалетов и доспехов. Оружие бы-

ло его подлинной страстью, — во время похода он приказал своим людям собирать его на полях сражений и сам собирал, выменивал и даже покупал, где только было возможно. Все это сослужило Карачеевке хорошую службу: теперь она могла выдержать даже серьезную осаду и отразить любой татарский набег.

Доспехи Маркварда фон Зальцбаха были собраны в виде цельной фигуры рыцаря и поставлены в углу трапезной. По рисунку и описанию Арсения было точно воспроизведено и взятое им знамя. Навеки сжатое железной рукой тевтонского командора, многим поколениям оно напоминало о славном подвиге их предка, побуждая быть достойными его.

Арсений знал, что так будет и теперь был спокоен.

— О —

Вскоре после святок умер князь Хотет. Из Карачеевки все приехали на похороны и тут, узнав, что овдовевшая княгиня Юлиана Ивановна думает переселиться на жительство в Вильну, к своему отцу, — Карач-мурза вызвался сопровождать ее. Он и сам давно собирался съездить к Витовту, чтобы просить о расширении своего земельного надела, ибо количество новоселов, оседавших на землях Карачеевки непрерывно росло. Теперь, вдобавок, следовало выяснить судьбу Карачевского княжения, все законные права на которое после смерти Хотета оставались за Карач-мурзой.

Только после сороковин¹⁾ княгиня собралась в путь и в Вильну они прибыли в середине марта.

Князь Витовт, недавно возвратившийся в свою столицу после подписания мирного договора с Тевтонским Орденом, был в отличном настроении и Карач-мурзу принял приветливо. Он много лестного сказал об Арсе-

¹⁾ Сороковины — поминание усопшего в сороковой день после его кончины.

нии, коснулся и минувших войн, потом спросил — спокойно ли ныне на Карачевских рубежах и как идет жизнь на Неручи.

Карач-мурза на эти вопросы ответил обстоятельно и в конце добавил, что отведенные ему угодья быстро заселяются, а людей приходит все больше и потому, если великий князь хочет, чтобы народ и впредь оседал на порубежья, — нужны новые земли. О Карачеве он пока речи не заводил, ожидая, что это сделает сам Витовт. И в том не ошибся, ибо последний, действительно, почти сразу заговорил об этом.

— За землями дело не станет, мне нужно, чтобы те места заселялись. Бери там рядом верховья реки Рыбницы, либо вниз по Неручи, сколько будет потребно, — сделаешь опись и грамоту получишь тотчас. Но ныне надобно мне с тобой об ином потолковать, — помолчав, добавил он. — Князь Иван Мстиславич-то умер. Тебе ведомо, что в государстве своем я с уделами стараюсь покончить, прошла уже их пора. Однако, удел уделу рознь, — от Карачевского княжества мне никакого беспокойства нет, и я его покуда хотел оставить, посадивши на княжение тебя либо твоего сына, который, женившись на дочери покойного князя, получил на это двойное право. Но в таком деле короля Владислава обойти никак нельзя, — надобно иметь его дозволение. И я с ним о том говорил, ибо когда подписывали мы с немцами мир в Торуни, уже мне было ведомо о смерти князя Ивана Мстиславича.

— Так вот, — снова помолчав, продолжал Витовт, — Ягайло, то бишь король Владислав, о том и слышать сперва не хотел. Не зря говорил я тебе в свое время, чтобы ты принимал католичество, — ты меня не послушал, а тут еще твой Арсений короля особо взъярил, сказавши ему при всем народе, что православная вера лучше католической! Король Владислав такого не забывает, и потому он уперся крепко на том, что ни тебе, ни Арсению князем в Карачеве не бывать. Но я стал его уговаривать еще, помянув о праве вашем и о том, что вы люди верные и нужные. Ну, в конце он смягчился и вот его

последнее слово: коли ты и сын твой примете католичество, он свое согласие даст.

— Я вижу, что польский король к нам очень милостив, — промолвил Карач-мурза, — и думаю, что Господь воздаст ему должное за дела его и за такое усердие к своей вере. Но и я от своей ради корысти не отступлюсь, а сын мой на это уже сам королю ответил. Тебя же, пресветлый князь, да спасет Христос за ласку твою и за то, что порадел ты о нашем праве и о справедливости.

— Ну, что же, — сказал Витовт, — коли говорить истину, зная тебя, я иного ответа и не ждал. А если так, Карачевскому княжеству отныне не быть, — будет вместо него Карачевский повет. Старостою на нем тебя ставлю, — на это королевского согласия не нужно, — и даю тебе полную власть, но только будешь зваться не князем, а моим наместником. Держи там порядок, послушникам и смутьянам потачки не давай, а наипаче заселяй рубежи. Край этот обнищал и обезлюдел, надобно снова поднять его и в том на тебя полагаюсь, ибо вижу сколь много преуспел ты на Неручи за короткое время. Коли что будет нужно — скажи, и я помогу. Тебе верю и знаю, что под твоей рукой в Карачевской земле все будет ладно. А когда тебя Бог призовет, если сам буду жив, поставлю на твое место Арсения.

С тем Карач-мурза и уехал. Когда он возвратился домой и рассказал все сыну, тот не удивился и не проявил никаких признаков огорчения.

— Так оно и лучше, отец, — промолвил он: — недостойно было бы нам принимать милости от такого короля. Мы свое и сами возьмем. Придет время, — выметем отсюда всех этих чужих королей, рыцарей и иную нечисть. И землю свою русскую устроим как нам любо.

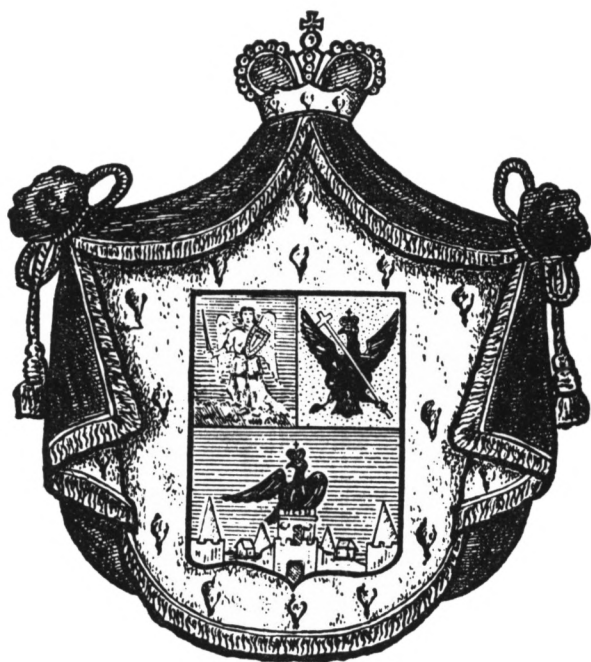
Взяв из рук вошедшей Софьи своего годовалого первенца, Арсений поднес его к железному Маркварду, — стоявшему в углу со знаменем Бранденбургского ко-

мандорства в руке, — и, постучав пальцем о латы рыцаря, сказал:

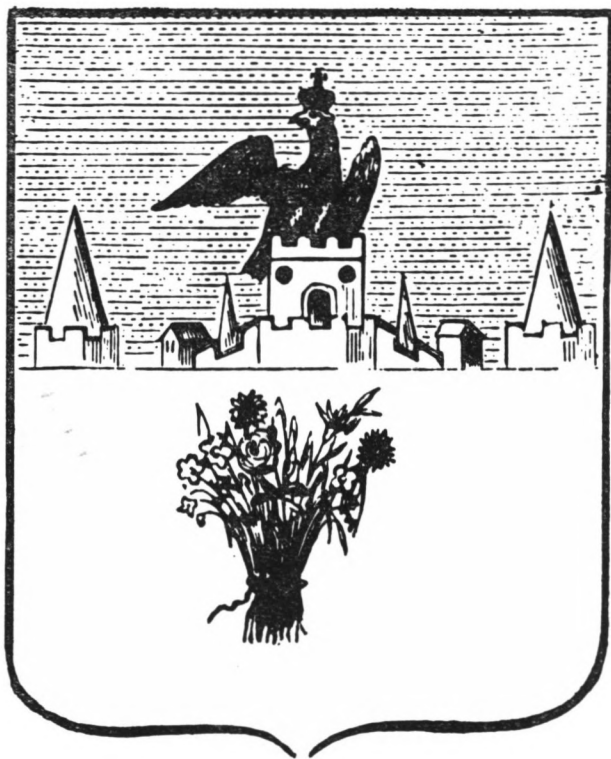
— Гляди, Васюк, какой крепкий дядя, — словно орех! Но ты, когда вырастешь, небось, тоже сумеешь расколоть такой орешек?

И Васюк бодро крикнул — «Угу!» ибо он понимал, что второе известное ему слово, «мама», тут явно не к месту.

Г Е Р Б КНЯЗЕЙ КАРАЧЕВСКИХ

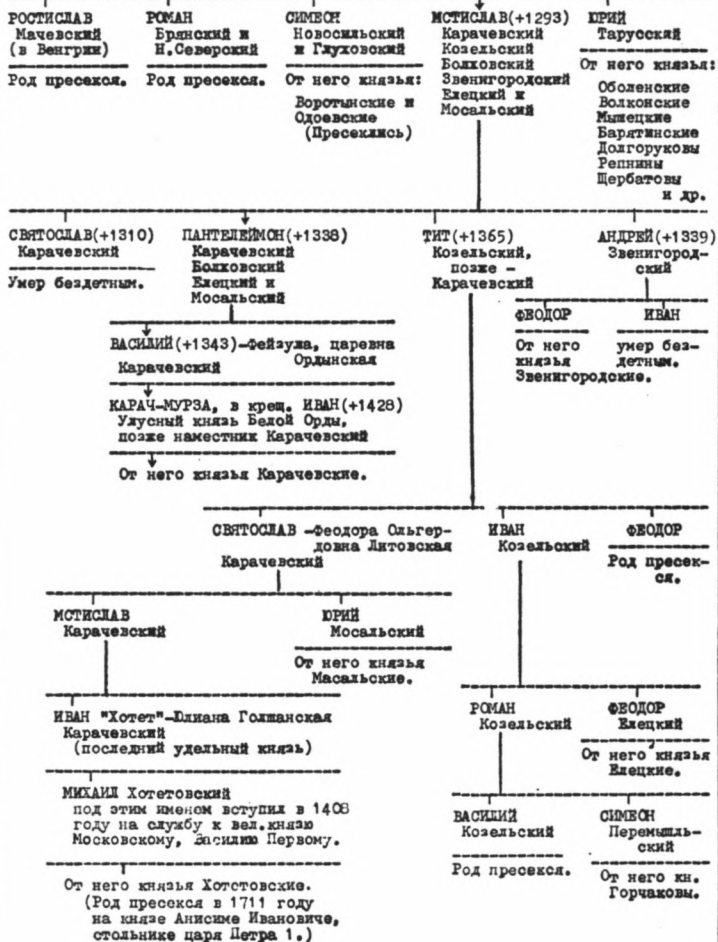

ГЕРБ ГОРОДА КАРАЧЕВА

РОД КНЯЗЕЙ КАРАЧЕВСКИХ:

Св.МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ, В.кн.Черняговский

РОД РЮРИКА И БЕН. КНЯЗЕЙ ЧЕРНИГОВСКИХ.

Данные
МОАКИМОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ,
согласно которой род
Рюрика идет от древно-
го князя СЛАВЕНА, по-
томок которого князь
ВЕНЕДАЙ (надо понимать
князь славянского пле-
мени венедов) был от-
цом Владимира "Древ-
нейшего".

ВЛАДИМИР "ДРЕВНЕЙШИЙ" - Адвинда Варяжская
в 5 веке княжил в городе, на месте
которого позже возник Нов-Город.

↓
БУРИВОЙ - в 9-м колене потомок Владимира
князь Новгородский (конец 8 века)

↓
ГОСТОМЫСЛ (+860 г.)
князь Новгородский.

↓
УМИЛА - Диян, князь славянского племени ругов.
средняя дочь Гостомысла.

↓
ЮРИК - Франда Норвежская ОИНЕУС ТРУВОР
князь Новгородский (862-879)

↓
ИГОРЬ (+945) - СВ. ОЛЬГА (+957)
Вел. кн. Киевский и Новгородский.

↓
СВЯТОСЛАВ (+972) - Малюга Древлянская
Вел. князь Киевский и всей Руси.

↓
ВЛАДИМИР СВЯТОЙ (+1015) - Рогнеда Полоцкая
Вел. князь Киевский и всей Руси.

↓
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (+1054) - Ингигерда Шведская
Вел. князь Киевский и всей Руси.

↓
ИЗЯСЛАВ (+1078)
в. кн. Киевский

↓
СВЯТОСЛАВ (+1076) - София Трирская
в. кн. Черниговский и Киевский.

↓
ВСЕВОЛОД (+1093)
в. кн. Киевский.

Потомство вскоре
пресеклось.

↓
ВЛАДИМИР МОНОМАХ (+1125)
в. кн. Киевский.

От него вел. князья:
Суздальские
Владимирские
Московские
Тверские
Нижегородские
Смоленские

↓
ГЛЕБ (+1078) Новгородский
РОМАН (+1079) Тмутароканский
ДАВИД (+1123) в. кн. Волынский

↓
ОЛЕГ (+1115) - Феодания Музикон.
в. князь Черниговский,
Новгород-Северский и
Тмутароканский.

↓
ЯРОСЛАВ (+1129)
Язганский.

От него в. князья
Язганские и
кн. Муромские
" Пронские
" Коломенские.

↓
ВСЕВОЛОД (+1146) - Анна Киевская
в. кн. Черниговский и Киевский

↓
Св. ИГОРЬ (+1147)
в. кн. Киевский

↓
СВЯТОСЛАВ (+1164) Н. Сев.
ГЛЕБ (+1138) - Курский
ИВАН (+1148) - Рогачевск.

↓
СВЯТОСЛАВ (+1194) - Мария Вас. Полоцкая
в. кн. Черниговский и Киевский.

↓
ЯРОСЛАВ (+1198)
Черниговский

↓
ВЛАДИМИР (+1201)
Переяславский

↓
ВСЕВОЛОД ЧЕРНЫЙ (+1215) - Мария Кадмирровна-
королева Польская
в. кн. Черниговский и Киевский.

↓
МОСТАСЛАВ Курский
ВЛАДИМИР Новгородский
ГЛЕБ Белгородский
ОЛЕГ Новг. - Северский

↓
Св. МИХАИЛ (+1246) - Феодора Романовна Галицкая
Вел. князь Черниговский и Киевский.

АНДРЕИ

ЭПИЛОГ.

Через несколько месяцев после Грюнвальдской битвы Джелал ад-Дин при помощи Витовта овладел Крымом, а потом и Сараем. Русские летописцы, неизвестно почему, называют его Зелени-Султаном и пишут, что для Руси это был плохой хан. Вероятно это объясняется тем, что он во всем поддерживал Литву и с интересами Москвы мало считался. С его воцарением Эдигей ушел в Хорезм и там утвердился настолько прочно, что все попытки Джелал ад-Дина изгнать его оттуда успехом не увенчались.

Но и без Эдигея в Орде было немало претендентов на верховную власть, и уже полтора года спустя Джелал ад-Дин был убит своим младшим братом Керимом-Берди. Этот хан благоволил к Москве и считался русским ставленником, — очевидно великий князь Василий Дмитриевич оказал ему какую-то помощь в овладении престолом. Но он царствовал недолго: через пять месяцев его сверг третий брат, Кепек-Берди, которому помогал Витовт. Однако не прошло и года, как он вынужден был уступить престол Чекрихану, ставленнику Эдигея. Несколько месяцев спустя, у этого хана отобрал Сарай четвертый тохтамьшевич — Кидырь-Берди. Ему удалось продержаться у власти года три-четыре, и он даже успел покончить с Эдигеем, который был убит в 1419 году. Но непрерывная смена ханов и усобицы продолжались и после его смерти, что через два десятка лет привело к окончательному распаду Орды на отдельные ханства: Казанское, Крымское, Сибирское, Астраханское, Ногайское, Казахское, Узбекское и другие.

Московская Русь до конца княжения Василия Дмитриевича, — который умер в 1425 году, — продолжала жить относительно спокойной жизнью и с соседями сохраняла мирные отношения, чему, конечно, способствовало то обстоятельство, что все эти соседи хорошо чувствовали ее внутреннюю мощь.

Власть и популярность Витовта после Грюнвальдской битвы сильно окрепли, и следующие двадцать лет были для Литвы периодом наибольшего могущества и расцвета. Витовт поднял благосостояние своей страны на небывалую дотолу высоту и непрерывно расширял ее пределы. Искусно пользуясь царившей в Орде разрухой, он постепенно овладел черноморским побережьем от Днепра до Днестра и поставил там ряд крепостей; путем новой победной войны с Тевтонским Орденом продвинул свои границы и на запад. И, наконец, посредством ловких дипломатических ходов заключив с Москвой, Тверью и Рязанью чрезвычайно выгодные для себя договоры, получил полную свободу действий в отношении Пскова и Новгорода, которые, хотя и не перешли под его прямую власть, в торговом и политическом отношении оказались под его влиянием. Конечно, никто из других литовских князей теперь и думать не мог о каком-либо соперничестве с Витовтом, и даже король Владислав старался не вмешиваться в его дела, понимая, что в польско-литовской унии ведущая роль фактически перешла к Литве.

Годы как будто бы не сказывались на жизнедеятельности Витовта, — бодрость, ясный ум и кипучую энергию он сохранил до конца жизни. Овдовев в шестидесятивосьмилетнем возрасте, он, едва миновал срок траура, женился на своей бывшей воспитаннице, вдове Карачевского князя Юлиане Ивановне, которая была на двадцать пять лет моложе его и еще сохранила свою редкую красоту.

Таким образом, все складывалось для Витовта удачно, Литва под его управлением превратилась в огромное и могущественное государство и теперь ему не

хватало только королевской короны, о которой он давно мечтал. Наконец, в 1430 году он добился и этого: император Сигизмунд согласился короновать его и объявить Литву независимым королевством, на что король Владислав вынужден был дать свое согласие, ибо противиться можно было только опираясь на силу, а она была на стороне Витовта.

Итак, сговор состоялся и был назначен день коронации, который Витовт готовился отпраздновать с небывалой пышностью. По его приглашению в Вильну прибыли великие князья Московский, Рязанский и Тверской, гроссмейстеры Тевтонского и Ливонского орденов, татарские ханы, представитель византийского императора и другие высокопоставленные гости. Приехал и король Владислав, который, несомненно, знал, что произойдет.

А произошло следующее: польская шляхта, отнюдь не желавшая отделения Литвы, перехватила в пути императорского посла с короной, которую он должен был возложить на Витовта.

Коронация была сорвана, вместо нее получился грандиозный скандал. Владислав, делая вид, что возмущен больше всех и лицемерно утешая Витовта, предлагал ему свою корону, от которой последний, разумеется, отказался.

Конечно, все принятые решения оставались в силе, это происшествие вызвало лишь задержку и коронация состоялась бы позже. Но восьмидесятилетний Витовт не выдержал пережитого потрясения, — с ним случился удар и вскоре он умер.

Ягайло-Владислав пережил его на четыре года.

— О —

Карач-мурза прожил долгую жизнь, и старость его была спокойной, — он умер в возрасте восьмидесятипяти лет, почти в одно время с Витовтом. Семейные предания говорят, что после него осталась толстая тетрадь в зеленой сафьяновой обложке, листы которой бы-

ли исписаны на каком-то незнакомом языке, — вероятно на арабском. Эта тетрадь долго хранилась в роду его потомков, но никто из них не мог ее прочесть и в конце концов она была утеряна.

В истории своей эпохи Карач-мурза оставил заметные следы, — имя его встречается во многих русских и восточных летописях.

Арсений участвовал, после Грюнвальдской битвы, почти во всех дальнейших походах Витовта и трех следующих за ним литовских государей, — Свидригайла, Сигизмунда и Казимира, прославив себя новыми подвигами. Сын его и внук были литовскими воеводами, но об их жизни почти не сохранилось сведений, а правнука, воеводу Степана Юрьевича, «за службу его за ратную» уже жалует великий князь Московский и всея Руси Василий Третий, ибо к началу его княжения бывшее Карачевское княжество отошло от Литвы к Москве и стало ее наместничеством.

Князья Хотетовские, уже во втором поколении утратив всякую связь с Карачевом, продолжали служить Московским государям, но боярства не выслужили и высоких постов никто из них не занимал.¹⁾ Последний представитель их рода, князь Анисим Иванович, умер в 1711 году, в должности стольника царя Петра Первого. Единственная пережившая его племянница, княжна Ксения Гавриловна, вышла замуж за боярина Кольчева.

Возвратимся, однако, к Арсению. Когда и при каких обстоятельствах он умер, — неизвестно. Но о нем сохранилась любопытная легенда:

За свою воинскую доблесть и прямой, бескорыстный нрав, Арсений особенно полюбился небесному покровителю рода, архангелу Михаилу. И однажды, когда стар уже был Арсений и готовился к смерти, явился ему Архангел и сказал:

¹⁾ Лишь один из них имел звание окольничего.

— Ты прожил славную жизнь и, как воин, не знавший страха и ничем не запятнавший ни руки своей, ни совести, достоин награды. Но о душе своей и о будущей жизни ты мало думал, и потому награда тебе будет земная, а не небесная, — так рассудил Господь. Проси чего хочешь, я исполню твое желание.

И Арсений ответил:

— Истину рек ты, пресветлый Архангел, — не столько я о душе своей пекся, сколько о чести рыцарской да о том, чтобы не осрамить ничем своего славного рода. Сделай же так, чтобы я мог увидеть своими глазами всех предков своих и всех потомков, дабы знать, умирая, занял ли я среди них достойное место.

— Хорошо, — сказал Архангел, — да будет так. Ты не умрешь, доколе не увидишь последнего из своих потомков. И если захочешь, можешь общаться с ними, но жить должен в бедности и в смирении, ни словом ни делом не выдавая, кто ты. Никому из потомков ни в чем не указывай и в судьбы их не мешайся, — ты токмо зритель. И коли эти мои запреты порушишь, — в тот же год умрут все, в ком будет хоть капля твоей крови, и ты сам тоже. Раз в сто лет, в ночь, которую тебе укажу, будут к тебе приходиться семеро твоих предков, доколе не увидишь и не узнаешь их всех. На эту ночь веление бедности и смирения с тебя снимаю, — можешь принимать гостей как знатный витязь, каким был ты доселе. И о душе своей помни, ибо когда свершится все это, предстанет она перед судом Господним, — добавил Архангел и исчез.

А Арсений вскоре принял схиму и ушел в далекую лесную обитель, где его никто не знал.

Когда родилась эта легенда — трудно сказать. Может быть, только в прошлом столетии, когда появился тот повод к ее созданию, который памятен еще и ныне живущим. А может быть такие поводы бывали и раньше, и легенда насчитывает сотни лет. Никто этого не

знает. Наши предки были «ленивы и нелюбопытны», и многие интереснейшие детали прошлого и тайны истории никогда не будут раскрыты только потому, что в свое время никто не проявил к ним должного интереса и знавшие поленились их записать.

Лет сто тому назад в Карачеевку, остатками которой еще владели потомки Карач-мурзы, явился странник, высокий и крепкий старик с белой бородой, которому на вид можно было дать лет восемьдесят. Сказал, что он монах-одиночка и просил дозволения поселиться в лесу, недалеко от усадьбы, где он нашел на берегу реки небольшую пещеру.

Разрешение ему было дано, и старец Амвросий, — так звали отшельника, — прочно обосновался в Карачеевке.

Он расширил свою пещеру, привел ее в жилой вид, соорудил себе стол, скамью и постель, в углу повесил потемневший образ Архангела. Был молчалив и нелюдим, на вопросы о своем прошлом не отвечал. Но по всей округе о нем поползли самые фантастические слухи и толки. Старики из дворни и из окрестных крестьян божились, что его знают. Будто бы, когда были они детьми, уже приходил сюда этот старец, пожил тут какое-то время, а потом исчез. Только звался он тогда не Амвросием, а Арсением, выглядел же как и сейчас — лет на восемьдесят.

Конечно, за полвека можно было забыть черты лица и это был, наверное, другой старик. Но вера в сверхъестественное в людях неистребима, ибо она расширяет тесные рамки жизни и приобщает к вечности, — с нею краше жить и легче умирать. И народ верил, что это не простой старец и что живет он уже многие сотни лет. Может быть отсюда и родилась легенда, но возможно и обратное: легенда существовала раньше и под нее теперь окрашивали события.

К старцу Амвросию все относились с огромным уважением и приписывали ему всевозможные чудеса, но

его суеверно боялись, и без крайней нужды к пещере его никто не приближался. Сам он тоже не любил показываться на людях и в усадьбу, откуда ему посылали все необходимое для жизни, приходил редко, только в тех случаях, когда что-нибудь ему было нужно. При этом он не просил смиренно, а говорил голосом властным, как хозяин, словно и мысли не допускал, что ему могут в чем-либо отказать. И ему не отказывали, тем более что потребности его были очень скромны.

Трудно определить, в какой степени сами хозяева верили в то, что этот старец их отдаленный предок Арсений. Женщины верили. Мужчины стеснялись верить открыто, а в душе, — кто знает? — может быть и допускали такую возможность. Ведь это происходило в прошлом столетии, когда мир чудесного не был окончательно разгромлен. Да многим из тех, кто еще чувствовал свою органическую связь с далеким прошлым, не хотелось и громить его.

Во всяком случае, к Амвросию относились с почтением, а легенду и все, что касалось его жизни в Карачеевке, записали, и это уже само по себе говорит о многом.

Был записан и такой случай: однажды утром, хозяин имения, отставной майор и кавалер Василий Павлович, со всей семьей отправился к кому-то из соседей помещиков. Возвратиться он предполагал к вечеру, вместе с этими соседями и потому, уезжая, велел повару Прошке приготовить хороший ужин и ждать гостей.

Все было исполнено. В положенный час ужин был готов, стол накрыт, на него поставлены бутылки с винами, настойки и ендовы с медом. Но уже стемнело, а хозяева не возвращались. Прошка, вместе со своей женой, ключницей Саней, сидели на кухне, сюда же подошел и дворецкий, — все ждали появления господ. Но вместо них пришел старец Амвросий.

— Все, что у вас наготовлено, — сказал он, — не-

сите в мою келью. Да стол там соберите на восемь человек.

— Я тебя, отец Амвросий, воистину как святого уважаю, — ответил озадаченный дворецкий, — и что хошь для тебя готов сделать, но этого не могу. Чай, сам понимаешь, что мне будет, коли вернется барин с гостями, а ужина нет.

— Сегодня не вернется никто, остались ночевать у соседей. Делай, что я тебе велю!

Амвросия так боялись, что перечить ему больше не посмели. В келье накрыли стол, отнесли туда все бутылки и блюда.

— Теперь уходите, — сказал он. — И когда взойдет солнце, не прежде, — придете забрать посуду.

Слуги ушли и долго толковали на кухне об этом удивительном случае и о том, — кого бы мог ждать в гости старец? Потом, уже поздно ночью, снедаемые любопытством, которое пересилило страх, они подобрались к пещере Амвросия и, спрятавшись в кустах, стали смотреть и слушать.

Таинственные гости уже были в келье и вели себя шумно: всю ночь оттуда слышались громкие голоса, звон посуды и песни. Говорили и пели, будто, по-русски, но хотя и четко долетали до слуг многие слова, только два оказались им понятными: «архангел» и «воевода». И напевов таких они никогда прежде не слышали.

Перед рассветом огонь в келье погас, но было слышно, как отворилась дверь и вышли несколько человек. С того места, где затаилась ключница, в просвете неба между деревьями были видны промелькнувшие тени, — она насчитала их семь. Затем все стихло. Утром, когда дворовые пришли за посудой, Амвросий, стоя на коленях перед ликом Архангела, молился и не обратил на них никакого внимания.

Хозяева, действительно, возвратились только на следующий день после обеда и о заказанном накануне ужине даже не вспомнили. Много позже слуги им по-

ведали о случившемся, причем все трое клялись, что говорят правду.

Говорят, что Амвросий дожил в Карачеевке до революции. В 1918 году имение, — в котором хозяева уже давно не жили, — было разграблено, усадьба сожжена, управляющий убит. На следующее утро после этого погрома, из своей пещеры вышел, с узелком и с посохом в руках, Амвросий.

— Ухожу, — сказал он встретившим его крестьянам. — Но я еще вернусь сюда, когда снова наступит на Руси тишина.

Конечно, все это только «народный эпос». И многие скажут, что тут люди приврали, что слуги, съевши господский ужин, выдумали небылицу, чтобы оправдаться, или что дошлый старик, зная о существовании легенды, ловко ею пользовался.

Что же, — так вероятно и было. Но, все же, спасибо этим вольным или невольным выдумщикам, ибо в том, что они сочинили, заключается неповторимый аромат прошлого. Того прошлого, которое примиряет с настоящим и позволяет с надеждой смотреть на будущее.

И, вопреки разуму, хочется верить в эту легенду и особенно в то, что Арсений еще возвратится...

Конец.

ГЛАВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ТРУДЫ,

которыми пользовался автор в работе над исторической эпопеей «РУСЬ И ОРДА»

А. Русские летописи:

- 1 — 30. Повесть временных лет (летопись Нестора и Сильвестра), Иоакимовская летопись (по Татищеву), Новгородские летописи старшего и младшего извода, Рязанское летописание, Владимирский летописец, Рогожский летописец, Древний летописец 1253-1424 гг., Казанская летопись (Сказание о царстве Казанском).

Летописи: Троицкая, Никоновская, Воскресенская, Лаврентьевская, Ипатьевская, Уваровская, Никаноровская, Пермско - Вологодская, Симеоновская, Суздальская, Ростовская и Литовско-Русская.

Летописные своды: Московский, конца 15 века, Тверской, Устюжский, Черниговский, Киевский, Галицко-Волынский, Псковский, Свод 1497 г. и Сокращенные своды конца 15 века.

Б. Древне-русские труды и документы:

31. Церковный устав князя Владимира Святославича, 10 в.
32. Правда Русьская (устав Ярослава Мудрого), 11 в.

33. Изборник вел. князя Святослава Ярославича, 1073 г.
34. Житие св. Феодосия Печерского, 11 в.
35. Киево-Печерский патерик, 11-12 вв.
36. Устав князя Святослава Ольговича Черниговского, 1137 г.
37. Устав Володимерь Всеволодича (Мономаха), 12 в.
38. Слово о полку Игореве, 12 в.
39. Слово Даниила Заточника, 12 в.
40. Пространная Русская Правда, 12 в.
41. Повесть о разорении Рязани Батыем, 13 в.
42. Слово о князьях, 13 в.
43. Слово о гибели Русской земли, 13 в.
44. Житие св. Александра Невского, 13 в.
45. Духовная Климента Новгородца, 13 в.
46. Ярлыки татарских ханов, 13-14 вв. («Памятники Рус. права»)
47. Духовные грамоты русских князей 13-14 вв.
48. Мерило праведное, — сборник 14 в.
49. Закон судный людем, 14 в.
50. Устав князя Александра Михайловича Тверского, 14 в.
51. Завещание вел. князя Ивана Калиты, 1341 г.
52. Повесть об убиении князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора от царя Батые в Орде, 14 в.
53. Задонщина (слово Софония Рязанца), 14 в.
54. Завещание вел. кн. Дмитрия Донского, 1389 г.
55. Духовное завещание митрополита св. Алексея, 1377 г.
56. Грамота князя Едигея к вел. князю Василию Дмитриевичу, 1408 г.
57. Повесть о житии вел. князя Михаила А. Тверского, 15 в.
58. Сказание о Мамаевом побоище (три различных списка), 15 в.
59. Сказание о побоище вел. князя Дмитрия Ивановича, 15 в.
60. Летописная повесть о побоище на Дону, 15 в.

61. Повесть о начале Москвы, 15 в.
62. Повесть о Московском взятии от царя Тохтамышша, 15 в.
63. Повесть о Митяе, 15 в.
64. Хождение митрополита Пимена в Царьград, 15 в.
65. Слово о жизни и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского, 15 в.
66. Житие святого Алексея митрополита, 15 в.
67. Житие святого Сергия Радонежского, 15 в.
68. Житие святого Стефана Пермского, 15 в.
69. Повесть о Темирь-Аксаке, 15 в.
70. Псковская судная грамота 1462 г.
71. Послание зодчего Василия Еромолина к другу, 15 в.
72. Послание митрополита Спиридона (Саввы), 16 в.
73. Сказание о князьях Владимирских, 16 в.
74. Государев родословец, 16 в.
75. Домострой, 16 в.
76. Послания св. Иосифа Волоцкого, 15-16 вв.
77. Новая повесть о преславном Российском царстве, 17 в.
78. Судебник царя Иоанна 3, 1497 г.
79. Тысячная книга 1550 г.
80. Тетрадь Дворовая 50-х годов 16 в.

В. Древние иностранные источники:

81. Геродот, — «Мельпомена» (четвертая книга Истории) 5 в. до РХ.
82. Квинт Курций Руф, — История Александра Македонского, 1 в.
83. Страбон, География, — 1 в.
84. Прокопий Кесарийский, — Война с готами, 6 в.
85. Йордан — «Гетика», 6 в.
86. Коран, 7 в.
87. Аль-Джахия — «Китаб аль-Бухала», 9 в.
88. Ибн-Хордадбег — Книга путей и государств, 10 в.

89. Ахмед Ибн-Фадлан — Путешествие на Волгу, 921-922 гг.
90. Ибн-Русте — Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах, — 10 в.
91. Ниршахи — История Бухары, 10 в.
92. Константин Багрянородный — Сочинения, 10 в.
93. Абурейхан Бируни, — избранные произведения, 10-11 вв.
94. Арабский аноним, — хроника 11 в.
95. Гельмольд — Славянская хроника 12 в.
96. Никита Акоминат — История Византии, 12 в.
97. Аноним Галл — хроника 12 в.
98. Низами Ганджеви — Пять поэм, 12 в.
99. Усама Ибн-Мункыз — Книга назидания, 12 в.
100. Мухаммед ас-Захири ас-Самарканди — Синдбад-Намэ, 12 в.
101. Абуль Фарадж — Книга занимательных историй, 13 в.
102. Гомбоджаб — История золотого рода владыки Чингиза, 13 в.
103. Ала ад-Дин Джувейни — История завоевателя мира, 13 в.
104. Аль-Джурджани — «Табакат-и-Насири», 13 в.
105. Сирийский аноним — История Мар Ябалахи и раббан Саумы, 13 в.
106. Киракос Гандзакеци — История Армении, 13 в.
107. Себастаци — летопись (армянская), 13 в.
108. Смбат Спарапет — летопись (армянская), 13 в.
109. Стефанос, епископ — летопись (армянская), 13 в.
110. Генрих Латвийский — Ливонская хроника, 13 в.
111. Марко Поло — книга путешествий, 13 в.
112. Джиовани дель Плано Карпини — История монголов, 13 в.
113. Гильом Рубрук — Путешествие в восточные страны, 13 в.
114. Ливонская судебная Правда — 13-14 вв.
115. Герман Вартберг — Ливонская хроника, 14 в.
116. Ибн-Батута — Книга путешествий, 14 в.

117. Ибн-Халдун — Книга назиданий и сообщений о днях арабов, персов и берберов, 14 в.
118. Рашид ад-Дин — Сборник летописей в трех томах, 14 в.
119. » » » «Джами ат-Таварих», 14 в.
120. Ибн-Арабшах — История завоевателя, великого эмира Тимура, 15 в.
121. Гийас ад-Дин Али — Дневник похода Тимура в Индию, 15 в.
122. Низами ад-Дин Шами — «Зафар-Намэ», 15 в.
123. Шереф ад-Дин Али Иезди — История Тимурбека, 15 в.
124. Руис Гонсалес де Клавиho, — Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд, в 1403-1406 гг.
125. Грузинская хронография 14-15 вв.
126. Ян Длугош — История Польши, 15 в.
127. » » — Грюнвальдская битва, 15 в.
128. Посильге — Хроника (германская), 15 в.
129. Лаврентий из Бржезовой — Гусистская хроника, 14 в.
130. Городельский привилей 1413 г.
131. М. Стрыйковский — Польско-литовская хроника, 16 в.
132. С. Герберштейн — Записки о московских делах, 16 в.
133. Рейнольд Гейденштейн — Королевство Польское, 16 в.
134. Гильом де Боплан — Описание Украины, 17 в.
135. Абуль-Гази, хан Хивинский, — Родословная туркмен, 17 в.
136. Конрад Буссов — Московская хроника 1584-1613 гг.

Г. Труды русских и иностранных историков:

137. Артамонов, М. И. — История хозар.
138. » » — К вопросу о происхождении восточных славян.

139. Арциховский, А. В. — Раскопки в 1955 г. в Новгороде.
140. Асеев, Ю. — Древний Киев 10-17 вв.
141. Ахмедов, Б. А. — Государство кочевых узбеков.
142. Бартольд, В. В. — Арабские известия о русах.
143. » » — История Туркестана.
144. » » — История культурной жизни Туркестана.
145. » » — Туркестан в эпоху монгольского нашествия.
146. » » — Очерк истории туркменского народа.
147. » » — Очерк истории Семиречья.
148. » » — Образование империи Чингиз-хана.
149. » » — Отец Эдигея.
150. » » — Монгольская империя и Чагатайское государство.
151. Бахилевич, К. В. (редакция) — Атлас истории СССР..
152. Бахрушин, С. В. — Старая Москва.
153. » » — Княжеское хозяйство 15-16 вв.
154. Беляев, Е. А. — Мусульманское сектантство.
155. » » — Арабы, ислам и арабский халифат.
156. Берг, Р. Л. — По озерам Сибири и Средней Азии.
157. Бернадский, В. Н. — Новгород и Новгородская земля в 15 в.
158. Бертельс, А. Е. — Насир Хосров и исмаилизм.
159. Бершадский, Руд. — Две повести о тайнах истории.
160. Брегель, Ю. Э. — Пословицы и поговорки народов Востока.
161. Брейчевский, М. Ю. — Когда и как возник Киев.
162. Брунов, Н. И. — Московский кремль.
163. Будовниц, И. У. — Поддержка объединитель-

- ных усилий Москвы населением русских городов.
164. » » — Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверских и московских летописях.
165. Бунин, А. В. — История градостроительного искусства.
166. Бесембиев, К. (редакция) — Великие ученые Средней Азии.
167. Веденин, А. — Кремль Москвы.
168. Винокур Т. Г. — Древнерусский язык.
169. Вишневская, В. М. и др. — Русская народная резьба по дереву.
170. Владимирский Вестник (988 — 1938).
171. Воронин, Н. Н. — Владимир-Боголюбово-Суздаль.
172. » » и Каргер М. К. — История культуры древней Руси.
173. Гафуров, Б. Т. — История таджикского народа.
174. Гелах, Т. Ф. и др. — Бухара, справочник-путеводитель.
175. Голубинский, Е. — История русской церкви.
176. Гончарова, А. и др. — Древние соборы Кремля.
177. » » и Хамшев, А. — Стены и башни Кремля.
178. Государственная Оружейная палата Московского Кремля, — сборник исторических трудов и описаний.
179. Греков, Б. Д. — О роли варягов в истории Руси.
180. » » — Киевская Русь.
181. » » — Культура древней Руси.
182. » » — Русская Правда и ее славянское окружение.
183. » » — Очерк по истории русского крестьянства.
184. » » и Якубовский, А. Ю. — Золотая Орда и ее падение.
185. Грушевский, М. С. — Очерк истории Киевской земли.

186. Гудзий, Н. К. — История древней русской литературы.
187. Даль, В. — Толковый словарь живого русского языка.
188. » » — Пословицы русского народа.
189. Дамба-Ринчинэ — Монгольские народные пословицы и поговорки.
190. Даниленко, В. М. — Исследования неолитических памятников в районе Киева.
191. Данилова Л. В. — Очерки по истории земле-
владения и хозяйства в Новгородской земле
14-15 вв.
192. Державин, Н. С. — Славяне в древности.
193. Дмитриев, Л. А. — О датировке сказания о Ма-
маевом побоище.
194. » » — Публицистические идеи
сказания о Мамаевом побо-
ище.
195. Дубенцов, Б. И. — К вопросу о т. н. Летописце
княжения Тверского.
196. Кн. Долгоруков, П. В. — Российский родослов-
ный сборник.
197. Дылыкова, С. Д. (редакция) — Армянские
источники о монголах.
198. Елкина, Н. М. — Старославянский язык.
199. Жирмунский, В. М. — Сказание об Алпамыше.
200. Заборов, М. А. — Папство и крестовые походы.
201. Иванов, В. В. — Русские народные говоры.
202. Избранные произведения мыслителей стран
Ближнего и Среднего Востока, под ред. С. Н.
Григоряна.
203. Иловайский, Д. И. — История России.
204. Ильина, Нат. — Изгнание норманнов.
205. История Киева, в 2-х томах, Изд. Укр. А. Наук.
206. История стран зарубежного Востока, под ред.
Ф. М. Ацамба.
207. История военного искусства, под ред. П. Рот-
мистрова.
208. Казакова, Н. А. и Лурье, Я. С. — Антифеодаль-
ные и еретические движения на Руси 14-15 вв.

209. Казахстан, — под ред. Н. Н. Барановского, сборник.
210. Караев, Г. Н. и Королук, В. Д. — К 550-летию Грюнвальдской битвы.
211. Каменцева, Е. И. и Устюгов, Н. В. — Русская сфрагистика и геральдика.
212. Карамзин, Н. М. — История государства Российского.
213. Карышковский, П. К. — Куликовская битва.
214. Каргер, М. К. — Древний Киев, в 2 томах.
215. Кельсиев, В. — Москва и Тверь.
216. Киселев, С. В. (редакция) — Древние монгольские города.
217. Ключевский, В. О. — Курс русской истории.
218. Константинова, Т. М. — Новгород.
219. Корзухина, Г. Ф. — Русские клады.
220. Королук, В. Д. — Древнепольское государство.
221. Косточкин, В. И. — Древние русские крепости.
222. Крепостные сооружения древней Руси, под ред. Н. Н. Воронина.
223. Кудряшев, К. В. — Про Игоря Северского.
224. Ламб, Г. — Чингиз хан, император народов.
225. Левченко, М. В. — Очерки по истории русско-византийских отношений.
226. Лесной, С. — История руссов в неизвращенном виде, 10 выпусков.
227. » » — Русь, откуда ты?
228. » » — Пересмотр основ истории славян.
229. Лихачев, Д. С. — Культура русского народа 10-17 вв.
230. » » — О летописном периоде русской историографии.
231. » » — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
232. » » — Рассказы начальной русской летописи.
233. Ломоносов, М. В. — Древняя русская история.

234. Ломоносов, М.В. — Краткий российский летопис, с родословием.
235. Лопатин, П. — Москва.
236. Кн. Лобанов-Ростовский, А. Б. — Русская родословная книга.
237. Мавродин, В. М. — Народные восстания в древней Руси.
238. » » — Материалы по истории крестьян 11-17 вв.
239. Масальский, В. Н. — Бухара.
240. Массэ, А. — Ислам.
241. Михайлов, Н. Н. (редакция) — Москва, сборник.
242. Михайлов, Н. И. — Сибирь.
243. Монгайт, А. Л. — Рязанская земля.
244. » » — Муром.
245. Народы Сибири, изд. Ак. Наук.
246. Нидерле, Л. — Славянские древности.
247. Новиков, Н. И. — Родословная книга российских князей и дворян.
248. Новосильцев, А. П. — Восточные источники о восточных славянах и Руси 6-9 вв.
249. Очерки истории СССР, изд. Ак. Наук,
том: 3-9 вв
250. » » » » том 9-13 вв.
251. » » » » том: 14-15 вв.
252. Очерки по истории русского востоковедения, изд. Ак. Наук.
253. Очерки истории южных и западных славян, под ред. С. Стецкевича.
254. Панкратова, А. М. — История СССР, в трех томах.
255. Пашуто, В. Т. — Хозяйство и техника средневековой Литвы.
256. » » — Героическая борьба русского народа за независимость в 13 в.
257. Пигулевская, Н. В. — Имя Русь в сирийском источнике 6-го века.

258. Пигулевская, Н. В. — История Ирана с древнейших времен.
259. Платонов, С. Ф. — Курс русской истории.
260. По следам древних культур, сборник.
261. Преображенский, А. А. — Обзор документальных материалов центрального гос. архива, период 11-16 вв.
262. Приселков, М. Д. — История русского летописания 11-15 вв.
263. Пугаченкова, Г. А. — Самарканд и Бухара.
264. Пашуто, В. Т. — Особенности структуры древне-русского государства.
265. » » — Черты политического строя древней Руси.
266. Рабинович, М. Г. — О начальной истории московского Кремля.
267. » » — Археологические исследования московского посада.
268. Рамм, Б. Я. — Папство и Русь в 10-15 вв.
269. Рыбаков, Б. А. — Древняя Русь.
270. » » — Древности Чернигова.
271. » » — Первые века русской истории.
272. » » — Ремесло древней Руси.
273. » » — Русь и Хозария.
274. » » — Очерки по истории русской деревни.
275. Савелов-Савелков, Л. М. — Древнее русское дворянство.
276. Садовников, Д. Н. — Загадки русского народа.
277. Сапунов, Б. В. — Некоторые соображения о древней русской книжности 11-13 вв.
278. Сафаргалиев, М. Г. — Распад Золотой Орды.
279. Сахаров, А. М. — Города северо-восточной Руси 14-15 вв.
280. Семенов, А. И. — Ярославово дворище и торг.
281. Семенов, В. — История средних веков.
282. Славянский сборник, под ред. И. Железнова.
283. Снегирев, В. — Московские слободы 14-18 вв.

284. Соловьев, А. В. — Автор «Задонщины» и его политические идеи.
285. Соловьев, С. М. — История России с древнейших времен.
286. Срезневский, И. И. — Материалы для словаря древне-русского языка, в 3-х томах.
287. Тизенгаузен, В. Г. — Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды, два тома.
288. Татищев, В. Н. — История Российская в семи томах, 18 в.
289. Тихомиров, М. Н. — Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».
290. » » — Древнерусские города.
291. » » — Сказание о начале Москвы.
292. » » — Источниковедение истории СССР.
293. » » — Россия в 16-м столетии.
294. » » — Средневековая Москва в 14-15 вв.
295. » » — Москва и культурное развитие русского народа в 14-17 вв.
296. » » — Средневековая Россия на международных путях.
297. Токарев, С. А. — Религиозные верования восточно-славянских народов.
298. Тредьяковский, В. К. — Рассуждение о первоначалии россов и варягах-руссах славянского звания, рода и языка, 18 в.
299. Толстов, С. П. — Древний Хорезм.
300. Федоров-Давыдов, Г. А. — Монеты рассказывают.
301. Фрейкин, З. Г. — Туркмения.
302. Хрестоматия по истории СССР, под ред. М. Н. Тихомирова.
303. Художественная проза Киевской Руси 11-13 вв. — сборник под редакцией И. П. Еремина и Д. С. Лихачева.

304. Черепнин, Л. В. — Русские феодальные архивы 14-15 вв.
 Том 1: Документы московского великокняжеского архива.
 Том 2: Акты митрополитов, монастырей и судебные.
- 305.. Черепнин, Л. В. — Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.
306. » » (редакция) — Памятники русского права, тт. 3 и 4.
307. Чернов, А. В. — Вооруженные силы Русского государства.
308. Шарль, Р. — Мусульманское право.
309. Шерман, И. Л. — Русские исторические источники 10-18 вв.
310. Шушарин, В. П. — О сущности и формах современного норманизма.
311. Шушарин, В. П. — Древнерусское государство в западно- и восточно-европейских памятниках.
312. Щапов, Я. Н. — Церковь в системе государственной власти древней Руси.
313. Юзюмов, М. Я. — Разделение церквей в 1054 году.
314. Якубовский А. Ю. — Из истории падения Золотой Орды.
315. » » — Древний Пянджикет
316. » » — Развалины Ургенча.
317. » » — Развалины Сыгнака.
318. » » — Столица Золотой Орды Сарай-Берке.
319. Янин, В. Л. — Денежно-весовые системы русского средневековья.
320. » » — Я послал тебе бересту.
321. Ярмухаметов Х. Татарские народные сказки.
322. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
323. Энциклопедия историческая, в 12 тт. под ред. Е. М. Жукова.

324. Энциклопедия географическая, в 5. тт. под ред. А. Григорьева.

Примечание:

Некоторые из перечисленных тут книг и исторических материалов в русском переводе не существуют, и автор пользовался ими в иностранных изданиях. Но в этом списке их названия, по возможности, указаны в переводе на русский язык.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие	7
Часть первая: КАРАЧЕЕВКА	15
Часть вторая: СЛАВА ЗОВЕТ	153
Эпилог	235
Библиография	244

1007

P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris 6*